

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1906.

(съ приложеніемъ семи таблицъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнн., № 12.

1907.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЫЪЗДЪ ФАТЫМИДСКИХЪ ХАЛИФОВЪ.

I.

Введеніе.

Изученіе исторіи внѣшняго быта и искусства мусульманскаго Востока. Незаработанность фактическаго матеріала и методовъ. Вещественные и литературные источники. Обычный приѣмъ обобщенія литературныхъ источниковъ. Необходимость монографическаго изученія. Особая важность литературнаго источниковѣднія исторіи внѣшняго быта и искусства въ эпоху халифовъ. Группы литературныхъ памятниковъ. Приемы работы надъ литературными источниками. Переводы внѣшне-бытовыхъ текстовъ и ихъ трудность: терминологія и конъектуральная критика, описанія предметовъ и пр. Пересказы описаній. — Преимущественный интересъ къ внѣшне-бытовымъ и художественнымъ даннымъ въ настоящей работѣ. Особая типичность Фатымидской эпохи. Разсказъ о Фатымидскомъ выѣздѣ у Макризи и источники его. Изученіе топографіи средневѣковаго Каира. Сходныя сообщенія Ибн-Тагри-бярди и Калькашанди. Составленіе церемоніальныхъ записей и характеръ нашего описанія. Типичность новогодняго выѣзда. Указанія текста на время окончательнаго сложенія церемоніала. Ближайшая цѣль нашей работы. Назначеніе приложеній. — Описаніе выѣзда Бидарскаго султана у Аонасіа Никитина.

Исторія внѣшняго быта и искусства мусульманскаго міра — одна изъ важныхъ отдѣловъ общей исторіи культуры этой части человѣчества — до недавняго времени привлекала къ себѣ весьма мало вниманія. Нѣкоторыя части ея, такъ или иначе связанныя съ тѣми областями научнаго востоковѣднія, которыя считались болѣе важными, находили, разумѣется, интересовавшихся и занимавшихся ими; но эти занятія носили по преимуществу случайный и попутный характеръ. Лишь по расширеніи культурно-историческихъ работъ въ этой обширной области, была признана важность и этого отдѣла изученій. Однако, при небольшомъ числѣ востоковѣдовъ вообще, исторія внѣшняго быта и искусства мусульманскаго міра насчитываетъ и по сіе время немногихъ специалистовъ. Особенно это чувствуется въ первой части т. е. въ исторіи быта; исторія искусства, вслѣдствіе болѣе доступности для не-востоковѣдовъ по специальности т. е. для лицъ, незна-

комыхъ съ восточными языками, но могущихъ, однако, принести въ данномъ случаѣ существенную пользу (къ таковымъ мы относимъ такъ называемыхъ общихъ историковъ искусства, архитекторовъ и пр.), — располагаетъ бѣльшимъ количествомъ работниковъ. При этомъ пужпо все же отмѣтить, что, разь созана важность данной научной дисциплины, даже ограниченное число занимающихся, не можетъ остановить пачатаго дѣла. Постояннымъ побужденіемъ къ дальнѣйшей работѣ служатъ основныя сочиненія общаго культурно-историческаго характера, — къ таковымъ напр. принадлежитъ извѣстное классическое сочиненіе А. Кремера о культурной исторіи Востока въ эпоху халифовъ¹⁾, — памѣтвшія рядъ вопросовъ, нуждающихся въ детальной разработкѣ.

При признаніи важности изученія исторіи виѣшняго быта и искусства, признаніи, возникшемъ благодаря расширенію культурно-историческихъ интересовъ, мы, кромѣ трудовъ общаго характера, располагаемъ уже цѣнными монографіями, освѣщающими ту либо иную, наиболее заслуживающую вниманія сторону²⁾. Изъ болѣе раннихъ подобнаго рода монографій мы можемъ называть напр. прекрасную работу о мусульманскихъ глиптикѣ и металлическихъ издѣліяхъ Ж. Рено³⁾ или глоссарій арабскихъ одеждъ Р. Дози⁴⁾, — оба сочиненія, кромѣ подробной разработки избранныхъ ими темъ, даютъ также интереснѣйшія сообщенія по исторіи быта, вѣрваній и пр. Изъ болѣе позднихъ работъ можно назвать — А. Шапка объ искусствѣ испанскихъ и сицилійскихъ арабовъ⁵⁾, Л. Карабацека о ткацкихъ издѣліяхъ на средневѣковомъ мусульманскомъ Востокѣ⁶⁾, Ф. Шварцлозе объ оружіи до-мусульманскихъ арабовъ⁷⁾ и др. При существованіи, однако, необозримаго матеріала, еще подлежащаго разработкѣ, эти прекрасныя монографіи должны быть названы лишь весьма рѣдкими

1) A. v. Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen*, Wien, I, 1875, II, 1877

2) Библиографическія данныя можно найти въ «Матеріалахъ для библиографіи мусульманской археологіи. Изъ бумагъ бар. В. Г. Тизенгаузена», изданныхъ Я. И. Смирновымъ и мною въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія (цитируемыхъ далѣе подъ инициалами ЗВО), т. XVI.

3) J. Reinaud, *Monuments arabes, persans et turcs du cabinet de M. le duc de Blacas et d'autres cabinets, considérés et décrits d'après leurs rapports avec les croyances, les moeurs et l'histoire des nations musulmanes*, I—II, Paris, 1828.

4) R. Dozy, *Dictionnaire détaillé des noms des vêtements chez les Arabes*, Amsterdam, 1845.

5) A. F. Graf von Schack, *Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien*, I—II, Zweite Auflage, Stuttgart, 1877.

6) J. Karabacek, *Die persische Nadelmalerei Susandschird. Ein Beitrag zur Entwicklungs-Geschichte der tapisserie de haute lisse*, Leipzig, 1881.

7) F. W. Schwarzlose, *Die Waffen der alten Araber aus ihren Dichtern dargestellt. Ein Beitrag zur arabischen Alterthumskunde, Synonymik und Lexicographie*, Leipzig, 1886.

явленіями. Массѣ неразработаннаго фактическаго матеріала отвѣчаетъ также неразработанность приемовъ, съ которыми должно послѣдовать этотъ фактической матеріалъ. На этой сторонѣ дѣла стоитъ нѣсколько остановиться.

При всякомъ историческомъ изученіи прежде всего возникаетъ вопросъ объ источникахъ. Источники исторіи быта и искусства какой бы то ни было эпохи и какого бы то ни было народа, раздѣляются при первомъ же разсмотрѣніи на двѣ обширныя группы—источниковъ вещественныхъ и литературныхъ¹⁾. Первая группа, вслѣдствіе опять таки болѣе своей доступности, какъ вообще, такъ и въ нашемъ частномъ случаѣ изученія мусульманскаго міра, имѣетъ болѣе количество работниковъ. При изученіи второй группы источниковъ необходимо обратиться къ изученію письменныхъ памятниковъ, что требуетъ, разумѣется, предварительнаго знакомства съ тѣмъ языкомъ, на которомъ эти памятники написаны, т. е. въ нашемъ случаѣ нѣкотораго знакомства съ однимъ изъ языковъ мусульманскаго Востока. Могущихъ отвѣтить этому требованію всегда было очень немного. Наша работа, однако, входитъ именно въ эту область *литературнаго источниковеденія исторіи нынѣшняго быта и искусства мусульманскаго Востока*. Поэтому, на эту сторону дѣла намъ нужно обратить преимущественное вниманіе.

Въ двухъ наиболѣе замѣчательныхъ трудахъ по исторіи быта въ русской исторической литературѣ — въ сочиненіи И. Е. Забѣлина²⁾ о домашнемъ бытѣ Московскихъ царей и въ сочиненіи Д. О. Бѣляева³⁾ о приемахъ и выходахъ Византійскихъ василевсовъ — были высказаны нѣкоторыя, касающіяся работъ подобнаго рода мысли, упомянуть которыя здѣсь своевременно. Отмѣчаемъ слѣдующія соображенія И. Е. Забѣлина (стр. XIII), касающіяся общихъ приемовъ разработки бытовой исторіи. «Обыкновенный способъ обработки бытовой исторіи», пишетъ онъ: «заключается въ томъ, что разновременные, разномѣстные и разносословные бытовые факты сводятъ подъ извѣстное оглавленіе и такимъ образомъ составляютъ рассказъ о той или другой сторонѣ быта, о томъ или другомъ порядкѣ жизни. При

1) Въ этомъ отношеніи художественно-бытовыя занятія особенно важны для исторической методики, давая возможность даннымъ литературнымъ провѣрять данными вещественными и обратно, чего въ остальныхъ областяхъ исторической науки мы сдѣлать не можемъ. На эту важность указалъ еще въ 1878 г. выдающійся русскій историкъ А. Г. Брикнеръ—«Недостаточное развитіе этой отрасли исторической науки объясняется отсутствіемъ точныхъ понятій о теоріи исторіи, о предѣлахъ, предметахъ и приемахъ исторіи». (Труды III Археологическаго съѣзда, I, Кіевъ, 1878, стр. 41).

2) И. Е. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст., 3-е изданіе, Москва, 1895.

3) Д. О. Бѣляевъ, Ежедневные приемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софійи въ IX—X вв. (Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, новая серія, т. VI), СПб. 1892.

первоначальныхъ работахъ такой способъ почти миновать нельзя. Но должно сознаться, что онъ грѣшитъ излишнимъ обобщеніемъ фактовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ или долженъ представлять какъ бы общую черту, не выясняя однакожъ того или другаго общаго типа жизни, а рисуя только вообще жизнь народа въ извѣстный періодъ времени, иногда очень значительнаго объема. Намъ кажется, что этимъ способомъ мы едва ли получимъ надлежащее, истинное понятіе о свойствахъ и типическомъ характерѣ прожитой жизни, что изслѣдованія наши мы начинаемъ съ конца, а не съ начала, ибо составляемъ характеристику общаго типа въ то время, когда намъ вовсе неизвѣстны типы частные, къ которымъ всегда относится самая наибольшая часть собираемыхъ нами фактовъ и *общее* которыхъ, одно оно, только и можетъ характеризовать общій типъ народной жизни. Поэтому, намъ кажется, мы должны остановить свое вниманіе прежде всего на изученіи этихъ частныхъ типовъ, мы должны непременно раскрыть ихъ, если бы и не были они замѣтны на первый поверхностный взглядъ¹⁾. Въ томъ же духѣ высказался и Д. Θ. Бѣляевъ (стр. 5) отмѣтившій, что смѣшеніе всѣхъ эпохъ въ одну общую эпоху приводитъ къ недоразумѣніямъ и путаницѣ, что при разсмотрѣніи того или другаго бытового явленія всегда необходимо имѣть въ виду время, къ которому оно относится

1) Приводимъ еще нѣсколько цитатъ изъ той-же книги, волеяѣ отвѣчающихъ нашей точкѣ зрѣнія. «Предметъ до чрезвычайности обширенъ, разнообразенъ, мелоченъ и дробенъ. Требуется особенное вниманіе и страшно копотливая работа только для того, чтобы собрать въ одно мѣсто необходимый матеріалъ... Но еще труднѣе дать этому матеріалу научную форму, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы облегчить послѣдующія работы, т. е. разобрать, распределить этотъ матеріалъ, связать въ одно научное цѣло, чтобы самъ онъ, помимо нашихъ указаній и толкованій, выговорилъ заключительное слово, т. е. научный выводъ, результатъ изслѣдованія. Все это представляетъ неимоверныя трудности особенно по той причинѣ, что какъ ни велико множество матеріаловъ этого рода, оно все-таки отличается замѣчательно неполнотою. Вы сжeminутно встрѣчаете пробѣлы, самые мелочные, но однакожъ такіе, которые затрудняютъ дѣло до невѣроятности. Добросовѣстное отношеніе къ фактамъ не позволяетъ вамъ двинуться съ мѣста по случаю такихъ пробѣловъ и работа при всемъ вашемъ усиліи не достигаетъ этого желаннаго заключительнаго слова» (стр. XII—XIII). Когда «будутъ раскрыты частные типы, то общій типъ народной жизни не замедлитъ раскрыться самъ собою и только тогда будутъ возможны полныя и вѣрныя характеристики не только частныхъ, но и общественныхъ формъ народнаго быта» (стр. XVI). «Въ мелочахъ яснѣе и полнѣе раскрываются свойства каждаго предмета, а тѣмъ болѣе, если дѣло идетъ о характеристикѣ человѣческаго быта, о характеристикѣ нравовъ, обычаевъ, домашнихъ положеній и условій жизни... Мелочи старой жизни кладутъ краски и тѣни въ нашихъ представленіяхъ объ историческомъ бытѣ народа, образуютъ, если можно такъ сказать колоритъ въ исторической картинѣ, и во всякомъ случаѣ ничто такъ не способствуетъ образованію наиболѣе вѣрнаго, правильнаго взгляда на прошедшее, какъ эти мелочи, которыя иногда одною чертою рассказываютъ несравненно больше, чѣмъ цѣлое изслѣдованіе... Читатель гораздо больше прочтетъ между строками, какъ это всегда бываетъ при чтеніи сборника бытовыхъ фактовъ» (стр. XIX).

и что чѣмъ тѣснѣе будетъ періодъ времени, къ которому мы отнесемъ данное въ источникѣ бытовое явленіе, тѣмъ будетъ вѣрнѣе.

Эти теоретическія соображенія вполне примѣнимы и къ исторіи быта мусульманскаго Востока, въ частности той эпохи, которая имѣетъ особое значеніе въ нашемъ случаѣ. Эпоха халифата, эпоха, прибавимъ, наиболѣе сильнаго сліянія бытовыхъ формъ, какое, можетъ быть, знала мусульманская культура за все время своего существованія, — нашла блестящее обобщеніе въ вышеупомянутомъ трудѣ А. Кремера. Здѣсь, изъ богатаго и разнообразнаго собранія литературныхъ источниковъ, была дана соответствующая бытовая картина, за которую, какъ и за многое другое, это сочиненіе вполне заслуживаетъ названіе классическаго. Но вслѣдъ за появленіемъ его, тотчасъ же возникла необходимость детальнаго изученія затронутыхъ въ немъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ этимъ, силою да рядомъ, иное освѣщеніе ихъ, иногда даже полная перестановка. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта задача уже выполняется; въ отношеніи же исторіи вѣшняго быта и искусства мы до сего времени такихъ работъ не имѣемъ. Это обстоятельство чрезвычайно важно установить, коснувшись общихъ задачъ интересующей насъ научной дисциплины.

Итакъ, признавъ детальное, монографическое изученіе — единственно возможнымъ и должнымъ при занятіяхъ литературнымъ источниковѣдѣніемъ исторіи быта и искусства въ эпоху халифатовъ, мы должны обратиться къ тѣмъ особенностямъ, которыя представляетъ это изученіе въ данномъ случаѣ. Въ особенно благоприятныхъ условіяхъ находятся занятія тогда, когда матеріалъ вещественный и матеріалъ литературный имѣются въ одинаковой полнотѣ и изслѣдователь можетъ данныя одной части источниковъ пояснять данными другой. До насъ уже было, однако, указано¹⁾, что вещественныхъ памятниковъ искусства и быта мусульманскаго средневѣковья имѣется въ нашемъ распоряженіи далеко не въ изобиліи (сравнительно конечно)²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ болѣе важное значеніе приобрѣтаютъ въ такомъ случаѣ памятники литературные³⁾, хотя тѣмъ сложнѣе представ-

1) Karabacek, Susandschird, 1: «Denkmäler der vergangenen Kunstepochen des saronischen Mittelalters gehören überhaupt zu den Seltenheiten».

2) Сюды этимъ вещественнымъ памятникамъ, особенно по отношенію къ средневѣковому Египту, данъ въ книгѣ Stanley Lane Poole, *The art of the Saracens in Egypt*, London, 1886. Тутъ же имѣются нѣкоторыя сопоставленія вещественныхъ данныхъ съ литературными.

3) Аналогичное заявленіе относительно памятниковъ карловингскаго искусства дѣлаетъ J. Schlosser, *Beiträge zur Kunstgeschichte aus den Schriftquellen des frühen Mittelalters*, *Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften*, B. 123, Wien, 1891, ss. 1—2. При отсутствіи вещественныхъ памятниковъ, онъ указываетъ на *Quellenforschung*.

ляется работа над ними. Эпоха халифатовъ, во многихъ отношеніяхъ являющаяся наилучше разработанной изъ всѣхъ эпохъ исторіи Ислама, въ этомъ отношеніи представляетъ большія затрудненія для занимающихся ею. Считаясь, однако, съ существующимъ положеніемъ матеріаловъ, необходимо обратить особое вниманіе на характеръ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ и, при возможности опредѣлить различныя ихъ группы, указать методъ, который можно избрать въ томъ или иномъ случаѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ разъясненію этихъ вопросовъ, мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на соответствующемъ изученіи литературнаго источниковѣднія исторіи искусства западно-европейскаго средневѣковья. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой стороны дѣла проф. Ю. Шлоссеръ, выпустившій особую хрестоматію, заключающую въ себѣ рядъ текстовъ по исторіи средневѣковаго искусства¹⁾, попытался во введеніи къ этой книгѣ дать классификацію этихъ текстовъ (стр. VIII слѣд.). Изъ его перечисленій мы можемъ убѣдиться въ значительномъ богатствѣ и разнообразіи источниковъ для исторіи европейскаго искусства въ письменныхъ памятникахъ. Раздѣливъ всю обширную литературу на три главныхъ группы — теоретическихъ, историческихъ и эстетическихъ сочиненій, онъ перечисляетъ различныя виды художественно-историческихъ описаній, среди которыхъ мы находимъ и особаго рода надписи къ произведеніямъ искусства, и описанія художественныхъ издѣлій въ поэзій, и таковыя же описанія въ историческихъ трудахъ, и инвентари²⁾, и особыя монографіи о выдающихся памятникахъ, и итинераріи, и топографическія описанія и пр. Подобная классификація является возможной уже при разобранномъ и ясномъ матеріалѣ.

Обращаясь къ литературнымъ источникамъ исторіи быта и искусства въ эпоху халифатовъ т. е. преимущественно къ памятникамъ арабской литературы, мы не только не можемъ дать подобнаго рода классификаціи, но должны констатировать полную неразобранность источниковъ въ этомъ отношеніи. Всѣ извлеченія, которыми мы можемъ въ настоящее время пользоваться, относятся почти исключительно къ одному виду литературныхъ

1) J. Schlosser, Quellenbuch zur Kunstgeschichte des abendländischen Mittelalters; ausgewählte Texte des vierten bis fünfzehnten Jahrhunderts, Wien, 1896. (VII Band въ серіи Quellenschriften für Kunstgeschichte und Kunsttechnik des Mittelalters und der Neuzeit, Neue Folge, касающейся западноевропейскаго искусства и весьма интересной съ точки зрѣнія литературнаго источниковѣднія).

2) Относительно этого богатѣйшаго отдѣла литературнаго источниковѣднія имѣется въ настоящее время большой трехтомный трудъ Mély et Bisshor, Bibliographie générale des inventaires imprimés, Paris, 1894, гдѣ, конечно, говорится лишь объ европейскихъ инвентаряхъ.

памятниковъ — именно къ сочиненіямъ историческимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Выписки дѣлались почти исключительно изъ лѣтописей и другихъ историческихъ сочиненій, иногда даже безъ приведенія текста; въ цѣляхъ же объясненія къ отдѣльнымъ словамъ сообщались лексическія данныя. Далѣе этого изученіе не шло. Кромѣ того, среди этой группы историческихъ сочиненій не были указываемы и особо выдѣляемы тѣ изъ нихъ, которыя даютъ сравнительно съ другими болѣе богатый матеріалъ и не были отмѣчаемы такія, которыя ничего не даютъ въ этомъ отношеніи¹⁾. Наконецъ, матеріалъ историко-художественный не отдѣлялся, поскольку это возможно, отъ матеріала историко-бытового. Всѣ эти задачи предоставлены рѣшенію будущаго. При всемъ томъ нельзя сказать, что мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи матеріаловъ по виѣшне-бытовой и художественной исторіи мусульманскаго Востока, доступныхъ и для не-востоковѣдовъ. Среди собранія подобнаго рода матеріаловъ, несомнѣнно на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены капитальные труды знаменитаго французскаго оріенталиста Э. Катрмера объ исторіи монголовъ въ Персіи²⁾ и объ исторіи Мамлюкскихъ султановъ въ Египтѣ³⁾. Согласно господствовавшимъ въ его время приемамъ работы⁴⁾, Катрмеръ собралъ, исключительно въ примѣчаніяхъ къ даннымъ имъ переводамъ историческихъ текстовъ, рядъ цѣнныхъ выписокъ изъ различныхъ мусульманскихъ историковъ; тутъ идетъ дѣло о различныхъ памятникахъ быта и искусства, могущихъ дать разнообразныя и богатые матеріалы занимающимся въ этой области. Необходимо отмѣтить, однако, что пользованіе этими сочиненіями затруднено до чрезвычайности — не только не имѣется никакихъ указателей, но даже оглавленія, которое хотя немного помогло бы оріентироваться. Чтобы узнать — какіе матеріалы имѣются въ этихъ книгахъ, нужно внимательно просмотрѣть ихъ съ начала до конца.

Другіе литературные источники, кромѣ собственно-историческихъ сочиненій, почти совершенно не были затронуты. Даже не выяснено, имѣются-ли въ много рода источникахъ матеріалы для этой стороны дѣла⁵⁾.

1) Нѣкоторыя замѣчанія въ этомъ отношеніи относительно западноевропейскихъ лѣтописей см. у Schlosser, Quellenbuch, XVII.

2) E. Quatremère, Histoire des Mongols de la Perse, I, Paris, 1836.

3) E. Quatremère, Histoire des sultans Mamlouks de l'Égypte, Paris, I, 1, 1837, I, 2, 1840, II, 1, 1842, II, 2, 1845.

4) Объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ въ отношеніи къ теоретическимъ вопросамъ разработки исторіи быта и искусства по литературнымъ даннымъ см. интересную статью французскаго историка Ch. Langlois, Les travaux sur l'histoire de la société française au moyen âge d'après les sources littéraires, Revue Historique, t. 63, 1897, pp. 241—266. Ср. его-же, La société française au XIII-me siècle d'après dix romans d'aventure, Paris, 1904, Introduction.

5) Сравнительной извѣстностью пользуется такъ называемый «инвентарь Мустансыра» — напр. Stanley Lane Poole, о. с. 10. Но это собственно не настоящій инвентарь,

дѣло, разумѣется, еще болѣе усложняется. Къ этому позволимъ себѣ добавить, что подобная работа надъ восточными текстами еще значительно труднѣе, чѣмъ подобное-же изслѣдованіе текста, написаннаго хотя-бы на одномъ изъ классическихкихъ языковъ: оставляя даже въ сторонѣ бѣльшую графическую и грамматическую трудность, приходится считаться съ отсутствіемъ необходимыхъ для облегченія работы пособій. Всегда нужно имѣть въ виду то, что цѣлый рядъ такъ называемыхъ вспомогаельныхъ историческихкихъ знаній совершенно не разработанъ въ исторіи Востока и что, вслѣдствіе этого, приходится иногда останавливаться надъ вопросами, которые, при иныхъ условіяхъ, сравнительно легко могли-бы быть разрѣшены. Переходя далѣе къ приемамъ работы надъ вѣдше-бытовыми текстами, мы не будемъ долго останавливаться надъ этимъ вопросомъ въ виду того, что эти приемы ничѣмъ существенно не отличаются отъ приемовъ обыкновенныхъ научныхъ переводовъ. Намѣтимъ лишь нѣкоторыя типичныя черты. Необходимо на первый планъ выставить громадное значеніе *терминологіи*. При чтеніи подобныхъ текстовъ, бытовые и художественные термины являются самымъ главнымъ препятствіемъ. Даже наличность необходимыхъ пособій — нахожденіе даннаго слова въ какомъ-нибудь словарѣ, предложенное уже кѣмъ-нибудь на основаніи другаго текста значеніе и пр., — все это иногда не можетъ помочь дѣлу. Вопреки обычной работѣ надъ переводами, тутъ не помогаетъ и контекстъ. Приходится подѣскивать мѣста, гдѣ это слово упомянуто въ подобномъ же значеніи; для этого-же надо выйти за предѣлы даннаго текста, иногда и даннаго сочиненія. Кроме того, тотъ путь, которымъ дошли до насъ эти термины, сложенъ и опасенъ. Культурныя названія сплошь да рядомъ заимствуются изъ чужихъ языковъ; воспринимаются народомъ въ измѣненномъ видѣ; опять-таки иначе заносятся въ письменность. Орфографическая устойчивость подобныхъ словъ принадлежитъ къ разряду наиболѣе шаткихихъ. У самого автора какого-нибудь сочиненія вѣдше-бытовой терминъ можетъ быть ошибочно записанъ, какъ вслѣдствіе простой, наиболѣе возможной въ данномъ случаѣ ошибки, такъ и вслѣдствіе вышеупомянутой орфографической неустойчивости. Переходя отъ переписчика къ переписчику, терминъ можетъ измѣниться до полной неузнаваемости, при чемъ современныи ученый, при разборѣ текста, очень часто совершенно не можетъ сказать — имѣеть-ли онъ дѣло съ различною системой начертанія, или съ ошибкой. О порчѣ начертанія при перепискѣ мы распространяться не будемъ—это слишкомъ обычный фактъ для текстовъ не только вѣдше-бытового содержанія. Для восстановленія истиннаго смысла непонятнаго слова представляется одинъ путь—*конъектура*, и тутъ работа надъ этими текстами вступаетъ въ наиболѣе сложныя

условія. Кошечуральная критика, требующая особой осторожности въ примѣненіи и заслуженно вызывающая иногда скептическое къ себѣ отношеніе, полновластна во внѣшне-бытовыхъ текстахъ. Какъ пониманіе термина изъ сопоставленія аналогичныхъ мѣстъ, такъ и копейтура его, являются необходимымъ спутникомъ чтенія внѣшне-бытовыхъ текстовъ не только рукописныхъ, но и изданныхъ, и при томъ изданныхъ критически. Ничто не затрудняетъ такъ издателя какъ термины; болѣе-же всего, думаемъ мы, именно термины внѣшне-бытовые, такъ какъ ихъ, при крайнемъ разнообразіи, не найти ни на какой картѣ, весьма рѣдко—въ специальныхъ глоссаріяхъ. Въ послѣдующемъ мы будемъ имѣть неоднократно случаи представить этому фактическія доказательства. Но не одна только терминологія представляетъ затрудненія при чтеніи внѣшне-бытовыхъ текстовъ; случается, что при ясности грамматическаго строя и значенія терминовъ, смыслъ фразы все же остается непонятенъ. Мы разумѣемъ — *описаніе предметовъ*. Когда не удовлетворяющее насъ описаніе можетъ быть проверено и дополнено самимъ описываемымъ или сходнымъ съ нимъ предметомъ, тогда особыя затрудненія устраниваются. Но, при сравнительно рѣдкости самихъ вещей, постоянно приходится имѣть дѣло лишь съ одними описаніями. Въ такомъ случаѣ, во-первыхъ можетъ быть неудовлетворительно самое описаніе, потому что текстъ сплошь да рядомъ недостаточно точно и подробно описываетъ предметъ, который какъ могъ быть плохо понятъ описывавшимъ авторомъ, такъ и казаться слишкомъ обычнымъ и извѣстнымъ для того, чтобы заслуживать подробнаго описанія. Во вторыхъ, затрудненіе можетъ встрѣтиться въ самомъ переводчикѣ—бываетъ трудно, оторвавшись, такъ сказать, отъ текста, мысленно возстановить предметъ, который никогда не былъ передъ глазами. Мы не будемъ останавливаться на иныхъ трудностяхъ подобныхъ внѣшне-бытовыхъ описаній: неудовлетворительность состоянія текста, гиперболичности числовыхъ данныхъ, невыясненности метрологій и пр. Въ дальнѣйшей нашей работѣ мы будемъ неоднократно встрѣчать примѣры затрудненій подобнаго рода.

Въ цѣляхъ опредѣленія различныхъ видовъ работы надъ внѣшне-бытовыми текстами, мы можемъ указать, что рядомъ съ наиболѣе желательнымъ видомъ работы, критическимъ переводомъ, такое же право на существованіе имѣетъ и пересказъ описаній. Дѣло въ томъ, что иногда, мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія, причемъ, однако, безразлично въ рукописи или въ печати, состояніе текста не даетъ намъ возможности, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ недостатковъ, установить точно смыслъ всего текста. Въ такомъ случаѣ, въ ожиданіи свѣрки рукописей или новаго, критическаго изданія, работы, за которую приняться по чему-либо не удобно, можно

все-же, думается намъ, пользоваться доступными мѣстами текста въ цѣляхъ вспомогательныхъ. При этомъ, конечно, всегда желательно возвращеніе къ пересказаннымъ текстамъ съ тѣмъ, чтобы, уже въ лучшихъ условіяхъ, дать переводъ ихъ.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ соображенія о приѣмахъ работы надъ вышше-бытовыми текстами, которыя мы считали необходимымъ высказать прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ задачъ нашей работы. Сущность ея, впрочемъ, уже уясняется и изъ этихъ соображеній. Нашъ трудъ, посвященный литературному источниковѣднію, является въ основаніи переводомъ и пересказомъ вышше-бытовыхъ текстовъ.

Главное содержаніе нашей работы—переводъ текста, описывающаго торжественный выѣздъ Фатымидскихъ халифовъ. Передъ нами, такимъ образомъ, опредѣленная историческая эпоха. Поэтому, могло бы казаться, что избравшій эту тему является, какъ то обыкновенно бываетъ при историческомъ изученіи, специалистомъ по исторіи Египта (хотя бы средне-вѣковаго мусульманскаго) или Фатымидовъ¹⁾. Мы въ самомъ началѣ должны оговориться, что подошли къ этой темѣ съ совсѣмъ иной стороны. Намъ, въ данномъ случаѣ, интересовали не тѣ или инныя измѣненія въ жизни мусульманскаго Египта, равно какъ и не историческія судьбы Фатымидовъ, а лишь явленія, имѣющія отношенія къ исторіи вышше-бытовыхъ или художественныхъ фактовъ средне-вѣковой мусульманской культуры. Не отрицая того, что въ частныхъ случаяхъ намъ постоянно приходится считаться съ ограниченными мѣстными и временными условіями, мы все же указываемъ, что съ общей точки зрѣнія исходили не изъ интересовъ областной исторіи, а изъ интересовъ опредѣленнаго отдѣла историческаго изученія. При этомъ, конечно, возникаетъ вопросъ—въ какой мѣрѣ можно въ различныхъ отношеніяхъ разсматривать мусульманскую культуру какъ нѣчто цѣлое, но вопросъ этотъ имѣетъ настолько общій характеръ и настолько обширенъ, что мы не считаемъ себя обязанными отвѣчать на него; замѣтимъ лишь, что какъ общая точка зрѣнія, такъ и спеціальныя работы въ нашей области, установили признанный фактъ—культурную общность всего мусульманскаго міра²⁾.

1) Исторіи Фатымидовъ, кромѣ соответствующихъ главъ въ общихъ исторіяхъ Ислама, посвящены монографическія работы—F. Wüstenfeld, *Geschichte der Fatimiden-Chalifen* (Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, B. 26—27), Göttingen, 1881 и главы IV—VI (pp. 92—190) книги Stanley Lane Poole, *A History of Egypt in the middle ages*, London, 1901.

2) На такой точкѣ зрѣнія въ изученіи мусульманскаго искусства стоитъ напр. J. Franz-Pascha, *Die Baukunst des Islam*, 2-te Auflage, Darmstadt, 1896, разсматривающіи

Тотъ фактъ, что у насъ имѣется описаніе торжественнаго выѣзда изъ эпохи Фатымидовъ, объясняется, въ значительной мѣрѣ, случайностью, — нашлись авторы, которые описали выѣздъ на основаніи болѣе раннихъ источниковъ и сочиненій которыхъ дошли до насъ. Но нельзя не отмѣтить, что именно Фатымидская эпоха особенно интересна съ той точки зрѣнія, съ которой мы приступаемъ къ разсмотрѣнію текста¹⁾. Шитская, т. е. еретическая съ точки зрѣнія правовѣрнаго Ислама, не имѣющая давнихъ и прочныхъ традицій, въ сравнительно короткое время достигшая весьма большой политической силы, Фатымидская династія чрезвычайно выиграла въ географическомъ положеніи, занявъ Египетъ, одну изъ главныхъ, центральныхъ частей мусульманскаго міра. Именно для выѣшней обстановки власти, Египетъ, какъ центръ торговой и промышленной жизни²⁾, долженъ былъ дать очень много. Стекавшіеся со всего извѣстнаго тогда міра предметы ремесла и художества должны были входить въ бытовую обстановку самихъ халифовъ и окружавшей ихъ знати. Роскошная обстановка двора являлась однимъ изъ средствъ для того, чтобы imponировать въ общемъ враждебно настроенному населенію. Сокровищницы халифовъ наполнялись не только благодаря торговлѣ; значительную роль тутъ играли и выѣшнія политическія отношенія. Можно предполагать на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній, что не безъ пользы для обогащенія Фатымидской казны еще до завоеванія Египта предпринимались и нѣкоторыя экспедиціи Карматовъ, таквихъ-же еретиковъ и союзниковъ Фатымидовъ. Благодаря всему этому, мы разсматриваемъ выѣшнюю обстановку Каирскаго халифата, особенно ту сторону ея, которая относится къ предметамъ роскоши, — какъ смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ по происхожденію предметовъ искусства и ремесла, въ громадномъ количествѣ, конечно, сдѣланныхъ въ мастерскихъ мусульманскаго міра.

единую мусульманскую архитектуру, съ раздѣленіемъ ея на рядъ группъ или стилей (см. ss. 78—79). Наоборотъ, сочиненія объ искусствѣ по областямъ, напр. вышеупомянутая работа Stanley Lane Poole'a, при научныхъ объясненіяхъ, должны обращаться къ сравненіямъ изъ другихъ областей мусульманскаго искусства, такъ какъ безъ этого частности не будутъ понятны.

1) Оцѣнка египетской культуры въ эпоху Фатымидовъ до сихъ поръ не можетъ считаться завершеною — въ то время какъ напр. Th. Nöldeke, *Orientalische Skizzen*, Berlin, 1892, 3 считаетъ эту культуру очень высокою, историкъ средневѣковаго Египта Stanley Lane Poole, *History*, 117—118, 186, 188 — относится отрицательно къ культурнымъ успѣхамъ за это время (кроме искусства, 188—189).

2) Въ этомъ отношеніи рядъ интереснѣйшихъ указаній можно найти въ капитальномъ трудѣ W. Heyd, *Histoire du commerce du Levant au moyen âge*, Leipzig, 1886, I—II. По вопросу о бытовомъ воздѣйствіи мусульманскаго Востока на Западную Европу много давнихъ собрано у H. Prutz, *Culturgeschichte der Kreuzzüge*, Berlin, 1883.

Извѣстіями о богатствѣ Фатымидской казны востоковѣды обязаны, главнымъ образомъ, тѣмъ подробнымъ сообщеніямъ, которыя далъ арабскій писатель XIV—XV вв., прожившій большую часть жизни въ Египтѣ, исторіей котораго опъ главнымъ образомъ интересовался — Макризи (766 — 845; 1364 — 1442)¹⁾. Его обширный трудъ (одинъ изъ многихъ другихъ), озаглавленный *كتاب المواعظ والأخبار في ذكر الخطط والآثار* и посвященный исторіи и географіи Египта, даетъ массу матеріаловъ, до сихъ поръ въ значительномъ количествѣ не использованныхъ, хотя этотъ трудъ Макризи былъ извѣстенъ уже съ давнихъ поръ. Сочиненіе это, имѣющееся въ значительномъ количествѣ рукописей, было уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ издано въ Булакѣ (1270 X.; 1853—1854 по Р. X.) и послѣ того изъ него неоднократно дѣлались извлеченія, но многое еще осталось неиспользованнымъ. Изданіе, какъ почти всѣ восточныя изданія (за исключеніемъ бейрутскихъ), вовсе не критическое и требуетъ для пользованья имъ привычки. Новое, критическое изданіе во многихъ вопросахъ пониманія текста оказывается совершенно необходимымъ; однако, врядъ-ли можно скоро на это рассчитывать, — согласно обычаю, разъ изданное долго ждетъ переизданія. Что касается далѣе до полнаго перевода этого сочиненія, то эта работа потребовала бы многихъ лѣтъ, такъ какъ при наличности Булакскаго изданія, безъ сличенія съ рукописями, справиться со всей этой работой, по нашему мнѣнію, невозможно²⁾. Вслѣдствіе разнообразія затронутыхъ Макризи специальныхъ вопросовъ, наиболѣе правильный, съ нашей точки зрѣнія, путь—это путь отдѣльныхъ комментированныхъ переводовъ частей сочиненія. Этому принципу слѣдовали мы въ настоящей работѣ, положивъ въ основаніе ея именно извѣстіе Макризи объ одномъ изъ выѣздовъ Фатымидскихъ халифовъ. Относящихся къ церемоніалу описаній очень много у Макризи, — пестрой вереницей тянутся передъ нами различныя описанія приемовъ, общественныхъ молитвъ и выѣздовъ, пересыпанныя специальными топографическими и бытовыми терминами. Разобраться въ одномъ изъ описаній бываетъ возможно тогда, когда есть предварительно знакомство со всѣми ими. Читатель нашего перевода увидитъ, если будетъ знакомиться съ нашими примѣчаніями, что, въ цѣляхъ комментарія, мы должны были проштудировать всѣ имѣющіяся у Мак-

1) О немъ и его сочиненіяхъ см. C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Literatur*, II, 1902, 38—41.

2) Переводъ, далеко не полный, U. Bouriant, *Maqrizi, Description topographique et historique de l'Égypte, Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique au Caire, t. XVII, Pp. I — II, Paris, 1895—1900*, не затронулъ интересующихъ насъ внешне-бытовыхъ текстовъ.

ризи сообщенія о Фатымидскомъ цереміалѣ. Только такимъ путемъ оказалось возможнымъ дать посылный отвѣтъ на рядъ вопросовъ.

Какъ нашъ текстъ (см. ниже прим. 1 къ переводу), такъ и многія другія сообщенія Макриси, основаны на сочиненіяхъ, большая часть которыхъ не дошла до насъ; трудъ Макриси есть собственно громадная компиляція, особенно драгоценная именно тѣмъ, что сохранила рядъ свѣдѣній, которыя безъ нея были бы совершенно утрачены. Во многихъ случаяхъ источники извѣстій бываютъ названы, — тогда чрезвычайно интересно знать характеръ и содержаніе этого источника; возникаетъ слѣдовательно вопросъ объ изученіи источниковъ Макриси. При научныхъ переводахъ, въ обязанность переводчика входитъ опредѣленіе источника данного текста. Какъ увидимъ ниже и относительно нашего текста возникаетъ вопросъ объ источникахъ, который могъ-бы значительно уклонить нашу работу въ сторону, чуждую нашимъ непосредственнымъ интересамъ, если бы мы уже не имѣли опыта разбора источниковъ Макриси въ работѣ К. Беккера¹⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ приходится имѣть дѣло съ источниками, мы всегда имѣемъ возможность опираться на данныя этой работы.

Но и въ другомъ отношеніи, изслѣдователь текста Макриси находитъ себѣ значительную помощь. При описаніи различнаго рода цереміаловъ, особенно же цереміала выѣзда, всегда приходится имѣть дѣло съ данными топографическими. Эти данныя способны иногда очень задерживать работу — вспомнимъ, что Д. О. Бѣляевъ, для главной цѣли своего труда, пріемовъ и выходовъ Византійскихъ царей, долженъ былъ написать цѣлое изслѣдованіе, посвященное топографіи дворца²⁾. Мы, для работы надъ Фатымидскомъ выѣздомъ, имѣемъ помощь въ томъ, что топографія средне-вѣковаго Каира служила уже предметомъ специальныхъ изученій. П. Равесъ³⁾ подробно разобралъ тексты Макриси, имѣющіе отношеніе къ исторіи и топографіи Каира въ эпоху Фатымидовъ и, руководясь его сочиненіемъ, мы можемъ легко возстановить топографическую картину сборовъ и

1) С. Н. Becker, Beiträge zur Geschichte Aegyptens unter dem Islam, Strassburg, 1902 (спеціально глава I, Zur Geschichtsschreibung unter den Fatimiden, 1—32). Этой работой данъ въ общихъ чертахъ отвѣтъ на выраженное Фанъ-Бершемомъ пожеланіе, чтобы было приступлено къ изученію источниковъ Макриси. См. M. van Berchem, Notes d'archéologie arabe. Monuments et inscriptions Fatimites, Journal Asiatique, VIII série, t. XVII (1891), 431, note.

2) Д. О. Бѣляевъ, Обзоръ главныхъ частей Большого Дворца Византійскихъ царей, Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, новая серія, т. V, СПб., 1891.

3) P. Ravaisse, Essai sur l'histoire et sur la topographie du Caire d'après Makrizi, Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire, t. I, fascicule III, Paris, 1887, 409—480 et t. III, fascicule IV, 1890, 33—114.

шествія процессія. Хотя внутренней топографіи дворца работа Равесса совершенно не касается, однако это не затруднило особенно нашъ переводъ — церемоніаль выѣзда происходитъ въ значительной части выѣ дворца.

Описаніе новогодняго выѣзда дошло до насъ, однако, не только въ текстѣ Макризи; мы имѣемъ сообщенія о томъ-же, буквально совпадающія съ данными Макризи, у другого, тоже египетскаго автора, ученика Макризи, — Ибн-Тагрибирди (813—874 = 1411—1469)¹⁾, который включилъ ихъ въ *النجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة*. Это сочиненіе, также посвященное исторіи Египта, было издано въ Европѣ голландскими учеными Гейнболломъ и Маттесомъ²⁾. Изданіе это можетъ быть названо критическимъ, такъ какъ снабжено рядомъ примѣчаній, служащихъ комментариемъ (среди этихъ примѣчаній многія принадлежать Флейшеру) и основано на сличеніи рукописей. Однако, издателямъ не удалось избѣжать нѣкоторыхъ ошибокъ, которыя должны быть исправлены уже на основаніи текста Макризи. Можно сказать, что если-бы мы не имѣли подъ руками плохого, некритическаго текста Макризи, то даже критическое изданіе Ибн-Тагрибирди не дало бы намъ возможности разобраться въ описаніи церемоніала, не говоря уже о томъ, что Ибн-Тагрибирди не включилъ въ свое описаніе ряда сообщеній Макризи о другихъ церемоніяхъ, которыя дошли до насъ, только благодаря сообщеніямъ Макризи. Что касается далѣе до источника Ибн-Тагрибирди, то весьма возможно, что его описаніе есть прямо-таки списокъ съ Макризи. Любопытно отмѣтить, что изъ всѣхъ культурно-историческихъ данныхъ Макризи, Ибн-Тагрибирди отмѣтилъ лишь выѣзды, и то не всѣ, а нѣкоторые; изъ нихъ интересующій насъ стоитъ на первомъ планѣ.

Кромѣ сочиненій Макризи и Ибн-Тагрибирди, описаніе выѣзда и прочихъ церемоній сохранилось еще у третьяго писателя — Калькашанди (умеръ въ 891 = 1418)³⁾. Сочиненіе этого писателя, озаглавленное *صبح الأعشى في صناعة الإنشاء*, касающееся управленія Египта, равно какъ его исторіи, географіи и культуры, по сіе время находится въ рукописяхъ и нѣкъмъ не издано. Однако, пользование имъ возможно благодаря тому, что Ф. Вюстенфельдъ сдѣлалъ въ свое время конспективный переводъ той

1) О немъ и его сочиненіяхъ см. Brockelman, II, 41—42.

2) Abu'l-Mahāsīn Ibn Tagri Bardīi *Annales*, ediderunt T. G. J. Juynboll et B. F. Matthes, Lugduni Batavorum, I, 1—2 и II, 1—2, 1852—1861; второй томъ въ первой части котораго интересующее насъ описаніе) Juynboll издавалъ одинъ. Интересующій насъ текстъ находится II, 1, 100—101.

3) О немъ и его сочиненіяхъ см. Brockelman, II, 134.

части его, въ которой находится интересующій насъ выѣздъ¹⁾. Данныя Калькашанди по источникамъ, быть можетъ, совершенно независимымъ отъ источниковъ Макризи, въ описаніи выѣзда очень сходны съ сообщеніями послѣдняго и, насколько можно судить по конспективному переводу Вюстенфельда, совпаденія почти буквальны. Тѣ указанія, которыя въ данномъ мѣстѣ не имѣются у Калькашанди, иногда находятся въ какой-нибудь другой части его труда. Приходится сожалѣть, что мы не имѣемъ возможности пользоваться этимъ текстомъ въ рукописи или критическомъ переводѣ, такъ какъ переводъ Вюстенфельда въ общемъ поверхностенъ, въ чемъ мы будемъ имѣть случай неоднократно убѣдиться. Тому, кто захотѣлъ-бы представить себѣ картину торжественнаго выѣзда по этому переводу, пришлось-бы для дополненій обращаться къ арабскимъ подлинникамъ; переводъ этотъ, кромѣ того, конспективенъ и не имѣетъ комментарія.

Таковы тѣ три источника, изъ которыхъ мы черпали наше описаніе. Изъ нихъ Макризи и Ибн-Тагрибирди служили для насъ основаніемъ, — ихъ тексту мы слѣдовали буквально. Данными Калькашанди мы пользовались лишь попутно, какъ дополненіемъ къ переводу.

Опредѣливъ такимъ образомъ тѣ матеріалы, на которыхъ основана наша работа, переходимъ къ другимъ, относящимся къ содержанію нашего перевода соображеніямъ.

Какъ видно уже изъ заглавія, переведенный нами текстъ касается части халифскаго церемоніала. Описаніе находимъ мы лишь у болѣе позднихъ авторовъ—современниковъ Мамлюкской эпохи. Эти, въ свою очередь, могли позаимствовать ихъ у предшественниковъ — писателей эпохи Айюбидовъ²⁾. Могли быть также иные источники—напр. какіе-нибудь сохранившіеся отъ Фатимидской эпохи архивные документы. Впроса о сложеніи и развитіи церемоніальныхъ книгъ и записей, коснулся Д. О. Бѣляевъ,³⁾ говоря о Византийскомъ придворномъ Уставѣ царя Константина VII Багрянороднаго. Онъ пришелъ къ мнѣнію, что тотъ типъ, который имѣетъ эта книга, т. е. сводъ всѣхъ практиковавшихся въ данное время церемоній и обрядовъ, — есть явленіе позднѣйшее. Такого рода книги составляются постепенно и задачей ихъ не является сочиненіе чего-либо новаго, а лишь

1) F. Wüstenfeld, Die Geographie und Verwaltung von Aegypten nach dem arabischen des Abul-'Abbas Ahmed ben 'Ali el-Calcaschandi, Göttingen, 1879 (B. XXV der Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen и отдѣльно). Интересующій насъ выѣздъ описанъ на стр. 202—208.

2) Объ указаніи на то, что подобный источникъ имѣлся у Макризи (а также, можетъ быть, и у Ибн-Тагрибирди) см. наше прим. 1 къ переводу.

3) Пріемы и выходы, XXVI слѣд.

сохраненіе и санкція утвердившагося обычая (XXVI—XXVII). Онѣ развиваются изъ отдѣльныхъ записей замѣчательныхъ обрядовъ, приемовъ и выходовъ, цѣликомъ иногда вносимыхъ въ своды (XXXI). Изъ сравненія видно, что записи объ отдѣльныхъ приемахъ и выходахъ служили основаніемъ для составленія церемоніаловъ и что многія черты почти буквально брались изъ записей и вносились въ церемоніаль, т. е. отдѣльный фактъ возводился въ общее правило и вносился въ обрядъ того или другого выхода или приема» (XXXIV). Описаніе отдѣльнаго обряда въ такой общей записи могло составляться какъ на основаніи одной записи, если она бывала достаточно полна, такъ и на основаніи нѣсколькихъ (тамъ-же). Наконецъ, между единичной записью обряда въ опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ и общимъ сводомъ церемоній, могли находиться еще небольшіе сборники обрядовъ одного рода (XXXV). Уже изъ одного сравненія историческихъ судебъ Византійской имперіи и Фатымидскаго халифата, мы можемъ увидѣть, что въ послѣднемъ случаѣ недоставало самаго существеннаго элемента для выработки писаннаго свода церемоній — времени. Поскольку мы знаемъ, такого свода и дѣйствительно не существовало. Но данныя, находимыя у Калькашанди и Макризи, даютъ намъ поводъ думать, что предшествующія стадіи записей существовали при Фатымидахъ. Такъ, мы не только имѣемъ частичныя описанія тѣхъ либо иныхъ церемоній, возводимыхъ къ даннымъ историческимъ случаямъ, но даже располагаемъ рядомъ записей соблюдавшихся обрядовъ, не въ примѣненіи къ данному случаю, безъ именъ и датъ, безъ отнесенія къ какому-нибудь прошедшему событію. Церемонія интересующаго насъ описанія принадлежитъ къ этому второму, болѣе развитому типу церемоніальныхъ записей.

Наше описаніе мы озаглавили — торжественный выѣздъ Фатымидскихъ халифовъ. Однако, текстъ нашихъ арабскихъ источниковъ относится не ко всякому случаю, а къ опредѣленному празднованью, — именно къ празднованью начала года. Но это торжество являлось вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ крупнымъ праздникомъ Фатымидскихъ халифовъ; при другихъ описаніяхъ мы встрѣчаемъ различныя ограниченія сравнительно съ этимъ выѣздомъ и ни одинъ изъ прочихъ выѣздовъ не описывается съ такими деталями. Есть, впрочемъ, еще одинъ выѣздъ, пользовавшійся большимъ вниманіемъ у Фатымидовъ — день открытія Нильскаго канала въ время половодья (يوم فتح النيل), но мы все-же предпочли новогодній выѣздъ. Этотъ день открытія канала является слишкомъ связаннымъ съ географическими и топографическимъ условіями Египта, а потому недостаточно типиченъ для всего мусульманскаго средне-вѣковья; кромѣ того, онъ не описанъ подробно у Ибн-Тагрибирди (хотя и приводится вкратцѣ у персидскаго путешественника Насыри-Хосроу),

такъ что мы, переводя его, были бы лишены второго текста для сравненія.

Новогодній торжественный выѣздъ, описанный, какъ мы имѣли случай упомянуть ральше, не по обряду опредѣленнаго года, съ опредѣленными историческими лицами, а согласно выработанному на болѣе продолжительный срокъ обычаю, сложился, разумѣется, постепенно, но для записи долженъ былъ получить санкцію извѣстнаго промежутка времени. Если важно хотя бы отчасти опредѣлять — откуда Калькашанди, Макризи и Ибн-Тагрибирди взяли свои описанія, то имѣетъ также нѣкоторое значеніе уяснить — когда сложился этотъ церемоніалъ. Мы не находимъ иныхъ указаній для этого, какъ текстъ самого описанія, въ которомъ имѣются нѣкоторыя косвенныя указанія. У Ибн-Тагрибирди мы имѣемъ сообщеніе (см. наше прим. 1 къ тексту), что всю эту церемонію установилъ Му'изъ, т. е. первый-же Фатымидскій халифъ Египта, при которомъ состоялось завоеваніе этой страны. Возможно, что Му'изъ, лишь основавшись въ Египтѣ, позаботился о введеніи ряда церемоній, долженствовавшихъ увеличить вышній блескъ его двора. Съ другой стороны, въ концѣ описанія, мы имѣемъ прозваніе мечети Акмаръ — «теперешней»; говорится, что халифъ останавливался у мѣста «теперешней» мечети Акмаръ. Слѣдовательно, церемонія происходила въ такихъ формахъ еще до постройки этой мечети, которую воздвигъ халифъ Амиръ (495—524=1101—1130). Но болѣе существеннымъ для составленія, хотя-бы приблизительнаго критерія относительно времени сложения церемоніала, мы считаемъ перечисленіе при описаніи процессій различныхъ войсковыхъ частей. У Калькашанди (180—181) мы имѣемъ перечисленія Фатымидскихъ войскъ, съ объясненіемъ названій ихъ. Здѣсь, кромѣ названныхъ въ честь халифовъ Амира и его преемника Хафиза, полковъ Амирійя и Хачизійя, мы имѣемъ также полки Джуюшійя и Афдалійя, названные такъ въ честь везировъ — Бедрал-Джемали, прозывавшагося «Эмир-ал-Джююшъ» и его сына Афдала, и возникшихъ поэтому въ послѣдней четверти XI вѣка и въ первой четверти XII. Вотъ къ этой эпохѣ мы и относимъ скорѣе всего окончательную запись церемоніала торжественнаго новогодняго выѣзда.

Нашъ текстъ естественно можетъ вызвать, помимо прямого своего содержанія, цѣлый рядъ иныхъ соображеній. Необходимо установить — входитъ-ли въ нашу работу или нѣтъ выясненіе ряда вопросовъ, возникающихъ при изученіи текстовъ Фатымидскаго церемоніала. Мы должны теперь-же указать, что въ нашу задачу не входило — ни прослѣживать генезисъ того либо иного внѣшне-бытового факта, ни ставить изученіе на сравнительную почву. Мы убѣждены, что описанія нашего текста могутъ

дать въ частностях поводы для детальнаго изысканія, въ которыя мы здѣсь не вдавались, ограничиваясь лишь тѣмъ, что посылно отмѣчали ихъ, указывая степень разработки. Мы также не сопоставляли Фатымидскій выѣздъ съ иными, могущими имѣть съ нимъ ту или иную близость: это могло-бы быть, думаемъ, уже предметомъ спеціальнаго изученія. Въ этомъ отношеніи отмѣтимъ особенно близость по времени, почти одновременность нашего церемоніала съ вышеупомянутымъ Уставомъ Константина Багрянороднаго. При отсутствіи въ этомъ отношеніи у Фатымидовъ традиціи, а также при культурной и географической близости Византии и Египта, воздѣйствія здѣсь вполне возможны.

Наша цѣль, такимъ образомъ, опредѣляется — мы даемъ опытъ *критическаго перевода своднаго арабскаго текста внѣшне-бытоваго содержанія*. Этимъ-же опредѣляется и характеръ перевода — мы стремились къ возможной точности и буквальности особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣли дѣло съ описаніями предметовъ внѣшняго быта и искусства. Для того, чтобы разъяснить эту буквальность перевода, мы приложили комментаріи въ примѣчаніяхъ. Кромѣ терминовъ внѣшняго быта и искусства, мы имѣемъ также дѣло съ названіями разныхъ чиновъ и должностей. Когда эти названія оказывались переводимыми, мы передавали ихъ русскими терминами; въ остальныхъ случаяхъ мы оставляли арабское слово, всегда поясняя его значеніе въ примѣчаніи, либо даже въ самомъ текстѣ.

Намъ нужно также сказать нѣсколько словъ о тѣхъ двухъ приложенияхъ, которыя слѣдуютъ за нашими примѣчаніями къ описанію выѣзда. Первое изъ нихъ касается лишь нѣкоторыхъ Фатымидскихъ сокровищницъ потому, что объ остальныхъ описанныхъ у Макризи, уже говорилось въ примѣчаніяхъ. Второе выдѣлено изъ описанія сокровищницъ потому, что содержаніе его не вполне подходитъ подъ эту рубрику. Въ обоихъ приложенияхъ мы слѣдовали уже иному принципу — не переводу, а пересказу. Выше мы уже приводили соображенія, по которымъ переводъ внѣшне-бытовыхъ текстовъ не всегда оказывается возможнымъ. Въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ описаніями, имѣющимися лишь въ текстѣ Макризи. Сто лѣтъ тому назадъ, Катрмеръ далъ пересказъ перваго приложения, руководясь парижской рукописью, — мы думаемъ, что повтореніе такого-же пересказа при новыхъ условіяхъ, не будетъ бесполезно. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ эти приложения дополненіемъ къ описанію выѣзда, включеннымъ въ нашъ трудъ для иллюстраціи этого послѣдняго. При этихъ описаніяхъ, еще рельефнѣе, думаемъ, вырисуетса обстановка церемоніала Фатымидскихъ халифовъ.

Въ заключеніе этого введенія въ описаніе торжественнаго выѣзда Фатымидовъ, мы позволяемъ себѣ указать, что въ одномъ древнемъ памятникѣ русской письменности сохранилось описаніе сходнаго церемоніала выѣзда, также у мусульманскихъ вѣдителей. Въ виду значительнаго сходства въ частностяхъ, мы приводимъ нѣкоторые выдержки изъ этого описанія нашего почтеннаго предшественника по интересу къ вѣдшему быту стараго Востока. Мы разумѣемъ — замѣчательное путешествіе тверича Аѳанасія Никитина въ Персію и Индію въ 1466 — 1472 г., нашедшее уже себѣ превосходныхъ истолкователей въ И. И. Срезневскомъ и И. П. Минаевѣ¹⁾. Интересующіе насъ отрывки находятся въ описаніи Никитинимъ города Бедеря, т. е. Бидара, столицы Бахменидовъ. Выѣздъ тринадцатаго изъ этой династіи, Мухаммеда-шаха II (867—887=1463—1482), описалъ намъ въ Хоженіи Никитинъ. Это сопоставленіе мы дѣлаемъ, вовсе не высказывая какихъ-бы то ни было предположеній о возможныхъ заимствованіяхъ изъ церемоніала Фатымидовъ въ церемоніалъ позднѣйшихъ мусульманскихъ вѣдителей Индіи, хотя наблюдательный персидскій путешественникъ Насыри-Хосроу²⁾ отмѣтилъ присутствіе въ свитѣ Фатымидскаго халифа во время выѣзда — сыновей царя Дехли, явившихся въ Каиръ со своей матерью. Картина можетъ быть вполне однородна при однородности создавшихъ ее культурныхъ условій. Нѣкоторые мѣстные особенности (напр. обезьяны, пищали и пр.) могутъ быть удалены безъ ущерба для общаго впечатлѣнія³⁾.

По описанію Никитина — бояре «силны добръ и пышны велми; а все ихъ посятъ на кроватѣхъ своихъ на серебряныхъ, да предъ ними водятъ кони въ снастехъ золотыхъ до 20, а на конѣхъ за ними 300 человекъ, а пѣшихъ 500 человекъ, да трубниковъ 10, да нагарниковъ 10 человекъ, да свирѣльниковъ 10 человекъ. Султанъ же выѣзжаетъ на потѣху съ матерью да съ женою, ипо съ нимъ человекъ на конѣхъ 10 (или 30) тысящъ, а

1) И. И. Срезневскій, Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина въ 1466—1472 гг., Ученыя Записки Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Книга II, Выпускъ II. СПб. 1856, стр. 225—307. И. П. Минаевъ, Старая Индія. Замѣтки на хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина, СПб. 1881 (изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія). При цитатахъ мы пользуемся изданіемъ Хоженія въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей, т. VI, СПб. 1853, стр. 330 слѣд.

2) Ch. Schefer, *Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau pendant les années 437—444 (1035—1042)*, publié, traduit et annoté par —, Paris, 1881. О сообщаемомъ фактѣ см. р. 139; ۴۷, ۱. Подъ *خسرو دهل* разумѣется, конечно, не мусульманскій правитель, такъ какъ Дехли тогда еще не былъ завоеванъ Исламомъ. Присутствіе этихъ не мусульманскихъ царевичей, равно какъ и другихъ — изъ Рума, Славянскихъ земель, Грузіи и пр., объясняется извѣстной терпимостью Фатымидовъ.

3) Комментарій см. у Срезневскаго, 285 слѣд. и у Минаева, 65 слѣд.

пѣшихъ 50 тысящъ, а слоновъ водять 200 наряженныхъ въ доспѣсѣхъ золоченыхъ, да предъ нимъ 100 человекъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человекъ, да коней простыхъ 300 въ снастехъ золотыхъ, да обезьянъ за нимъ 100». (Стр. 335—348).

«На баграмъ на Бесермьской выѣхалъ султанъ на теферичъ, ино съ нимъ 20 възыревъ великихъ, да 300 слоновъ наряженныхъ въ булатныхъ доспѣсехъ да съ городкы, да и городкы окованы, да въ городкѣхъ по 6 человекъ въ доспѣсехъ, да съ пушками да съ пищальми; а на великомъ (разночт.—ихъ) слонѣ (—ѣхъ) 12 человекъ, на всякомъ слонѣ по два прапорца великихъ, да къ зубамъ повязаны великия мечи по кентарю, да къ рыломъ привязаны великия желѣзныя гири, да человекъ сѣдять въ доспѣсѣ промежу ушей, да криокъ у него въ рукахъ желѣзной велики, да тѣмъ его править; да коней простыхъ 1000 въ снастехъ золотыхъ, да верблюдовъ 100 съ нагарами, да трубниковъ 300, да плясцевъ 300... Да на султанѣ ковтанъ весь сажень яхонты, да на шапкѣ чичакъ олмазъ велики, да сагадакъ золотъ со яхонты, да 3 сабли на немъ золотомъ окованы, да сѣдло золото; да предъ нимъ скачетъ Кофаръ пѣшь да играетъ теремьцемъ, да за нимъ пѣшихъ много, да за нимъ благой слонъ идетъ, а весь въ камкѣ наряженъ, да обиваетъ люди, да чепъ у него велика желѣзна во ртѣ, да обиваетъ кони и люди, чтобы кто на султана не паступилъ близко. А братъ султановъ тотъ сидить на кровати на золотой, да надъ нимъ теремъ оксамитенъ, да маковица золота со яхонты, да песуть его 20 человекъ. А Махмутъ (важный сановникъ) сидить на кровати на золотой, да надъ нимъ теремъ шпидянь съ маковицею золотою, да везуть его на 4-хъ конѣхъ въ снастехъ золотыхъ; а около людей его много множество, да передъ нимъ пѣвци, да плясцевъ много, да всѣ съ голыми мечи, да съ саблями, да съ щиты, да сулицами, да съ копьи, да съ луки съ прямыми съ великими, да кони всѣ въ доспѣсехъ, да сагадакы на нихъ». (Стр. 340—341, 351).

«Султанъ выѣзжаетъ на потѣху во вторникъ да въ четвергъ, а съ нимъ выѣзжаютъ 3 возыри; а братъ султановъ въ понедѣльникъ, а съ нимъ также множество конныхъ и пѣшихъ, урядно, и слоны велики чюдно выѣздъ ихъ въ утварѣхъ золотыхъ». (Стр. 342, 352).

II.

Переводъ описанія выѣзда.

Вынесеніе принадлежностей выѣзда изъ сокровищницы. Предметы сокровищницы оружія и роскоши, назначенныя для «стремяныхъ юношей» и «носителей малаго оружія»; «серебряныя копья» и носилки; инсигній везирата; оружіе «стражей трона»; музыкальныя инструменты; оружіе «добровольцевъ». Предметы сокровищницъ сѣделъ; конскіе уборы. — Смотръ лошадей 29-го Зу-л-Хиджжы. Вызовъ везира. Шествіе халифа и везира. Привѣтствіе везира. Выводъ лошадей. Отъѣздъ везира. — Смотръ одежду въ тотъ же день. Головной уборъ халифа: «вѣнецъ» и драгоценныя камни. Зонтикъ, инсигній халифской власти. Два «знамени славы». Большія знамена. Два копья съ изображеніями львовъ. Мечъ, копье и щитъ. — Два пути процессіи. Собраніе должностныхъ лицъ и выѣздъ везира. Ожиданіе его и змировъ. Приготовленія къ выходу халифа: выведеніе верхового животнаго и вынесеніе зонтика, меча, червильницы. Встрѣча и шествіе халифа. Выѣздъ его изъ замка. Порядокъ процессіи. Первая часть ея и шествіе халифа; вторая часть ея и шествіе везира; шествіе войскъ. Церемоніальное привѣтствіе везира и отвѣтъ халифа. Перемена порядка процессіи. Возвращеніе халифа и входъ въ покои. Отъѣздъ везира. Праздничныя халифскія подарки.

Все это установилъ (халифъ) Му'изъ, который приказалъ, чтобы ежегодно, въ послѣдніе десять дней Зу-л-Хиджжы, всѣ (соотвѣтствующія) должностныя лица отправлялись въ мѣста, о которыхъ будетъ далѣе упомянуто, для вынесенія принадлежностей выѣзда¹⁾.

И выносили изъ сокровищницъ оружія то, что несли «стремяные юноши» вокругъ халифа, а именно — полированные, позолоченные мечи, вмѣсто выгнутыхъ сабель; булавы, обшитыя краснымъ и чернымъ *кимухтомъ*, съ круглыми и зубчатыми головами; палицы съ продолговатыми, также зубчатыми головами; оружіе, называвшееся *мустаубійя* т. е. желѣзныя булавы, длинной въ два локтя, четырехугольныя, съ круглыми ручками — всего въ опредѣленномъ количествѣ. И получали это начальники ихъ, и оно было на ихъ отвѣтственности, и они обязаны были вернуть это обратно въ сокровищницы по окончаніи службы съ нимъ.

И выносили для отряда изъ трехсотъ молодыхъ черныхъ рабовъ, называвшихся «носителями малаго оружія», шестьсотъ дротиковъ съ полиро-

ванными остріями, подъ которыми были рукоятки изъ серебра, — каждая пара была перевязана шелковымъ шнуркомъ, — и триста щитовъ съ серебряными боскетами. Получали это начальники ихъ согласно тѣмъ условіямъ, о которыхъ было упомянуто выше, и передавали каждому рабу два дротика и щитъ. Все это (выносили) изъ сокровищницы оружія²).

Потомъ выносили изъ сокровищницы роскоши, — а она главная часть сокровищницъ оружія, — «серебряныя копья» для инсигній везиру, посявшимъ (разные) чины эмирамъ и начальникамъ различныхъ конныхъ и пѣшихъ войскъ; и это (были) копья, вставленные въ серебряныя, выложенныя золотомъ стержни, кромѣ (конца) ихъ (размѣромъ въ) два локтя, куда привѣшивали уборъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ *шарба*, вышитые концы которыхъ свѣшивались, какъ *санджаки*; на вершинахъ же ихъ (были) поля, серебряныя, позолоченныя гранаты и пустые полумѣсяцы, а въ нихъ (т. е. полумѣсяцахъ) — колокольчики, звенѣвшіе при движеніи; и было числомъ ихъ сто копій³).

И (выносили затѣмъ) сто носилокъ (*аммарійя*), подобныхъ *кеджаве*, изъ краснаго, — а это наилучшій сортъ, — и желтаго *дибаджа*, *куркуби* и *сиклатуна*, положенныхъ на подкладку, перевязанныхъ шелковыми шнурами; а кругомъ четырехугольнаго (остова носилокъ были) перевязи съ серебряными боскетами, набитыми на кожу⁴).

И шло (для везира) десять копій и столько же носилокъ, исключительно красныхъ.

И выносили исключительно для везира два меньшихъ знамени (*моа*), на длинныхъ, одѣтыхъ въ такіе же (какъ описано выше) стержни копьяхъ, свернутыми, не развернутыми.

И это (были) инсигнии, которые несли передъ везиромъ; у эмировъ же несли за ними.

Затѣмъ шло полагавшееся эмирамъ, имѣвшимъ (различныя) чины по службѣ. И первый изъ нихъ былъ «*Сахиб-ал-бабъ*» — (ему шло) пять копій и пять носилокъ. И посылали «*Исбахсалару*» войскъ — четыре копья и четверо носилокъ, различныхъ цвѣтовъ. И прочимъ эмирамъ, сообразно степенямъ ихъ, — по три, по два, по одному (того и другого).

Затѣмъ выносилось десять наилучшихъ, *дабикійскихъ*, вышитыхъ, разноцвѣтныхъ, большихъ знаменъ (*бандъ*), на копьяхъ, одѣтыхъ въ стержни; на вершинахъ же ихъ (были) гранаты и полумѣсяцы; (это) — исключительно для везира.

И кромѣ этихъ знаменъ выносили шелковыя, не вставленные въ (особые) стержни; верхушки и гранаты ихъ были мѣдныя, поля и позолоченныя; (несли ихъ) передъ упомянутыми эмирами⁵).

Потомъ выносили оружіе для такъ называемыхъ [«стражей трона» (*серрийя*)]. Каждый экземпляръ былъ длиною въ три локтя, съ полированнымъ остриемъ наверху. И (это) оружіе было изъ дерева *кунтари́я* и вставлено въ острие. Нижній конецъ — былъ сдѣланъ изъ желѣза и закругленъ. Это оружіе (было) въ правой рукѣ пешаго и онъ все время вертѣлъ имъ; въ лѣвой же рукѣ его (была) большая (деревянная) стрѣла, которой онъ потрясалъ. Число предметовъ было шестьдесятъ, на шестьдесятъ человекъ, шедшихъ въ процессіи справа и слѣва⁶).

Затѣмъ выносили барабаны на двадцать муловъ; на каждомъ мулѣ было три (музыкальныхъ инструмента) въ родѣ литавръ, называвшіеся *таблами*. И получали ихъ игравшіе на нихъ, и слѣдовали въ процессіи попарно. И у этихъ музыкальныхъ инструментовъ былъ прекрасный звукъ; и они считались инсигніями⁷).

Потомъ выносили для «добровольцевъ», которымъ не выдавались ни жизненные припасы, ни жалованье, а числомъ ихъ (было) сто человекъ, — для каждаго широкой *лакатскій* щитъ и мечъ. И шли они въ процессіи также пѣшими⁸).

Это выносилось изъ сокровищницъ оружія⁹).

Затѣмъ являлся въ сокровищницы сѣдель завѣдующій ими, а онъ изъ разряда «*ал-устадуна ал-муханникуна*», со зрителемъ, а онъ изъ разряда «*аш-шухудъ ал-му'аддалуна*». И выносили изъ нихъ составлявшіе собственность халифа разукрашенные конскіе уборы, предназначенные для выѣзда его самого и для тѣхъ (верховыхъ животныхъ), которыя шли въ его процессіи; сто сѣдель были назначены для соотвѣтственнаго числа (верховыхъ животныхъ), — изъ нихъ семьдесятъ для семидесяти лошадей, тридцать для тридцати муловъ. Каждый уборъ былъ сдѣланъ изъ золота, или золота и серебра, или золота выложеннаго эмалью, или серебра выложеннаго эмалью; и заднія и переднія луки ихъ (сѣдель) были соотвѣтственны. И пѣкоторые изъ нихъ (т. е. уборы) были усыпаны отборными драгоценными камнями; и нашейныя (украшенія) ихъ были цѣпи изъ золота и ожерелья изъ амбры; и на переднихъ и заднихъ погахъ ихъ бывали колокольчики, позолоченные, кружившіеся на нихъ. И вмѣсто кожи были на сѣдлахъ — красный, желтый и прочіихъ цвѣтовъ *дибаджъ* и узорчатый разноцвѣтными шелками *сиклатунъ*. Стоимость каждаго верхового животнаго и того убора, который былъ на немъ, (составляла) тысячу динаровъ¹⁰).

И удостоивался везиръ десятью изъ нихъ для выѣзда его самого, его сыновей, братьевъ и кого пожелаетъ изъ родственниковъ.

И предавали это начальникамъ конюшенъ, съ представленіемъ имъ списковъ, въ которыхъ были записаны уборы, съ обозначеніемъ ихъ мѣстъ

и чисель. И число каждаго убора было отмѣчено на немъ, напр., первый, второй, третій, — до послѣдняго, сообразно съ обозначеніемъ его въ спискахъ, такъ что можно было узнать каждый экземпляръ. И начальники передавали конюхамъ, (но) подь свою отвѣтственность, до возвращенія; и они уплачивали за недостачу и должны были вернуть въ цѣлости.

Затѣмъ выносили также изъ упомянутыхъ сокровищницъ, для чиновниковъ «*дивановъ*» (т. е. канцелярій), имѣвшихъ различныя чины по службѣ, назначенные имъ уборы, мѣѣ разукрашенные, чѣмъ упомянутые равьше; по числу — триста уборовъ для лошадей и муловъ. Брали это вышеупомянутые начальники (кошюченъ), согласно описанному равьше (правялу).

Потомъ являлся «*Хаджибъ*» для распределенія (этого) различнымъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ. И каждый конюхъ увѣдомлялъ того, къ кому онъ былъ приставленъ, и являлся къ нему въ Кахиру и Мисръ раннимъ утромъ въ день выѣзда. И они (т. е. конюхи) получали съ (каждаго) конскаго убора опредѣленную плату — отъ одного динара до половины и трети динара¹¹⁾.

Когда все это было окончено, и по передачѣ верблюдовожатыми въ верблюжьихъ конюшняхъ покрывалъ носилокъ, отдыхали до конца двадцать восьмого Зу-л-Хиджжы. И когда наступало утро двадцать девятаго, халифъ отправлялся въ «*Шуббакъ*», для смотра своихъ лучшихъ верховыхъ животныхъ, о которыхъ было упомянуто равше. И назывался этотъ день — днемъ смотра лошадей¹²⁾.

И вызывалъ везира «*Сахиб-ар-рисала*», — а онъ (былъ) изъ важныхъ «*Уставовъ съ перевязью*», — и ѣхалъ быстро, въ противоположность обычной своей ѣздѣ, на рысистомъ скакупѣ, для исполненія приказа халифа. Вернувшись, онъ являлся халифу и докладывалъ о вызовѣ имъ везира.

И тогда ѣхалъ халифъ изъ своихъ покоевъ по замку, — никто не ѣздилъ по замку, кромѣ халифа, — и люди шли передъ нимъ пѣшкомъ. И слѣзалъ онъ въ «*Сидилла*», въ портикъ «*Баб-ал-Мулкъ*», гдѣ былъ «*Шуббакъ*», покрытый спаружи завѣсой. И становился съ правой стороны завѣсы смотритель двора, а съ лѣвой — завѣдующій государственной казной; они оба были «*Уставы съ перевязью*».

И ѣхалъ тогда везиръ изъ дома его, а впереди — эмиры. Достигнувъ воротъ замка, эмиры слѣживались, а везиръ ѣхалъ; въ этотъ день въѣзжали онъ черезъ «*Баб-ал-Идъ*». И ѣхалъ онъ до первыхъ воротъ «*Длинныхъ портиковъ*», а тамъ слѣживался и шелъ, а свита и близкіе его — кругомъ него. И подходилъ везиръ къ «*Шуббаку*», и садился на находившееся подь нимъ красивое кресло; ноги же его упирались въ землю¹³⁾.

Когда онъ садился, «*Устады*» поднимали съ обѣихъ сторонъ завѣсу и (тогда) видѣли халифа, сидѣвшаго на великолѣпномъ тронѣ. И вставалъ везиръ, и словесно привѣтствовалъ его, и трижды касался рукою земли. Затѣмъ разрѣшалось ему сѣсть на его кресло, и садился онъ. И полчаса читали чтещы подходящіе стихи (Корана). Затѣмъ привѣтствовали словесно эмиры, и вели поочередно отборныхъ лошадей и муловъ, о которыхъ было упомянуто раньше, (казавшихся разукрашенными) въ рукахъ конюховъ ихъ, какъ невѣсты. И для заключенія смотра читали чтещы, и «*Устады*» опускали завѣсу. Тогда везиръ выходилъ впередъ, входилъ къ халифу, цѣловалъ руки и ноги его, а затѣмъ отправлялся домой. И ѣхалъ онъ съ того мѣста, съ котораго спѣшился, и эмиры верхомъ или пѣшкомъ предшествовали ему почти до самаго дома ¹⁴).

По окончаніи полуденной молитвы, халифъ садился для смотра въ сокровищницахъ избранныхъ одеждъ того, что онъ одѣвалъ на слѣдующій день. И его одежда въ тотъ день была бѣлая, безъ украшеній. Онъ отдѣлялъ прекрасный тюрбанъ и полное одѣяніе. И принималъ тюрбанъ «свертывавшій славный вѣнецъ»; и называли его (т. е. вѣнецъ) «свертываніемъ славы» («*шаадат-ал-вакаръ*»), а свертывавшій былъ изъ «*Устадогъ съ перевязью*»; и онъ пользовался особымъ правомъ касаться того, что было на халифскомъ вѣнцѣ, и сворачивалъ его удивительно, никто, кромѣ него, не умѣлъ такъ, — на подобіе мироболана ¹⁵).

Затѣмъ представляли ему «*Ятиму*» (несравненную), а это — большая жемчужина, цѣну которой нельзя было даже опредѣлить. Она навизывалась съ расположенными вокругъ нея жемчужинами, ниже ея по достоинству, и вкладывалась въ полумѣсяцъ изъ красныхъ яхонтовъ, подобнаго которому не было на землѣ и который назывался «*Хафиръ*» (подкова). И (этотъ полумѣсяцъ) красиво навизывался на кускѣ шелка и «свертывавшій вѣнецъ» слегка пришивалъ его къ вѣнцу. И было (все это) надъ лбомъ халифа. И, по разсказамъ, вѣсъ жемчужины былъ семь дирхемовъ, и вѣсъ «*Хафира*» одинадцать мискалей. И кругомъ этого (была) пять «мушинныхъ изумрудовъ, (навизанныхъ) въ большомъ числѣ ¹⁶).

Затѣмъ приказывали вынести зонтикъ, подходившій къ этой представлявшейся (халифу) одеждѣ и бывший у нихъ въ почетѣ, такъ какъ онъ держался надъ головой халифа. И онъ состоялъ изъ двѣнадцати полотнищъ; шириной каждое полотнище въ нижней части своей (было въ) пядень, а длиной—три съ третью локтя; и конецъ полотнища наверху былъ очень узокъ, такъ что пространство между полотнищами образовывало кругъ на верху древка зонтика. И древко (зонтика) изъ (дерева) *занъ* было обито

золотыми стержнями; и надъ концомъ стержня увѣнчивалъ верхъ древка круглый шарикъ, выступавшій въ ширину *большого пальца*. И концы полотнищъ вставлялись въ золотое кольцо и укрѣплялись на верху древка, который былъ снабженъ зубриной, такъ-что этотъ круглый шарикъ былъ прилаженъ, чтобы удерживать зонтикъ отъ спуска по упомянутому древку. И у зонтика (были) ребра изъ дерева *халанджъ*, четырехугольные, покрытые золотомъ, въ числѣ равномъ числу полотнищъ, легкіе, въ длину равные длинѣ полотнищъ; и въ нихъ были легкіе и круглые крючки, сцѣпленные одинъ съ другимъ, сжимавшіеся и раскрывавшіеся. И верхушка зонтика была въ родѣ гранаты, а наверху ея (была) маленькая граната, вся золотая, выложенная драгоценными камнями. И у него (т. е. зонтика) былъ круглый фестошь, шириной болѣе чѣмъ въ полторы пядени. Подъ гранатой была шейка длиной въ шесть *пальцевъ*, такъ что, когда сдерживавшее концы полотнищъ золотое кольцо одѣвалось на верхъ древка, насаживалась на него (т. е. на зонтикъ) граната. И заворачивался (зонтикъ) въ кусокъ вышитой золотомъ *дабикійской* ткани, который снимался съ него только несшимъ его, при врученіи ему, въ самомъ началѣ выѣзда¹⁷⁾.

Потомъ приказывали вынести два небольшихъ «знамени славы», специально предназначенныхъ для халифа; а это (были) два длинныхъ копья, одѣтыхъ до половины ихъ въ стержни, подобные стержню древка зонтика; на верху же ихъ были два знамени изъ бѣлаго, вышитаго золотомъ шелка, не развернутыя, а свернутыя. И выносили ихъ вмѣстѣ съ зонтикомъ, и несли ихъ два эмира изъ свиты халифа¹⁸⁾.

Затѣмъ выносили двадцать одно большое знамя — красивыя, изъ расшитаго шелка, разноцвѣтныя, съ надписями, (вышитыми) другимъ цвѣтомъ, (чѣмъ цвѣтъ знамени); и на нихъ было написано — «помощь отъ Бога и близка побѣда». (Были они) на прямыхъ копьяхъ съ отборными древками. Длина каждаго знамени была два локтя, при ширинѣ въ полтора. На каждомъ знамени (было) по три (бортовыхъ) вышивки. И передавались они двадцати одному изъ конныхъ «юношей свиты». И имъ полагалось въ вознагражденіе за радостную вѣсть о благополучномъ возвращеніи халифа — двадцать динаровъ¹⁹⁾.

Затѣмъ выносили два копья, на верхушкахъ которыхъ (были) полумѣсяцы изъ золота. Въ каждомъ (полумѣсяцѣ былъ изображенъ) левъ изъ краснаго и желтаго *дибаджа*, и во рту его (т. е. полумѣсяца) былъ круглый обручъ, черезъ который проходило копье. И [держали] ихъ такъ, что было видно изображеніе на нихъ. И брали ихъ два всадника изъ «юношей свиты», и мѣсто ихъ было передъ (сейчасъ упомянутыми) знаменами²⁰⁾.

Потомъ выносили превосходный мечъ, — какъ говорятъ, (бывшій) изъ упавшей громовой стрѣлы, — съ золотой, выложенной драгоценными камнями ручкой, въ ножнахъ, вышитыхъ золотомъ; и была видна лишь верхушка его. И выносили его вмѣстѣ съ зонтикомъ для передачи несшему его. И пешій его (былъ) почтенный эмиръ — и эта (обязанность) считалась у нихъ важной, — и онъ былъ важнѣе всѣхъ несшихъ (что-либо въ процессіи)²¹).

Потомъ выносили копье. И это (было) прекрасное копье, въ выложенномъ жемчугомъ футлярѣ, съ лезвіемъ, украшеннымъ золотыми украшениями²²).

И (выносили также) щитъ съ золотыми боскетами, широкой, относимый къ Хамзѣ-ибн-Абд-ал-Мутталибу (да будетъ доволенъ имъ Богъ!), въ шелковомъ чехлѣ. Несъ его особо отличаеваемый эмиръ. И какъ эта должность, такъ и занимавшій ее, пользовались у нихъ славой²³).

Затѣмъ извѣщали народъ о пути процессіи. И шла она обыкновенно (однимъ изъ двухъ) круговъ: одинъ изъ нихъ бѣльшій, а другой меньшій. Бѣльшій (шелъ) отъ воротъ дворца къ «*Баб-ан-Насрѣ*», (затѣмъ) по направлению къ бассейну «*Изз-ал-Мулька Т-б-рѣ*» и мечети его тамъ, — и это былъ самый дальній (пунктъ) пути, — затѣмъ поворачивалъ на лѣво, (и) къ «*Баб-ал-Футухѣ*», (и) къ замку. Другой, меньшій, по выходѣ изъ «*Баб-ан-Насрѣ*», шелъ вдоль стѣны и черезъ «*Баб-ал-Футухѣ*» проходилъ къ замку. И извѣщали жителей о шествіи однимъ (изъ этихъ круговъ) и, когда ѣхалъ халифъ, они шли съ процессіей, не нарушая ея, въ порядкѣ и спокойствіи²⁴).

И еще до наступленія утра дня выѣзда, собирались и выстраивались различныя должностныя лица Мисра и Кахиры, военныя и гражданскія, между замками, гдѣ не было построекъ, какъ теперь, а пустое мѣсто, вмѣщавшее народъ, ожидавшій халифа²⁵).

И по утру отправлялись эмиры къ дому везира, который ѣхалъ безъ (особаго) вызова, потому что это (была) обязательная служба халифу. И несли впереди упомянутые раньше insignia его, и затѣмъ ѣхали и шли эмиры, а (непосредственно) передъ нимъ сыновья его и братья его, — каждый изъ нихъ со спущеннымъ концомъ тюрбана, необернутымъ вокругъ подбородка. И самъ онъ (т. е. везиръ) былъ красиво одѣтъ въ драгоценныя одежды и тюрбанъ съ перевязью, и былъ опоясанъ позолоченнымъ мечомъ. И когда онъ подходилъ къ замку, то раньше него спѣшивались его близкіе въ особомъ мѣстѣ, куда не входили эмиры, а онъ, одинъ, въѣзжалъ черезъ замковыя ворота въ портикъ, называвшійся «Колоннымъ портикомъ» и спѣшивался на (стоявшей) тамъ скамьѣ, и шелъ по оставшейся части портика до (Золотой) залы, и входилъ въ «Помѣщеніе везирата» съ сыновьями его,

братьями его и избранными изъ свиты его. И садились эмиры въ (Золотой) залѣ на приготовленные для этого скамьи, покрытыя лѣтомъ *Саманскими* циновками, а зимой рытymi *Джахрамскими* коврами²⁶⁾.

И когда приводили верховое животное, (назначенное) для халифа, и приставляли его къ возвышенію, на которое восходил халифъ изъ «*Баб-ал-Маджмиса*», выносили зонтикъ для несущаго его, и тотъ снималъ съ него то, во что (зонтикъ) былъ завернуть несложненнымъ, и бралъ онъ его съ помощью четырехъ славянъ, (приставленныхъ) служить ему, и водружалъ его въ желѣзномъ приборѣ, сдѣланномъ на подобіе рога и укрѣплявшемся прочно и твердо въ правомъ стремени несущаго, внизу зонтика; а древко удерживалъ онъ зацѣпкой, находившейся на верхней части руки его. И (зонтикъ) стоялъ прочно, и, какъ говорятъ, никогда не колебался при сильномъ вѣтрѣ²⁷⁾.

Затѣмъ выносили мечъ, и принималъ его несшій его, и во все время, что онъ несъ его, былъ спущенъ конецъ его тюбана²⁸⁾.

Затѣмъ выносили чернильницу и передавали несшему ее, а онъ (былъ) изъ «*Устадовъ съ перевязью*». И везиры поручали носить ее «*Нотариальнымъ свидѣтелямъ*». И эта чернильница была изъ чудесъ (того) времени — сама золотая, съ украшеніями изъ коралла, завернутая въ кусокъ вышитаго золотомъ бѣлаго *шарба*²⁹⁾.

И потомъ выходилъ везиръ и свита его изъ «Помѣщенія везирата», и присоединялись къ нему эмиры, и становились они рядомъ съ верховымъ животнымъ³⁰⁾.

И «*Сахиб-ал-маджмисъ*» приказывалъ поднять завѣсу, и выходили тѣ (лица), которыя были у халифа въ качествѣ прислуживавшихъ. И за ними шествовалъ халифъ въ вышеописанномъ одѣянніи, — въ платьѣ и тюбанѣ, поддерживавшемъ «*Атиму*» надъ лбомъ его; и былъ онъ перевязанъ подъ подбородкомъ тѣмъ концомъ тюбана, который свѣшивался съ лѣвой стороны, подпоясанъ «западнымъ» мечомъ, и въ рукѣ его былъ «жезлъ власти», длинной въ одну съ половиной пядень, изъ дерева, покрытаго золотомъ, усаженнаго жемчугомъ и драгоценными камнями. И специальное (для того) назначенныя лица привѣтствовали словесно везира, и родственниковъ его и послѣ нихъ эмировъ³¹⁾.

Затѣмъ выходили эмиры одинъ за другимъ, и везиръ выходилъ послѣ нихъ, ѣхалъ и останавливался противъ замковыхъ воротъ, пока не выходилъ халифъ. И кругомъ него (т. е. халифа) (шли) «*Устады*», и верховое животное его шло по разостланнымъ коврамъ изъ опасенія, чтобы оно не поскользнулось на мраморѣ. И когда онъ приближался и былъ виденъ, одинъ чело-вѣкъ трубилъ въ тонкую, золотую, съ изогнутымъ концомъ трубу, назы-

вавшуюся «*Гарбійя*», имѣвшую удивительный звукъ, отличавшійся отъ звуковъ (обыкновенныхъ) трубъ. И когда слышали это, трубили трубы процессіи, и снимали покровъ съ зонтика, и халифъ выходилъ изъ воротъ, и останавливался на короткое время, сообразуясь съ выѣздомъ «*Устадовъ съ перевязью*» и прочихъ должностныхъ лицъ, которые были въ залѣ по служебнымъ обязанностямъ. И (тогда) слѣдовалъ халифъ, а слѣва (былъ) «Носитель зонтика», заботившійся о томъ, чтобы на халифа все время падала тѣнь. И окружали халифа начальники «стремянныхъ юношей», — два изъ нихъ у уздечки, и два у шеи лошади съ двухъ сторонъ, и два (съ двухъ сторонъ) у стремянъ. Съ правой стороны (его) шелъ старшій изъ начальниковъ, съ кнудомъ, который онъ передавалъ (халифу) и получалъ обратно; и онъ сообщалъ приказанія и запрещенія халифа во время выѣзда³²).

И по командѣ двигалась процессія. Сначала первенцы и (прочіе) сыновья эмировъ; и отряды нѣкоторыхъ лучшихъ военныхъ частей; потомъ (эмиры), получившіе (серебряныя) копыя; потомъ (эмиры), носившіе цѣпи; потомъ «*Уставы съ перевязью*»; потомъ носители двухъ «знаменъ славы», (ѣхавшіе) по обѣимъ (отъ халифа) сторонамъ; потомъ носитель чернильницы, помѣщавшейся между нимъ и сѣдельной лукой; потомъ носитель меча, — эти оба ѣхали по лѣвую (отъ халифа) сторону. Каждый изъ вышеупомянутыхъ имѣлъ отъ десяти до двадцати спутниковъ. И въ правую сторону, послѣ «*Устадовъ съ перевязью*», прикрывала его (т. е. халифа) вышеупомянутая семья везира. Потомъ слѣдовалъ халифъ, и кругомъ него упомянутые «стремянные юноши», о распредѣленіи оружія среди которыхъ было упомянуто, — въ числѣ болѣе тысячи человекъ, въ *табакійскихъ* тюрбавахъ, перевязанные мечами, подпоясанные; въ рукахъ у нихъ было упомянутое (выше) оружіе. И они шли съ обѣихъ сторонъ халифа, какъ крылья. И между ними было пустое пространство для лошади (халифа). И близъ головы ея два славянина несли два возносившихся какъ двѣ пальмы опахала, отъ летающихъ птицъ и прочаго. И онъ ѣхалъ медленно и съ милостивымъ видомъ³³).

И вдоль процессіи, отъ начала до конца ея, ѣздили туда и обратно «*Вали Казирь*» въ сопровожденіи всадниковъ, очищая дороги. И на пути встрѣчалъ онъ «*Исфаксаларъ*», также ѣздившаго туда и обратно для командования движеніемъ войскъ и порицанія толпившихся, становившихся поперекъ дороги. И, на пути-же, встрѣчалъ также «*Сахиб-ал-баба*» съ отрядомъ халифскихъ войскъ; и снова встрѣчался съ «*Исфаксаларомъ*». И все время ѣздилъ онъ для устройства процессіи и охраны путей халифа. И въ рукѣ каждого изъ нихъ была булава, и ѣздили они на лучшихъ и самыхъ быстрыхъ верховыхъ животныхъ³⁴).

Это (была) передняя часть процессіи.

Затѣмъ, за верховымъ животнымъ халифа, шель отрядъ «стремянныхъ юношей», для охраненія его сзади. Затѣмъ — десять человекъ, каждый изъ которыхъ несъ мечъ въ ножпахъ изъ краснаго и желтаго *дибаджа* съ густыми кистями. Эти мечи назывались «кровавыми мечами» (и предназначались) для отрубанія головъ. Затѣмъ, за ними, шли вышеупомянутые «юноши съ малымъ оружіемъ», имѣвшіе *фиранджія*. Затѣмъ торжественно ѣхалъ везиръ, въ сопровожденіи той части его свиты, которая называлась «кольчужные юноши», выбиралась имъ лично изъ лучшихъ войсковыхъ частей, въ количествѣ пятисотъ человекъ (и шла) съ обѣихъ сторонъ его. И передъ нимъ (было) нѣкоторое пространство, меньше пустого пространства передъ халифомъ. И (его шествіе) имѣло (такой) видъ, будто онъ былъ на готовѣ охранять халифа и заботился, чтобы тотъ не укрылся отъ взора его. За нимъ (несли) барабаны, бубны и флейты — въ большомъ количествѣ, громко звучашіе. Затѣмъ слѣдовалъ песній вышеупомянутое копье и относившійся къ нему красный щитъ. Потомъ — отряды пѣхотинцевъ «*Райханійя*» и «*Джунушійя*», а передъ этими обоня «*Масмудійя*»; потомъ «*Фиранджія*», потомъ «*Везирійя*», — отрядъ за отрядомъ, въ большомъ количествѣ, въ настоящее время болѣе четырехъ тысячъ человекъ, а (тогда было) ихъ значительно больше этого. Затѣмъ (шли) несшіе большія знамена и (изображенія) двухъ львовъ. Потомъ отряды войскъ — «*Амирійя*», «*Хафизійя*», «*Худжерійя* большіе», «*Худжерійя* малые», «*Афдалійя*», «*Джунушійя*», потомъ египетскіе Турки, потомъ Дейлемиты, потомъ Курды, потомъ отборные Гуззы-Бахриты. И предшествовало этимъ коннымъ войскамъ большое количество пѣхотинцевъ, стрѣльцовъ изъ ручныхъ и ножныхъ луковъ, болѣе пятисотъ человекъ; и они были предназначены для флота. И упомянутыхъ всадниковъ было болѣе трехъ тысячъ человекъ. И всѣ вышеупомянутые составляли часть, а не все (войско халифа)³⁵.

И когда достигала процессія назначеннаго мѣста, то возвращалась, и входила черезъ «*Баб-ал-Футухъ*», и останавливалась между замками, какъ была раньше. И когда доѣзжалъ халифъ до мѣста теперешней соборной мечети «*Акмаръ*», онъ останавливался со своей свитой и отдѣлялся отъ процессія, которая шла мимо него. Везиръ быстро проѣзжалъ мимо халифа и кланялся, чтобы видѣлъ народъ его почтеніе (халифу). И халифъ, въ видѣ привѣтствія ему, дѣлалъ небольшой жестъ, и это былъ наибольшій почетъ, который исходилъ отъ халифа, и оказывался онъ лишь везиру военного званія. И предшествовалъ ему (везиръ) верхомъ до входа въ ворота замка, согласно обычаю, до (назначеннаго) ему мѣста. Эмиры же спѣшивались ранѣе него, потому что они были въ передней части процессія. И когда халифъ доѣзжалъ до воротъ замка и входилъ въ нпхъ, везиръ (уже) спѣшился; и

ранѣ него (спѣшились) «*Устады съ перевозью*». И они окружали его (т. е. халифа), и везирь стоялъ передъ верховымъ животнымъ въ мѣстѣ, гдѣ слѣзаль (халифъ) на возвышеніе, съ котораго уѣзжалъ. И (халифъ) слѣзаль тамъ, и входилъ въ свои покои, послѣ того какъ вышеупомянутые выражали ему почтеніе ³⁶).

И везирь выходилъ, и уѣзжалъ съ опредѣленнаго мѣста, и были эмиры передъ нимъ, близкіе-же его — кругомъ него. И уѣзжали они (также) съ (установленныхъ) для нихъ мѣсть. И они сопровождали его до его дома, и всѣ прощались съ нимъ, и расходились по домамъ ³⁷).

И тамъ они находили уже установленный халифомъ (подарокъ). Онъ приказывалъ выбить въ «монетномъ домѣ», въ послѣдніе десять дней Зу-л-Хиджжы *динары, руба́ и дирхемы*, съ датой года, началомъ котораго былъ его выѣздъ въ этотъ день. И везиру приносили 360 *динаровъ*, и 360 *руба́ и*, и 360 *кыратовъ*; и сыновьямъ, и братьямъ его по пятидесяти каждаго рода; и чиновникамъ военнымъ и гражданскимъ — отъ десяти *динаровъ*, десяти *руба́ и* и десяти *кыратовъ* до одного *динара*, одного *руба́ и* и одного *кырата*. И они принимали это въ знакъ счастья.

И сумма вышеупомянутаго новогодняго подарка *динарами, руба́ и кыратами* была около трехъ тысячъ *динаровъ* ³⁸).

III.

Примѣчанія.

- 1) Различія во вступленіяхъ Макризи, Ибн-Тагрибирди и Калькашанди. 2) Значенія *مصمام* и *سيف*. *مذهب*. Различныя булавы и палицы. Кожа *كيجخت*. Боскеты щитовъ. 3) «Серебряныя копья». *تشریف* — инсигній. Различныя копья. 4) Носилки и ткани, изъ которыхъ онѣ были сдѣланы. 5) Число инсигній везира и высшихъ должностныхъ лицъ. Различныя знамена. 6) «Тронная стража». 7) Барабаны и литавры — *انسینگی*. 8) «Добровольцы», борцы за вѣру. 9) Сокровищница оружія въ описаніи Макризи. Цитаты изъ *Китаб-аз-захавр* и Ибн-ат-Тувайра. Знаменитые мечи, панцири и пр.; особые доспѣхи, луки и стрѣлы; *قسسى الرجل و الرکاب، الفلججوريات، الزردجات السابغة، الكراغندات*. Сокровищница щитовъ. 10) Чины — *الشهود المعدلون و الاستاذون المحكّمون*. Конскіе уборы — *مركبات* — *ركاب*. Переднія и заднія сѣдельныя луки. Культурная слава Дамаска въ средневѣковой Европѣ. 11) Мисръ и Кахира. Сокровищница сѣделъ въ описаніи Макризи. 12) Верблюжьи носилки. *الشيتاک*. 13) *صاحب الرسالة*. Топографія Большого Дворца Фатимидовъ; *صاحب بيت المال* и *زام القصر*. *السدي* и *دهليز العمود*. 14) Входъ везира за завѣсу къ халифу. Тронъ и мѣста въ приемной залѣ — *مرتبة* и *مراتب*. Сходный церемоніаль въ описаніи Вильгельма Тирскаго. Извѣстія Макризи о придворныхъ коношняхъ. Приготовленіе халифскаго выѣзда. 15) Сокровищницы одеждъ — вѣшныя и внутренныя. Садъ этихъ сокровищницъ. Значенія *عرضت*, *فوطه*, *عطاء* и *وطاء*. Время празднованья. Бѣлый, отличительный вѣтъ Фатимидовъ. *تاج*, *مندیل*, вѣнецъ и тюрбанъ. 16) *یتیمه* и знаменитыя жемчужины. Историческая судьба яхонтоваго полумѣсяца *حافر*. 17) Зонтикъ, какъ знакъ верховной власти. Значеніе титула *صاحب الستر*. 18) Различныя знамена. 19) Вышивка знаменъ. 20) Изображенія на копьяхъ львовъ и обручей. Сходное изображеніе на покрывѣ для Кабы. Значеніе *شمسيه*; *مشيكة*; подарки Джаухара; *ستر* и *شمسيه*. Изображенія льва и полумѣсяца. Кругъ на верху копья. Специальное значеніе слова *علم*, «саламъ». 21) Мечъ изъ громовой стрѣлы. *حليّة* и *جلبة*. 22) Копье-инсигній. 23) Щитъ Хамзы, дяди Мухаммеда. 24) Мечеть *عز الملك* — мечеть *تبر*. 25) Собраніе должностныхъ лицъ на площади. 26) Тюрбаны съ перевязью. Отличительныя особенности одежды везира и эмировъ. *قاعة الذهب*. «Рытые» ковры. 27) *مصطبة* и *كرسى*. Воздуженіе зонтика. 28) Мечъ и носитель его. 29) Чернильница — инсигній и описаніе ея. 30) Исправленіе *رأية* въ *«آية»*. 31) Поднятіе завѣсы. «Западный» мечъ. «Жезль власти» — *قضييب الملك* — Инсигній Фатимидскихъ халифовъ. 32) Выходъ процессіи изъ замка. Труба *الغربية* и прочія церемоніальныя трубы. Савянскіе рабы — носители халифскаго зонтика. 33) Распредѣленіе процессіи. Церемоніальныя опахала. 34) *الى القاهرة*, *والى اسفهلار*. 35) *صاحب الباب*. 36) Мечеть *شرايب*. Свѣтская власть везира и духовная халифа. Названія полковъ. 36) Мечеть Акмаръ. Порядокъ привѣтствія везира и отвѣта халифа. *خدمة*. *سلام*. 37) Прощаніе эмировъ съ везиромъ. 38) *الدراهم المتسقلة*.

1) Описаніе новогодняго выѣзда начинается у Макризи на послѣдней строкѣ ۴۳۰ стр. I-го тома и озаглавлено *اول العام* — «праздникъ (букв.

* Записка Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XVII.

время, сезонъ, сборище; гипотезу о первоначальномъ значеніи слова موسم см. Journal Asiatique, IX série, t. XX, 1902, 346 — 347) начала года». Послѣ заглавія, идетъ цитата изъ Ибн-ал-Мамуна съ описаніемъ новогодняго торжества 517 г. Х. (1123—1124 по Р. Х.), не имѣющая подробнаго и общаго характера переведеннаго нами текста. Цитата эта продолжается до двадцать второй строки ۴۴۴ стр. — съ этого мѣста начинается нашъ текстъ.

Переведенному нами подробному описанію новогодняго выѣзда, Макризи предпосылаетъ слова: وقال ابن الطوير — «и говоритъ Ибн-ат-Тувайръ». Краткія замѣчанія объ этомъ послѣднемъ авторѣ, являющемся источникомъ описанія церемоніи у Макризи, мы находимъ у Becker'a, 29 — 30. Здѣсь приведено то немногое, что намъ извѣстно объ Ибн-ат-Тувайрѣ—заглавіе его сочиненія, вѣроятное время его жизни, тѣ вопросы, о которыхъ должно было трактовать его сочиненіе, недошедшее до насъ. Основываясь на заглавіи, г. Becker думаетъ, что этотъ писатель пережилъ Салах-ад-дина. Время его жизни, во всякомъ случаѣ, надо относить къ эпохѣ Айюбидовъ — см. напр. замѣчаніе Ибн-ат-Тувайра у Макризи, I, ۴۴۴, ۱۰—۱۱. Судя по сохранившимся цитатамъ, онъ писалъ преимущественно именно о церемоніалахъ. Позволимъ себѣ, однако, указать, что примѣръ, взятый г. Becker'омъ, не вполне примѣнимъ. Онъ упоминаетъ, что какъ разъ интересующій насъ новогодній выѣздъ, описанъ Калькашанди (202), Макризи (I, ۴۴۴) и Ибн-Тагрибирди (II, ۴۰۰) со словъ (unter der Verantwortlichkeit) Ибн-ат-Тувайра. Ссылка на этого послѣдняго находится лишь у Макризи, тогда какъ ни Калькашанди, ни Ибн-Тагрибирди не ссылались на Ибн-ат-Тувайра; они могли имѣть и другой источникъ. Сходство текста, по нашему мнѣнію, не является еще въ данномъ случаѣ несомнѣннымъ доказательствомъ общности источника. Намъ кажется, что самостоятельность самого Ибн-ат-Тувайра, при характерѣ взятой имъ темы, можетъ подлежать сомнѣнію. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, первоисточникомъ могла явиться оффиціальная запись церемоніала. Поэтому мы и приводимъ лишь въ примѣчаніи указаніе на автора цитаты Макризи.

У Ибн-Тагрибирди предпосланъ разсказу особый заголовокъ: ذكر ركوب الخلفاء الفاطميين في اول العام من كل سنة — «повѣствованіе о выѣздѣ Фатимидскихъ халифовъ въ началѣ каждаго года», а вмѣсто приведенной фразы Макризи — «и говоритъ Ибн-ат-Тувайръ», у Ибн-Тагрибирди стоитъ: والمعز هذا هو الذي استسن ذلك كله فكان امره — «все это установилъ Му'изъ, который приказалъ» и т. д. Хотя эта фраза имѣется лишь у

Ибн-Тагрибирди, мы все же включили ее въ нашъ переводъ, такъ какъ придворный церемоніаль, какъ одна изъ частей новой государственной организація, весьма вѣроятно получилъ форму лишь по достиженіи Фатымидами завѣтной цѣли ихъ стремленій — завоеванія Египта и перенесенія туда центра государства, т. е. именно при халифѣ Му'иззѣ. Во введеніи мы уже болѣе подробно говорили о возможномъ времени выработки церемоніала. Калькашанди даетъ лишь заглавіе выѣзда и сразу переходятъ къ описанію.

И у Макризи, и у Калькашанди послѣдніе дни Зу-л-Хиджжы опредѣлены: *إذا كان العشر الأخير* — «когда оставались послѣдніе десять дней (Зу-л-Хиджжы)». У Ибн-Тагрибирди стоитъ лишь *أواخر*, но его-же упоминаніе, *في العشر الآخر*, о выбитыхъ для новаго года монетахъ — «въ послѣдніе десять дней» того-же мѣсяца, указываетъ точнѣе дату. Кромѣ того, у Макризи принадлежности выѣзда опредѣлены еще словами — *من الأسلحة وغيرها*, «(состоящихъ изъ) оружія и прочаго». Какъ отмѣтилъ уже Juynboll при изданіи Тагрибирди, *ص 50*, п. 2, выѣздъ у Макризи всегда означается словомъ *موكب* въ противоположность *ركوب* Ибн-Тагрибирди.

2) Прежде всего разсказывается о вынесеніи принадлежностей выѣзда изъ сокровищницъ оружія, специально того, что несли такъ называемые *صبيان الركاب*, «стремянные юноши». Они получали особаго рода мечи и различныя булавы и паллицы. Переводя стоящее въ текстѣ слово *صمام*, множ. отъ *صمام*, словомъ «мечи» (см. Dozy, *Supplément aux dictionnaires arabes*, I, 845), мы не сочли пужнымъ еще какъ-нибудь опредѣлить его, хотя не всякій мечъ называется *صمام*; въ нашемъ текстѣ, однако, мечи, обыкновенно прямые, противопоставляются выгнутымъ, кривымъ саблямъ, такъ что смыслъ слова *صمام* кажется намъ совершенно яснымъ. И по первоначальному своему значенію это слово отвѣчаетъ понятію прямого меча — см. Schwarzlose, 382, s. v., особенно же 192—194. *صمام* обозначался «острый, несгибающійся мечъ», а корень этого слова выражаетъ понятіе твердости, крѣпости. *الصمامة* назывался мечъ извѣстнаго, древне-арабскаго князика-поэта Амра-ибн-Ма'дикериба, переданный, по преданію, владѣльцемъ его либо Халиду-ибн-Са'иду-ибн-ал-Асу, либо халифу Омару. Затерянный во время убійства халифа Османа, онъ былъ снова найденъ. Позже о немъ упоминается уже при Аббасидахъ — Махди, Хади, Харунъ-ар-Рашидъ, подарившемъ его своему полководцу Язиду-ибн-Мазьяду. Слову *منزهب*, въ техническомъ отношеніи неопредѣленному и могущему означать и «позолоченный», и «выложенный золотомъ», мы, не колеблясь, даемъ первое изъ приведенныхъ значеніе на слѣдующихъ

основаніяхъ. Во первыхъ, въ нашемъ-же текстѣ, извѣстное металлическое издѣліе сопровождается прилагательнымъ *مذهب* въ одной редакціи (Ибн-Тагрибирди, ۴۰۳, ۵), въ то время, какъ въ другой (Макризи, ۴۴۷, ۴) — *مطلى بالذهب*; это-же выраженіе имѣетъ именно значеніе «золоченый, навешенный золотомъ», а не «выложенный золотомъ, таушированный». Во вторыхъ, тутъ-же, мы находимъ при описаніяхъ металлическихъ издѣлій выраженіе *منقوش بالذهب*, «разрисованный золотомъ» (Макризи, ۴۴۷, ۲ и Ибн-Тагрибирди, ۴۰۱, ۱); это выраженіе, не замѣняющее *مذهب*, означаетъ именно «выложенной золотомъ, золотыми узорами». Фраза *مكان السيوف الحربة*, имѣющаяся лишь у Макризи, все же включена нами въ переводъ, такъ какъ она содѣйствуетъ пониманію термина *صامصم*. Слово *سيف* можетъ, конечно, означать и «мечъ», но такъ какъ оно опредѣлено прилагательнымъ *محدب* «изогнутый, кривой», мы, не сомнѣваясь, перевели его словомъ «сабля». Слово «вмѣсто» (*مكان*) указываетъ, очевидно, на то, что ни сами «стремянные юноши» въ иныхъ случаяхъ, ни кто-либо другой, не пользовались правомъ получать это оружіе. Рукопись Макризи въ Учебномъ Отдѣленіи, — о ней см. Baron V. Rosen, Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. I. Manuscrits arabes décrits par —, Saint Pétersbourg, 1877, 21, № 41, — прибавляетъ еще *لغيرهم* т. е. «для другихъ». Эта превосходная рукопись, хотя и дополняетъ въ двухъ—трехъ случаяхъ интересующей насъ текстъ Булакскаго изданія, все-же въ большей части случаевъ нуждается въ помощи этого-же изданія.

Остальными предметами оружія, передававшимися «стремяннымъ юношамъ», были различнаго рода булавы. Первые изъ упоминаемыхъ, съ круглыми и зубчатыми головами, были обшиты краснымъ и чернымъ *кимухтомъ*. *كيجخت*, по словарю Vullers'a, означаетъ «corium dorsi posterioris vel clunium equi et asini peculiari modo concinnatum». Этотъ родъ кожи упоминается какъ предметъ экспорта изъ Хорезма у Макдиси — Bibliotheca Geographorum Arabicorum, III, ۳۲۰, ۲ (дальше мы будемъ цитовать это изданіе подъ инициалами BGA). При оживленныхъ въ эпоху Фатимидовъ торговыхъ сношеніяхъ, это произведеніе промышленности крайнихъ восточныхъ предѣловъ мусульманскаго міра, можетъ быть тождественное болѣе извѣстному позже *بلغاری*, могло доходить до Египта; могло также выдѣлываться и гдѣ-нибудь ближе—въ самомъ Египтѣ, въ Ихмимѣ, существовали кожанья издѣлія (см. Kremer, I, 353). Возможно сходство этого рода кожи съ извѣстными испанскими издѣліями, т. н. *кордуанами*. Katalog der historischen Ausstellung der Stadt Wien, 1883, 169, прямо передаетъ

слово *kimûcht* черезъ *Korduanleder*. Обратимъ, однако, вниманіе на то, что по V. Gay, *Glossaire archéologique*, I, Paris, 1887, 427, «le cordouan est la peau de chèvre ou de bouc». Объ этой кожѣ *کیخت* см. экскурсы у G. Jacob, *Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern?* Berlin, 1891, 49—50 и *Die Waaren beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter*, Berlin, 1891, 8—9. Слѣдующее оружіе называется въ текстѣ *لتوت*, арабское множественное число отъ персидскаго слова *لت* или *لحت*, тождественнаго персидскимъ же словамъ *گرز* или *گوبال* и арабскому *عمود* (см. Vullers, 1082 п 1085; ср. еще древнѣйшій изъ дошедшихъ ферхенговъ *Lughat—i Furs, Asadi's neupersisches Wörterbuch*, herausgegeben von P. Horn, Berlin, 1897, 11). Итакъ, слово *لتوت* имѣетъ одинаковое значеніе со словомъ *عمد*, которое мы перевели далѣе «булавы»; переводя *لتوت* словомъ «палицы», мы считались съ соотвѣтствующимъ ему поясненіемъ у Макризи и Ибн-Тагрибирди — *وروسها مستطيلة* (у Макризи кромѣ того еще *مضرسة ايضا*). Такъ какъ словомъ «булава» обыкновенно обозначается деревянный или металлическій жезлъ съ шаромъ наверху, то мы думаемъ, что описываемое оружіе болѣе подходитъ подъ наше понятіе «палицы», имѣющей продолговатую верхушку (древнерусскій *ослонг*). Слѣдующее оружіе *مستوفیات*, объясненное въ самомъ текстѣ, есть, повидимому, разновидность булавы. Ссылка Juynboll'a на Freitag, *Selecta ex Historia Halebi, Lutetiae Parisiorum*, 1819, 149, не особенно помогаетъ дѣлу, такъ какъ тамъ этотъ терминъ поясняется текстомъ Ибн-Тагрибирди и Макризи. Считаемъ, кромѣ того, необходимымъ обратить вниманіе на то, что въ первомъ случаѣ мы перевели словомъ «булавы» араб. *دبابيس*, а во второмъ *عمد*. Оба слова (*دبوس* и *عمود*) имѣютъ тождественное значеніе — см. кромѣ словарей J. Reinaud, *De l'art militaire chez les Arabes au moyen âge*, 1848, Paris, 31—32, (изъ *Journal Asiatique*). Однако, не безъ основанія, въ нашемъ текстѣ, въ одномъ случаѣ стоитъ одно слово, въ другомъ другое; вѣроятно существовавшее, но во всякомъ случаѣ небольшое, техническое различіе между *دبوس* и *عمود*, мы пока опредѣлить не можемъ. Изображенія восточной булавы, кромѣ упомянутыхъ въ цитованной выше статьѣ Reinaud арабскихъ рукописныхъ сочиненій о военномъ дѣлѣ, можно видѣть напр. у E. Rehatsek, *Notes on some old arms and instruments of war, chiefly among the Arabs*, *Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society*, vol. XIV, 1880, таблица между 248 и 249 стр. или Egerton of Tatton, *A description of Indian and Oriental armour*, London, 1896, p. 108 или plate X. О различныхъ формахъ восточныхъ буловъ см. также В. В. Стасовъ, Серебряное восточное блюдо Импе-

раторскаго Эрмитажа, СПб. 1904 (изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія), 29—36. О болѣ позднихъ, но сохранившихъ различные старые типы булавахъ и палицахъ Янычаръ, см. интереснѣйшее сочиненіе А. Djevad Bey, *Etat militaire ottoman. I. Le corps des Janissaires. Constantinople-Paris, 1882, 217 suiv.* (и рисунки приложеннаго къ изданію альбома).

Переводя далѣе — «всего въ опредѣленномъ количествѣ», мы слѣдовали тексту Макризи *بعده معلومة من كل صنف*; у Ибн-Тагрибярди стоитъ *عدد معلومة أيضا من كل صنف* т. е. «и также опредѣленные вопскіе доспѣхи разнаго рода» (عدد множ. число отъ *عدّة* — воинскій доспѣхъ, ср. Quatremère, *Mamlouks, I, 1, Paris, 1837, 238*). Не отрицая и этой редакціи текста, мы поставили въ нашемъ переводѣ редакцію Макризи потому, что она опредѣленнѣе и болѣе отвѣчаетъ послѣдующему, *точному* перечисленію выносимыхъ предметовъ оружія и роскоши. Слѣдующее за «и получали это начальники ихъ» имѣется лишь у Макризи.

Названіе слѣдующаго, состоявшаго изъ трехсотъ молодыхъ черныхъ рабовъ, отряда, о положеніи котораго въ процессіи говорится далѣе въ нашемъ текстѣ, мы перевели «носители малаго оружія» (собственно «господа малаго оружія»), *ارباب السلاح الصغير* согласно Ибн-Тагрибярди, признавая текстъ Макризи попорченнымъ (у него стоитъ *ارباب السلاح الصغير*). Мы думаемъ такъ потому, что не только Ибн-Тагрибярди въ обоихъ мѣстахъ, въ которыхъ упоминается объ этихъ войнахъ, даетъ чтеніе *السلاح الصغير* (см. ۴۵۱,۶ и ۴۷۸,۷), но и Макризи при вторичномъ упоминаніи (۴۵۰,۲) даетъ тоже чтеніе *الصغير*.

Опредѣленіе слова *درقة* — *بكوامع فضة* имѣется лишь у Макризи. Несмотря на наши поиски, намъ не удалось найти подходящаго значенія для слова *كوامع*. Это слово однако опредѣляетъ *درقة* въ нашемъ текстѣ не одинъ разъ. И далѣе (Макризи, ۴۴۸,۳; Ибн-Тагрибярди, ۴۷۱,۷) *درقة* сопровождается тѣмъ-же *بكوامع*, но на этотъ разъ уже не серебряными (*فضة*), а золотыми (*ذهب*). Какое же значеніе можетъ имѣть это слово, являющееся въ различныхъ начертаніяхъ, такъ что пока надежнѣе было бы писать *كوامع* либо *كواع* (второе, по нашему миѣнію, вѣриѣе)? Прежде всего укажемъ на то, что слово *درقة*, щитъ, стоящее въ нашемъ текстѣ, не единственное въ арабскомъ языкѣ, выражающее это понятіе. Имѣются еще и другія слова — *نرس*, *حجة* и т. д. Въ эпоху современную фатымидскому выѣзду особенно рѣзко раздѣлялись, повидимому, два вида — *نرس* и *درقة* — см. Reinaud, 33. Существуютъ указанія, что въ болѣе раннюю, чѣмъ нашъ текстъ, эпоху, преимущественно въ до-мусуль-

манской Аравіи, словомъ *درقة* означался щитъ, не имѣвшій не только металлическихъ, но даже и деревянныхъ частей, а сплошь сдѣланный изъ кожи—см. G. Freytag, *Einleitung in das Studium der arabischen Sprache*, Bonn, 1861, 252 и Schwarzlose, 351 folg. (Ср. Rehatsek, 224—225, безъ указанія источника). Если допустить, что въ фатымидское время слово *درقة* могло означать того же рода щитъ, что и въ старину (отрицать это, сколько намъ извѣстно, нельзя за отсутствіемъ фактовъ), то, очевидно, металлические *كوامع* являлись посторонней шиту придѣлкой. Такимъ образомъ *كوامع* можно было бы перевести словомъ «украшенія» (серебряныя или золотыя), которыми выкладывался щитъ. Мы, однако, поставили въ переводѣ слово «боскеты», т. е. тѣ рельефныя, металлическія, по большей части круглыя бляхи, которыми выкладывались и выкладываются щиты, какъ металлическіе, такъ и кожаные, тростниковые, деревянные и пр. Рисунки восточныхъ щитовъ съ боскетами см. напр. Egerton, pl. II, IV, V, XII, XV. Помимо того, что эта часть, по отличію въ матеріалѣ и по своему положенію на щитѣ, болѣе всего казалось бы заслуживала отдѣльнаго упоминанія, у того-же Макризи, въ описаніи церемоніи праздника открытія Нильскаго канала (I, ۴۷۳, ۷) слѣдующимъ образомъ описывается украшеніе галеръ — *وزینت جميعها بالسور الربيقي الملوّنة والكوامع والاحلة الذهب والنضة* т. е. «всѣ онѣ (галеры) были украшены разноцвѣтными Дабикійскими завѣсами и золотыми и серебряными *كوامع* и полумѣсяцами». Намъ кажется, что значеніе *كوامع*, допущенное нами въ первомъ случаѣ, подходит и въ этомъ—металлическія бляхи на щитѣ и таковыя-же на завѣсахъ или бортахъ галеръ, рядомъ съ полумѣсяцами. Съ этимъ ср. и далѣе идущее упоминаніе *كوامع* уже не въ примѣненіи къ шиту (Макризи, ۴۴۹, ۳; Ибн-Тагрибирди, ۴۵۲, ۵), — значеніе металлической бляхи вполне подходит и здѣсь. Ср. также переводъ Калькашанди у Wüstenfeld'a, 173 — mit goldenen Buckeln. Наконецъ съ этимъ словомъ, несомнѣнно, тождественно и приведенное у A. von Kremer, *Beiträge zur arabischen Lexicographie*, II, Wien, 1884 (изъ *Sitzungsberichte der Wiener Akademie*, phil.-hist. Classe), 41—42, *كوج* *въ томъ же значеніи*, встрѣчающееся въ романѣ объ Антарѣ и выводимое Kremer'омъ изъ турецкаго *كوبک*. Сближеніе это вполне возможно, такъ какъ въ турецкомъ это значеніе вполне установлено, см. В. В. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, Вып. 12 (т. II, вып. 6), СПб. 1899, 1612—1613. *Гѣбакъ* (въ османскомъ и крымскомъ) имѣетъ первоначальное значеніе «пупокъ», но въ примѣненіи напр. къ шали; означаетъ — «розетку въ серединѣ» ея; далѣе, производное прилагательное *гѣбаклі*, въ примѣненіи къ предмету, означаетъ «имѣющій выпуклое украшеніе по серединѣ».

При переводѣ того, что выдавалось чернымъ рабамъ, мы слѣдовали болѣе полной редакціи Макризи. Всѣ вышепереведенныя подробности отсутствуютъ въ переводѣ Wüstenfeld'a (Калькашанди, 202) — тамъ лишь сказано, что изъ оружейной выносили мечи, палки, копыя и т. д.

3) Сокровищница роскоши, изъ которой выносили слѣдующіе въ описаніи предметы, считается главной составной частью сокровищницъ оружія. Переводя خزانة التجلّ словами «сокровищница роскоши», отмѣчаемъ, что, какъ часть сокровищницъ оружія, эта сокровищница заключала въ себѣ не предметы роскоши вообще, — для этого были иныя мѣста храненія, — а роскошное оружіе, тѣ военные доспѣхи, которые выдавались особо почитаемымъ лицамъ, важнымъ государственнымъ сановникамъ. من حقوق, въ сходномъ значеніи, встрѣчается у того же Макризи напр. на стр. ۴۱۷, ۲ и ۴۲۳, ۳۲. Повидимому то-же слово стоитъ и въ текстѣ Калькашанди (фраза передается со ссылкой на Ибн-ат-Тувайра, стр. 177) — dieses sei ein wirklicher Bestandtheil des Waffenmagazins.

الفضّة — «серебряныя копыя», одна изъ важнѣйшихъ пнспгнй главныхъ должностныхъ лицъ Фатымидскаго государства. Нашъ текстъ въ обѣихъ редакціяхъ, и Макризи, и Ибн-Тагрибирди, даетъ это чтеніе. Въ текстѣ Калькашанди (202) ничего не говорится объ этихъ предметахъ и описаніе вполнѣ конспективно, — лишь упоминается, что для везира, эмира и пр., выносили знамена, легкіе мечи, сѣдла и др. Однако, въ другомъ мѣстѣ текста, Калькашанди говорилъ объ этихъ копьяхъ. На стр. 179 онъ описалъ три степени эмировъ: الامرآ المطوقون, «эмиры съ шейной цѣпью», самый важный, первый разрядъ эмировъ; ارباب الفضب, «меченосцы», по переводу Wüstenfeld'a, которые, какъ поясняетъ текстъ Калькашанди далѣе, при выѣздахъ, ѣхали съ серебряными мечами, получаемыми изъ халифской сокровищницы роскоши; наконецъ ادوان الامرآ, низшіе эмиры, не имѣвшіе права носить такіе мечи. Мы думаемъ, что въ текстѣ Калькашанди — ошибка и что второй разрядъ эмировъ, несомнѣнно тождественный тѣмъ, о полученіи которыми изъ сокровищницы роскоши серебрянаго оружія говоритъ нашъ текстъ, нужно назвать не ارباب الفضب, а ارباب القصب, «носителями копій», «копьеносцами», отличительной чертой которыхъ, кромѣ этого оружія, являлись еще и выдаваемые имъ изъ сокровищницы роскоши носилки; о нихъ-же говоритъ Макризи и въ другихъ мѣстахъ (напр. ۳۸۴, ۲۴ — ارباب القصب والعباريات). Кромѣ того, самый переводъ ارباب القصب черезъ «меченосцы» кажется намъ болѣе искусственнымъ. قضب, мн. отъ قضيب, значитъ кромѣ «вѣтокъ», «скипетровъ» и т. д. — «острые» и лишь въ переносномъ значеніи — «мечи» — см. хотя бы Schwarzlose, 178.

У Макризи, въ Булакскомъ изданіи временами встрѣчается форма **قضب** — напр. ۴۲۴, ۱ и ۲, но необходимо отмѣтить, что эти слова у Quatremère, *Mémoires sur l'Égypte*, II, Paris, 1811, 379 и 380, переведены словомъ *sannes* — слѣдовательно въ Парижской рукописи стоять **قصب**, а не **قضب**.

برسم تشریف или **لتشریف تشریف** — «для инсигній» — переводъ вольный; буквально — «для почета». Мы думаемъ, что и въ этомъ мѣстѣ нашего текста, и далѣе, словомъ **تشریف** обозначались тѣ вещественные знаки, которыми Фатимидское правительство отличало должностныхъ лицъ различныхъ степеней, слѣдовательно не только «жалованные одежды», о которыхъ см. Quatremère, *Mongols*, I, 1836, 217, п. 62 и *Mamlouks*, I, 1, 6 и II, 1, 70 и 73.

Въ перечисленіи лицъ, которымъ выдавались эти инсигній, мы слѣдовали тексту Макризи, какъ болѣе ясному, хотя и здѣсь мы принуждены были перевести **العساكر و الطوائف** — «различныя войска», такъ какъ ближайшую разницу между **طائفة** и **عسكر** мы опредѣлить не беремъ. Текстъ Ибн-Тагрибирди еще запутаннѣе — опредѣленіе войсковыхъ частей **من الرجال والمشاة** т. е. синонимами (и то, и другое означать «пѣхотинцы») указываетъ на затрудненія при переводѣ этого текста.

Отмѣтимъ снова, какъ въ прим. 2 при словахъ **عد و دبابيس**, что слово «копья» въ обоихъ случаяхъ выражено различными арабскими словами, **قصة** и **رمح** (первое, впрочемъ, означаетъ скорѣе частное понятіе — «тростниковое копье»). Подъ словомъ **انابيب**, множ. отъ **انبوبة**, «стержни», мы разумѣемъ металлическую оковку древка копья (деревяннаго или тростниковаго); въ томъ-же значеніи это слово употреблено у Макризи при описаніи столба парадной палатки (۴۱۸, ۳۶ и ۴۱۹, ۳۴; E. Quatremère, *Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte*, II, Paris, 1811, 380, перевелъ *premier colonnes couvertes d'argent*, 383—*tuyaux*).

Слово **عده** мы перевели — «уборъ» (**عده**); возможно, однако, читать это слово **عده**, и переводить — «опредѣленное или нѣкоторое число» (кусковъ ткани). О ткани **شرب** (**шарба**) см. Dozy, *Supplément*, I, 740 — это была очень тонкая и очень дорогая полотняная матерія, *byssus*, виссонъ. Далѣе, мы оставили безъ перевода, слово «санджаки», какъ чуждое арабскому языку, турецкое, предполагая, при томъ, что значеніе его («знамя») достаточно извѣстно хотя бы по знаменитому «санджаки-шарифъ». Это лишь болѣе позднее названіе знамени — Freytag, 263. Обыкновенно знамена, называемыя **ساجق**, бывали изъ желтаго шелка, Quatremère, *Mamlouks*, I, 1, 135; объясненія этого слова, проникшаго въ Египетъ съ турками-мамлюками, см. у него-же, 227—228. Ср. наше прим. 18. Сообщенія о различ-

ныхъ украшеніяхъ, въ формахъ полумѣсяцевъ см. еще напр. Quatre-pègre, Mamlouks, I, 1, 243 и 253. Прилагательное, сопровождающее слово «гранаты» (رمامين) у Макризи — مذهبة, мы перевели «позолоченныя», о чемъ ср. наше примѣч. 2. Въ опредѣленіи числа копій, мы слѣдовали точной цифрѣ Ибн-Тагрибирди; у Макризи — ما يترب من مائة — «приблизительно сто». Необходимо отмѣтить, что Макризи во всѣхъ вообще опредѣленіяхъ цифръ выражается по большей части приблизительно.

4) Вмѣстѣ съ копьями выносились и носилки — عماريات (о начертаніи см. Dozy, Supplément, II, 171); (الكجاوات وهي شبه الكجاوات) у Макризи (الكجاوات) поясняетъ далѣе текстъ. Чтеніе въ текстѣ Ибн-Тагрибирди, несомнѣнно, правильное; сдѣлано лишь поясненіе арабскаго слова персидскимъ. كجاوه, *кеджаве*, есть извѣстное и по сіе время употребляемое въ персидскомъ языкѣ слово, означающее носилки, паланкинъ, привязываемый между двумя верблюдами и служащій для перевозки пассажировъ, преимущественно женщинъ. Быть можетъ, именно этой извѣстностью и распространенностью слова كجاوه объясняется вышеприведенная, дополнительная фраза; слово же عمارية, какъ то можно видѣть хотя-бы изъ цитованнаго выше мѣста у Dozy, по спору о самомъ значеніи его, было распространено гораздо меньше. О عمارية см. еще в BGA, IV, 304—305. Объ употребленіи такихъ носилокъ въ Фатимидскихъ церемоніяхъ см. также Насыри-Хосроу, ۴۹,۱ — 137: كجاوها; ۴۷,۲۲ — 140: عماريها.

Названія тканей, изъ которыхъ были сдѣланы эти носилки, не представляютъ затрудненій при переводѣ. *Дибаджъ* (الدبياج), одно изъ извѣстнѣйшихъ названій, обозначало родъ атласистой ткани (обыкновенно, впрочемъ, при переводахъ мы встрѣчаемъ слово «шарча») — см. J. Karabacek, Ueber einige Benennungen mittelalterlicher Gewebe, Mittheilungen des k. k. Oesterreich. Museums für Kunst und Industrie, Wien, 1879, 346—349 (№ 165). Опредѣленія — красный и желтый, относятся лишь къ *дибаджу*, причѣмъ фраза — وهو اجلها, «а это наилучшій сортъ», — имѣется лишь въ текстѣ Макризи. Названіе ткани *куркуби* (القرقوبي) тоже имѣется только у Макризи; такъ называлась ткань по городу Куркубъ, близъ Тустера, въ Фарсѣ, извѣстному ковравыми мастерскими — см. J. Karabacek, Ueber einige Benennungen etc., 1880, 85, an. 156 (№ 176) и Susandschird, 114—115. Наконецъ, ткань *сиклатунъ* (الستلاطون), принадлежавшая тоже къ драгоценнымъ средневѣковымъ восточнымъ тканямъ, достаточно извѣстна намъ, см. J. Karabacek, Ueber einige Benennungen etc., 1879, 274—283 (№ 162). Что касается далѣе тѣхъ двухъ арабскихъ

словъ, которыя мы перевели «шнуры» и «перевязи», то отмѣчаемъ, что какъ то, такъ и другое первоначально имѣютъ значеніе пояса. Имя относительное отъ перваго изъ нихъ زَنَابِرٌ (زنابير, множ. отъ زَنَارٌ) имѣетъ отношеніе къ конскому убору — означаетъ чапракъ, Dozy, Supplément, I, 606. Второе слово (مناطقٌ множ. отъ منطقٌ или منطقة), кромѣ значенія пояса, имѣетъ еще и значеніе всякаго рода перевязи (напр. лошадиной подпруги; см. Dozy, Supplément, II, 684). Такъ какъ только второй изъ нихъ шелъ вокругъ всего четырехугольника носилокъ, мы думаемъ, что слово زَنَارٌ означало лишь боковые шнуры носилокъ, слово же منطقٌ — перевязь всего остова. О كوامعъ см. выше пр. 2. Вмѣсто точной цифры Ибн-Тагрибирди, у Макризи въ концѣ текста стоитъ — نظير عدد القصب, «соответственно числу копій».

5) Въ перечисленіи вышеописанныхъ, общихъ везиру и высшимъ должностнымъ лицамъ инсигній — «серебряныхъ копій» и носилокъ, мы слѣдовали болѣе подробному тексту Макризи, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ запутаннѣе текста Ибн-Тагрибирди. Послѣдній, не опредѣляя числа копій и носилокъ, выдаваемыхъ везиру, опредѣляетъ лишь число специально назначенныхъ для везира знаменъ — два (لواءان). Сахиб-ал-бабъ и Исфасаларъ получали по десяти того и другого; всѣ-же, ниже ихъ стоявшіе, по пяти. Текстъ Макризи подробнѣе, но въ первой же фразѣ встрѣчается нѣкоторое затрудненіе. Слова «для везира» вставлены нами въ текстъ и у Макризи не находятся; безъ нихъ, однако, смыслъ фразы не понятенъ. Первую часть фразы можно было-бы толковать какъ объясненіе къ предшествующему упоминанію объ одинаковомъ числѣ предметовъ, но тогда остается непонятнымъ конецъ фразы — من الحمر خاصة. Мы думаемъ, что какъ по числу, равному числу большихъ знаменъ, بنود, полагавшихъ везиру, такъ и по лучшему цвѣту носилокъ, эти предметы должны были идти высшему сановнику въ государствѣ.

Слово لواءانъ въ слѣдующей фразѣ мы перевели «два небольшихъ знамени» потому, что такимъ опредѣленіемъ мы отличали это слово отъ слѣдующаго بنود, большія знамена. См. еще напр. Freytag, 262—264 и Rehatsek, 248—249.

Фраза «я это были инсигній» и т. д. имѣется лишь у Макризи; Ибн-Тагрибирди замѣняетъ ее слѣдующими словами, относящимися къ لواءانъ — «песли ихъ передъ везиромъ».

Въ слѣдующемъ далѣе распредѣленіи инсигній высшимъ должностнымъ чинамъ мы, какъ упомянуто ранѣе, слѣдуемъ Макризи. «Сахиб-ал-бабъ», ближайшій помощникъ везира, и «Исфасаларъ», командующій вой-

сками, были слѣдующіе за везиромъ сановники и старшіе эмиры (о нихъ см. Калькашанди, 181—182), но, будучи все-же ниже везира, должны были получать меньше его пинсигній. Въ виду разнообразія слѣдующихъ чиновъ, они тоже должны были получать разное количество копій и носилокъ.

Далѣе слѣдуютъ десять (по Макризи; у Ибн-Тагрибирди числа вѣтъ) большихъ знаменъ *بنود*. Слово *بنود*, *bandz*, означаетъ особенно большое знамя — см. *Gawālikī's Almu'arrab, nach der Leydener Handschrift herausgegeben* von E. Sachau, Leipzig, 1867, ۳۴ (по Джавалики слово это въ арабскомъ языкѣ заимствованное изъ персидскаго); Freytag, 262; Rehatsek, 248. Ткань *дабики* (*دبیقی*), изъ которой были сдѣланы эти знамена, получила свое названіе отъ главнаго мѣста производства, города Дабякъ, близъ Даміетты, въ нижнемъ Египтѣ — см. E. Quatremère, *Mémoires historiques et géographiques sur l'Égypte*, I, Paris, 1811, 340. Повидимому это была ткань полотняная — ср. напр. A. Kremer, *Culturgeschichte* II, 289.

Рукопись Учебнаго Отдѣленія заканчиваетъ эту фразу *من تسعة الى خمسة* *سبعة الى خمسة*, т. е. — «(въ числѣ) отъ девяти до семи и пяти».

6) Въ этомъ мѣстѣ, какъ справедливо замѣтилъ Juynboll (1803, п. 5), въ Булакскомъ изданіи Макризи безусловно пропускъ, пополняемый текстомъ Ибн-Тагрибирди, хотя и его текстъ мы въ одномъ мѣстѣ нѣсколько измѣняемъ. Juynboll принялъ для названія слѣдующаго отряда воиновъ названіе *سبربرية* = *scutorum portatores*, образуемое изъ персидскихъ словъ (*سپر بر*). Такъ какъ, во первыхъ именно этотъ отрядъ не несъ щитовъ, а во вторыхъ текстъ Калькашанди даетъ нѣсколько иное чтеніе, мы воздерживаемся пока отъ толкованія Juynboll'а. У Калькашанди (174) стоятъ слово *سربرية*, производимое, разумѣется, изъ арабскаго слова *سرير* — «тронъ» и вѣрно переводимое Wüstenfeld'омъ «Thronwachen». Въ рукописи Учебнаго Отдѣленія стоитъ однако *السَّبْرَبَرِيه*, отвѣчающее тексту Ибн-Тагрибирди. Juynboll далъ еще вариантъ *السبزرية* — не скрывается-ли здѣсь перс. слово *سبز*, «острый»? Во всякомъ случаѣ, наше чтеніе термина находитъ мѣсто въ текстѣ лишь за неразобранностью слова, какъ наиболѣе понятное.

Въ опредѣленіи длины мы слѣдовали цифрѣ Ибн-Тагрибирди. «Съ полированнымъ остриемъ наверху» мы перевели слова *برأسها طلعة مصقولة*. Несмотря на наши поиски въ словаряхъ, мы не могли найти для *طلعة* значенія «остріе», а потому и переводимъ это слово по смыслу текста. *طلعة* значить собственно — «видъ, образъ, лицо». Мы думаемъ, что «лицомъ» вся-

каго рода холоднаго оружія можетъ быть названо лишь остріе или лезвіе его. *قنطاریة* собств. значить вообще древко копья, копьё (кроме указаннаго у Juynboll'a мѣста у Quatremère, *Mongols*, 289 п., см. также Dozy, *Supplément*, II, 413); въ нашемъ текстѣ оно имѣетъ, повидимому, значеніе извѣстнаго сорта дерева (*خشب القنطاریة*). Слово *نشابة* мы переводимъ «деревянная стрѣла», основываясь на авторитетѣ Schwarzlose, 280 и Freytag, 258.

7) Стоящій у насъ переводъ соотвѣтствуетъ, за исключеніемъ чисель, тексту Ибн-Тагрибирди, хотя болѣе кратко, но болѣе ясно. У Макризи описаніе нѣсколько подробнѣе и возможно, что Ибн-Тагрибирди списалъ съ позднѣйшаго источника, сократившаго за непониманіемъ текстъ, или же самъ сократилъ. Прежде всего нужно отмѣтить различіе въ цифрахъ, вообще наблюдаемое у нашихъ авторовъ. Макризи даетъ цифру «двадцать» муловъ и «три» музыкальныхъ инструмента на каждомъ изъ нихъ (последнее болѣе вѣроятно, чѣмъ пять; вообще же, сколько намъ извѣстно, употребляются двѣ литавры); у Ибн-Тагрибирди пятьдесятъ муловъ, съ пятью литаврами на каждомъ. Самые инструменты описываются у Макризи полнѣе, но такъ какъ термины возбуждаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, мы даемъ переводъ въ примѣчаніяхъ. Онъ пишеть — *مثل نقرات* *الكوسات* *بغير كوسات* *يقال لها طبول*. Въ этой фразѣ мы имѣемъ три термина — *نقرات*, *كوسات* и *طبول*. Первое слово (древне-русскіе *накры*, др. франц. *nacaire*) и второе, по происхожденію персидскія, имѣютъ вообще тождественное значеніе—«литавры» (см. Quatremère, *Mongols*, 420 и словари). Слово *طبول*, множ. отъ *طبل* (*табл*) сомнѣній не возбуждаетъ; оно значить «барабаны». О *كوسات* и *طبول* см. Quatremère, *Mamlouks*, I, 1, 173—4, гдѣ вообще о музыкальныхъ инструментахъ, какъ иписаніяхъ; о послѣднемъ вопросѣ ср. еще Djevad-Beu, 237 suiv. Однако, при отождествленіи значеній *نقرات* и *كوسات*, переводъ удался не можетъ: *كوسات*, по тексту, есть понятіе частное, *نقرات* — общее. Выносимые музыкальные инструменты были барабаны, которые, по поясненію текста, суть *نقرات*, т. е. литавры, но безъ *كوسат*. Принимая, что барабанъ есть цилиндръ пустой внутри и обтянутый съ двухъ сторонъ кожей, а литавра—мѣдное полушаріе съ натянутой на одной сторонѣ кожей, мы думаемъ, что *كوسат* можетъ означать именно эти полушарія, не имѣющіяся у барабановъ. Дальнѣйшему у Ибн-Тагрибирди предпослано слово *قلت* — «я говорю»; значить, сообщеніе о прекрасномъ звукѣ музыкальныхъ инструментовъ и слѣдованіи въ процессіи (единственно имѣющееся у него), онъ относитъ къ своимъ личнымъ сообщеніямъ. У Макризи же, писавшаго

раньше, то же самое сообщеніе слѣдуетъ безъ этой оговорки. Выраженіе *حمل حسین بغلا علی حسین بغلا*, стоящее въ текстѣ Ибн-Тагрибирди, можетъ быть является опиской переписчика. Количество слѣдовавшихъ въ одномъ ряду въ процессіи муловъ, опредѣляется различно: у Макриси — по два, у Ибн-Тагрибирди — по три. Мы приняли версію перваго потому, что въ текстѣ второго, заключается, какъ намъ кажется, скрытая недостоверность: нельзя, при точномъ указаніи чиселъ, вести пятьдесятъ муловъ по три въ рядъ. Калькашанди (175), по переводу Wüstenfeld'a, тоже упоминаетъ объ этихъ музыкальныхъ инструментахъ — у него говорится, однако, лишь о *التغارات*, переводимыхъ имъ «die kleinen Pauken», отличныхъ отъ *كوسات*, «Kesselpauken»; ихъ въ числѣ трехъ, навѣшивали на каждаго изъ двадцати муловъ; мулы велись въ процессіи попарно. Замѣтимъ, что и въ средневѣковой Европѣ различали *Nagara*, *تغارة*, литавру и *Tabur*, *طبل*, барабанъ — Du Cange, *Glossarium mediae et infimae Latinitatis*, X, Niort, 1887, *Indices, Extraits des observations sur l'histoire de Saint Louys*, CCXXXII и CCXXXVI.

8) Число добровольцевъ (т. е. борцовъ за вѣру), о которыхъ см. напр. *Reinaud*, 41—42 или *Kremer*, I, 236, опредѣляется Макриси, по обыкновенію, приблизительно. Кромѣ того, вмѣсто *وليس لهم جرایة ولا نفقة*, у него стоятъ *بغير جَارٍ ولا جرایة* равно по значенію *نفقة*, см. *Dozy, Supplément*, I, 190. *جرایة* у Макриси вообще, видимо, имѣетъ значеніе — харчей, раціона, жизненныхъ припасовъ, выдаваемыхъ при жалованьи правительствомъ, см. напр. I, ١٤١٤, ١٤—١٥, ١٧, ٢٢; ср. о болѣе позднемъ янычарскомъ раціонѣ интересныя данныя у *Djevad-Bey*, 157 *suiv.* О *ламатскиихъ* щитахъ, кромѣ указанныхъ у *Ju'ynboll'a* — *Reinaud*, *Abou'l-féda*, II, 190, п. 4 и *Quatremère, Notices et Extraits*, XII, 634, см. еще литературу въ *BGA*, IV, 350 и V, XLVI.

9) Всѣ описанные выше предметы сохранялись, какъ говорятъ нашъ текстъ, въ сокровищницахъ оружія. Краткія описанія этихъ сокровищницъ имѣются у Макриси (١٤١٧, ٢٢ — ١٤١٧, ٢) и Калькашанди (176—177). Первая часть сообщеній Макриси, именно соответствующая строкамъ ٢٢—٢٣. Булакского изданія, была переведена у *Quatremère, Mémoires*, II, 378, причемъ переводъ былъ сдѣланъ по парижской рукописи, дающей въ этомъ мѣстѣ, повидимому, болѣе исправный текстъ, чѣмъ Булакское изданіе (ср. глоссу издателей на поляхъ). Вторая часть (отъ строки ٢٠), до извѣстной степени, соответствуетъ даннымъ о фатимидской сокровищницѣ оружія у Калькашанди, имѣющимся въ конспективномъ переводѣ Wüstenfeld'a. Затруднявшія или возбуждавшія сомнѣнія переводчика слова и мѣста

были, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приводимы въ арабскомъ текстѣ. Однако, въ Булакскомъ изданіи Макризи имѣются сообщенія, которыя не находятся нами ни въ пересказѣ Quatremère'a, ни Wüstenfeld'a.

Первая часть сообщеній Макризи въ Булакскомъ изданіи представляется цитатой изъ «Китаб-аз-захаиръ» (كتاب الزخائر) «Книги о рѣдкостяхъ», что не упомянуто Quatremère'омъ. По предположенію Juynboll'a (Ибн-Тагрибярди, II, 1, 120, n.) подъ этимъ заглавіемъ разумѣется книга извѣстнаго Масуди — كتاب ذخائر العلوم (см. полный списокъ сочиненій Масуди въ BGA, VIII, p. VI). Однако, въ томъ же сочиненіи Макризи даетъ иное, болѣе полное, чѣмъ обыкновенно заглавіе — см. напр. въ описаніи сокровищницъ, ٤١٤,٣ или ٤٢٣,٣٦ — كتاب الزخائر والتحف; такого сочиненія Масуди не писалъ. Быть можетъ, здѣсь разумѣется какой-нибудь инвентарь казны халифовъ, дававшій также описанія хранившихся предметовъ.

Вторая часть возводится къ Ибн-ат-Тувайру, что также не указано у Калькашанди, либо Wüstenfeld'омъ въ его пересказѣ. Въ виду того, что переводъ первой части данъ у Quatremère'a достаточно полно, мы ограничимся лишь пересказомъ того, что даетъ «Китаб-аз-захаиръ». Главнѣйшія же внѣшне-бытовья описанія, находящіяся въ цитатѣ изъ Ибн-ат-Тувайра предлагаются нами въ переводѣ, такъ какъ пересказъ Wüstenfeld'a не полонъ. Для этой части ср. также Krieger, Culturgeschichte, II, 284—285.

Въ сокровищницахъ оружія, по сообщенію Китаб-аз-захаиръ, среди различныхъ родовъ оружія и военныхъ орудій, хранились знаменитые мечи — Зу-л-Факаръ (ذوالفقار — принадлежавшій, по преданію, нѣкогда Мухаммеду, унаслѣдованный Али, отличительной инсигній котораго онъ и сдѣлался, позже упоминающійся при халифахъ Харунъ и Муктадиръ, см. Schwarzlose, 152) и Самсама (см. прим. 2); далѣе мечи — Хусейна-ибн-Али-ибн-Абу-Талиба, шестого шиитскаго имама Джа'фара Садика, Абдуллаха-ибн-Вахба-ар-Расибн (у Quatremère'a названнаго Abdallah ben Wahab съ пропускомъ, видимо непонятной переводчику нисбы; въ текстѣ Макризи стоитъ слово الراسى, которое мы, не сомнѣваясь, исправляемъ въ الراسى; عبد الله بن وهب الراسى) именовался избранный 22 Марта 658 года крайней партией Хариджитовъ халифъ, правившій, однако, ими лишь до Мая или Юня и разбитый Али въ битвѣ при Нахраванѣ, см. R. E. Brünnow, Die Charidschiten unter den ersten Omaiyaden, Leiden, 1884, 18; въ рукописи Учебнаго Отдѣленія читается правильно الراسى), полномвластнаго абиссинца-евнуха Ихшидовъ Кафура, халифа Му'изза, во время котораго былъ завоеванъ Фатымидами Египетъ, и отца его Мансура.

Историческая подлинность всёх этихъ вещей, особенно-же связанныхъ съ шиитскими традиціями Фатымидовъ или дающихъ имъ такъ или иначе право на обладаніе Египтомъ, разумѣется, подвержена сильнымъ сомнѣніямъ. Тамъ же находились — стоявшій тысячу динаровъ панцырь халифа Му'изза, щитъ дяди Мухаммеда Хамзы-ибн-Абд-ал-Мутталба (о которомъ см. нашъ текстъ далѣе), персидскіе шлемы, арабскіе панцыри, панцыри для лошадей (стоящее въ текстѣ Макризи *نخافيف* мы исправляемъ въ *نجافيف*, множ. отъ *نجانی*, о значеніи котораго см. Schwarzlose, 324 или Freytag, 257; не сарагаçons, т. е. попоны, какъ переводилъ Quatremère), мечи, разукрашенные золотомъ и серебромъ (*المحلاة بالذهب والنضة*), мечи желѣзные (не d'acier, какъ переводилъ Quatremère), сундуки съ остріями и колчанами (см. Schwarzlose, 316 и Freytag, 260) стрѣлъ, сдѣланныхъ изъ (дерева) *халанджъ* (кленъ — см. G. Jacob, Welche Handelsartikel etc. съ указанной тамъ литературой, 60—61, также его-же, Die Waagen beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter, 10; объ этомъ деревѣ идетъ у насъ далѣе рѣчь въ текстѣ), сундуки съ луками, связки Хаттійскихъ (см. объ этомъ названіи Schwarzlose, 217) копій изъ дерева *занъ* (Dozy, Supplément, I, 577, склоняется, повидимому, скорѣе всего къ значенію «дубъ»), пучки длинныхъ пикъ (читая вмѣсто *القنا* — *القنا*, такъ какъ первое слово не даетъ, сколько мы знаемъ, удовлетворительнаго пониманія этого мѣста; о *قنا*, вообще равнозначущемъ *رمح*, см. въ частности Schwarzlose, 217 folg.; конъектура наша подтверждается рукописью Учебнаго Отдѣленія, гдѣ стоятъ *القنا*), персидскіе панцыри, арабскіе шлемы (мы переводимъ персидскими и арабскими шлемами и панцырями — *الخود*, *البيض*, *الزرد*, *الدروع*, такъ какъ слова *خود* и *زرر* суть персидскія, а *بيض* и *دروع* — арабскія; вообще см. объ этихъ словахъ — Freytag, 256 и Schwarzlose, 322, 340, 341, 349, 350). Всего этого, по описанію, были сотни тысячъ (мы не думаемъ, что здѣсь косвенный падежъ двойственнаго числа, какъ перевелъ Quatremère; это, какъ то требуется и текстомъ, именительный падежъ множественнаго числа, вообще, впрочемъ, рѣдко встрѣчающійся — *مئين*, см. Caspari-Wright, A grammar of the Arabic Language, 3-rd edition, revised by Robertson-Smith and De Goeje, I, 1896, 258), каждаго же рода оружія — десятки тысячъ.

«И говоритъ Ибн-ат-Тувайръ: халифъ входилъ въ сокровищницу оружія и обходилъ ее, прежде чѣмъ сѣсть тамъ на тронъ. И разсматривалъ онъ содержавшіеся тамъ предметы — *кезаганды* съ подшитыми кольцами, крытыя *дибаджемъ*, искусство сдѣланныя; латы, положенныя на подкладку, позолоченныя; кольчатые доспѣхи сплошь закрывающіе; персидскіе шлемы, украшенные серебромъ, какъ и большая часть кольчатыхъ доспѣховъ; раз-

личные мечи — арабские и персидские; копьа съ полированными и позолоченными древками и лезвиями Б-р-санія (или Бусанія, какъ въ рукописи Учебнаго Отдѣленія); луки для ручной стрѣльбы, возводимые къ сдѣлавшимся ихъ мастерамъ, какъ почерки возводятся къ изобрѣтавшимъ ихъ, — и представляли ему (ихъ) для пробы, и осматривалъ онъ деревянные стрѣлы съ трехгранными остріями различнаго вида; потомъ (осматривалъ онъ) пожные и стремянные луки, и луки съ болтомъ, остріе котораго вѣсило пять ритловъ. И стрѣляли передъ нимъ различными стрѣлами, и онъ осматривалъ въ какомъ состояніи былъ ихъ стволъ. И стрѣляли изъ луковъ деревянной стрѣлой, называемой «саранчой», длиной въ пядень, въ сдѣланныхъ для нея стволахъ. Въ одно мгновеніе бывалъ (ею) прострѣливаемъ всадникъ или пѣхотинецъ. По окончаніи смотра всего этого онъ выходилъ».

Этотъ переводъ текста Ибн-ат-Тувайра нуждается, несомнѣнно, въ комментаріи. Прежде всего — самый осмотръ. Халифъ обходилъ сокровищницу оружія и потомъ, вѣроятно для осмотра подносимыхъ ему вещей, садился на находившійся тамъ тронъ. Последній находился въ сокровищницѣ оружія не случайно. О немъ имѣются свѣдѣнія у Макризи, (см. напр. I, ۱۸۴, ۸—۹, ۱۸۸, ۲۲—۳., ۴۰۷, ۱—۸) и у Калькашанди (197), причемъ извѣстія обоихъ восходятъ къ болѣе древнимъ авторамъ: у Макризи прямо указываются источники — Ибн-Абд-аз-Захиръ (о которомъ см. P. Casanova, L'histoire Ibn 'Abd-adh-Dhâhir (620—692 de l'hégire), Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire, t. VI, Paris, 1893, pp. 493—505) и Ибн-ат-Тувайръ. Упомянутыя сокровищницы оружія находились безъ сомнѣнія въ томъ помѣщеніи, которое нѣкогда именовалось *الایوان الكبير*, «Большой Портикъ» (о немъ см. Sacy, Chrestomathie arabe, I, Paris, 1826, 125—126), и въ которомъ происходили еженедѣльные приемы халифовъ по понедѣльникамъ и четвергамъ (у Wüstenfeld'a почему-то «Dienstag und Donnerstag», хотя въ арабскихъ текстахъ и Макризи, и Ибн-Тагрибирди ясно стоятъ *يوم الاثنين* и *يوم الخميس*). Позже, при халифѣ Амрѣ (495—524 = 1101—1130), дворцовые приемы были перенесены въ *قاعة الذهب*, «Золотую Залу», а «Большой Портикъ» былъ обращенъ въ сокровищницу оружія, причемъ находившійся тамъ тронъ остался. У Ибн-Абд-аз-Захира говорится собственно не о тронѣ, а о *الشباك*, отгороженномъ рѣшеткой мѣстѣ, съ куполомъ — тамъ сидѣлъ халифъ при приемахъ. Когда это помѣщеніе было обращено въ оружейную, то этимъ-то трономъ, и пользовался халифъ при осмотрѣ вещей.

Перечисляемые предметы также нуждаются въ комментаріи. Прежде всего *кезаганды*. Въ текстѣ Макризи стоятъ собственно *الکراغندات*, которое безъ труда исправляется въ *الکزاغندات*, вполне опредѣленный внѣшне-бытовой терминъ, о различныхъ способахъ начертанія котораго см. у Dozy, Supplément, II, 342 и 462 и Schwarzlose, 334. Это были стеганья, шелковыя или бумажныя куртки, входившія въ составъ доспѣха, замѣнявшія панцири или, какъ показываетъ нашъ текстъ, представлявшія собою скрытую кольчугу. Далѣе, необходимо выяснить фразу, переводимую нами — «кольчуги, сплошь закрывающія», *الزردیات السالبة بروسها* и буквально значащую «кольчуги, свѣшивающія на вершинахъ ихъ». Понимая подъ *زردیات* полныя кольчатые доспѣхи (см. Schwarzlose, 341), мы думаемъ, что подъ вершиной разумѣется кольчатая желѣзная шапка, къ которой со всѣхъ сторонъ придѣлывалась сплошная кольчатая же сѣтка, возможно лишь съ прорѣзами для глазъ. Quatremère, Mamlouks, I, 2, 114, n. 138, переведшій попутно выраженіе *الزردیات السالبة*, «des cuirasses flottantes», врядъ-ли былъ правъ. *السالبة* есть причастіе дѣйствительное; кромѣ того, при этомъ переводѣ не было бы понятно слѣдующее *بروسها*. Ср. у того-же Макризи, напр. I, ٢٠٢, ٥, — *الدروع المسبلة* (тамъ-же *بالغافر*; доспѣхъ съ *مغفر*’омъ т. е. съ «бармицей», отличался отъ сплошь закрывающаго доспѣха). Далѣе мечи — *العربیات والقلاجوريات* (у Калькашанди *العلاجورية*, съ вопросительнымъ знакомъ переводчика), арабскіе и *каладжурри*. Последнее слово, въ отрывкѣ изъ Ибн-Абд-аз-Захира у В. Г. Тизенгаузена, Сборникъ матеріаловъ; относящихся къ исторіи Золотой Орды, I, Спб. 1884, 51 и 60, было переведено Калджурскіе (мечи). Не находя слова *قلاجورية* въ арабскихъ словаряхъ, мы имѣемъ его въ нѣсколько иномъ начертаніи въ персидскомъ языкѣ. См. Словарь Vullers’a, II, 716 и 733, *قراچور*, *قراچوری*, *قلاجوری*, въ значеніи «длинный мечъ» и просто «мечъ». Въ виду того, что мы не можемъ опредѣлить точнѣе форму этого меча, мы, основываясь на персидскомъ названіи, особенно вслѣдствіе сосѣдства съ «арабскими» мечами, перевели *قلاجوريات* «персидскіе» мечи. Далѣе, провести точное различіе между словами *القنا* и *القتاریات* затруднительно, но во всякомъ случаѣ эти два слова означаютъ, по нашему мнѣнію, въ противоположность слѣдующимъ *الأسنة* (лезвія), древки копій (см. *قنطارية* Quatremère, Mongols, 289, n., а о *قنا* — Schwarzlose, 219). Тизенгаузенъ, 51 и Quatremère, I, 1, 216, note, понимали подъ *قنا* сортъ дерева. Kr emer, Culturgeschichte, II, 285 перевелъ *kantārijjat* — *vergoldete oder einfach gefirniste Streitkolben*. Лезвія *البرصانية*, Б-р-санія или *البوصانية*,

Бусанійя, остаются для насъ непонятными. О *نشاب*, деревянныхъ стрѣлахъ, см. Freytag, 258 и Schwarzlose, 280—281. Далѣе, выраженіе *قسي الرجل والركاب* мы переводимъ «ножные и стремянные луки», хотя въ переводѣ Wüstenfeld'a стоитъ «Fussgänger und Reiter», что, съ грамматической стороны, при отсутствіи ташдида и гласныхъ знаковъ, вполнѣ возможно. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нашъ переводъ болѣе правильнымъ, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) не далѣе, какъ строкой ниже Ибн-ат-Тувайръ говоритъ о всадникахъ и пѣхотинцахъ, причѣмъ употребляетъ для понятія «всадникъ» не слово *راكب*, а *فارس*, 2) *قسي الرجل والركاب* могутъ быть, при нашемъ переводѣ, объяснены технической терминологіей мусульманскаго лука — см. Reinaud, 17 suiv. Обыкновенный лукъ именовался ручнымъ, ножной-же лукъ былъ то, что мы теперь называемъ «арбалетомъ.» Стременемъ-же арбалета называлось особое приспособленіе въ видѣ кольца, служившее для приданія стрѣлѣ желаемого направленія. Это приспособленіе одно изъ простѣйшихъ въ эволюціи арбалета (ср. напр. V. Gay, *Glossaire archéologique*, I, 42). Kremer, II, 285, повидимому, отождествилъ *kasijj alrigh wal-rokâb*, перевода *die mit dem Fusse abgeschossen wurden*. Слѣдующій видъ луковъ представлялъ какую-нибудь сложную разновидность арбалета, но за недостаткомъ данныхъ точно описать его трудно (Dozy, *Supplément*, II, 418; ср. V. Gay, 42 et suiv.). *لولب*, который мы перевели чересъ «болтъ», означаетъ также и «вращающійся винтъ»; терминъ извѣстный и древне-русскимъ самострѣламъ — были «самострѣлы болтовые», названные такъ вѣроятно по особому виду стрѣлы — «болтамъ самострѣльнымъ», см. П. Савваитовъ, *Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора*, Спб., 1896, 123 при словѣ самострѣль и 132. Отмѣчаемъ сходство въ древне-русскомъ и восточномъ терминѣ. О невыясненности древне-русской терминологіи стрѣлы ср. впрочемъ Э. Лепцъ, *Опись собранія оружія гр. С. Д. Шереметева*, Спб. 1895, 100. *مجره*, какъ и далѣе множ. *مجار*, мы переводимъ «стволъ» у лука (др.-русс. «*нолоса*»), соглашаясь съ переводомъ Wüstenfeld'a *Richtungseinschnitten*. Подробное сообщеніе объ *المجره* см. у Reinaud, 24—25. Повидимому, однако, нашъ текстъ указываетъ на то, что луки съ такимъ приспособленіемъ не явились на мусульманскомъ Востока лишь въ серединѣ XIII-го вѣка, какъ объяснялъ Reinaud приведенное имъ сообщеніе; мы видимъ, что Ибн-ат-Тувайръ упоминаетъ о нихъ уже въ сокровищницахъ Фатимидскихъ халифовъ. Въ описаніи быстроты пораженія, сообщеніе Ибн-ат-Тувайра тождественно съ описаніемъ приведеннаго у

Reinaud отрывка Петербургской рукописи. Со своеобразным названіемъ стрѣлы الجراد (саранча) ср. еще персидское названіе лука — «мотылько-вымъ» — پروانه کمان (Katalog der historischen Ausstellung der Stadt Wien, 110, 113 и др.). Наконецъ, отмѣтимъ, что по тексту халифъ من خزانه الدرق т. е. «выходилъ изъ сокровищницы щитовъ». Объ этой сокровищницѣ см. Ravaisse, Essai sur l'histoire et la topographie du Caire, I, 437, note; тутъ-же опытъ возстановленія краткаго описанія дѣлавшихся тамъ предметовъ. Противупоставленіе خزانه الدرق, какъ Magasin des armes défensives — خزانه السلاح, какъ Magasin des armes offensives, врядь-ли справедливо; мы, изъ нашего описанія приготовленій къ выѣзду, видѣли, что въ послѣдней хранилось не только наступательное оружіе, но и носилки, щиты, знамена и пр. Относительно предположенія Ravaisse'a, что сокровищница оружія находилась внутри Большого Дворца и отдѣльно отъ сокровищницы щитовъ, ср. его-же II, 98—99, гдѣ всѣ сокровищницы помѣщены внѣ дворца, къ югу отъ него; ср. его-же Plan restititif du Grand Palais, помѣщенный передъ этой второй частью. Только при второмъ предположеніи можно представить, что послѣ осмотра оружія, халифъ выходилъ черезъ сокровищницу щитовъ. Въ такомъ случаѣ, онъ проходилъ за دار العلم, находившемся по фасаду между خزانه الدرق и прочими сокровищницами.

10) Два главныхъ лица въ сокровищницахъ сдѣлалъ — «завѣдующій» (какъ мы переводимъ слово الحامى) и «смотритель» (какъ мы переводимъ слово المشارى) принадлежали къ особымъ разрядамъ придворныхъ чиновъ — المشهود المعدلونъ и الاستاذون المحنكون, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ. О первомъ изъ нихъ уже сказано въ примѣчаніяхъ Juynboll'a къ тексту Ибн-Тагрибирди, II, 1, 101—102, на основаніи замѣчаній Fleischer'a и болѣе раннихъ соображеній Hammer-Purgstall'я, хотя ихъ объясненія касались второй части этого названія, наиболѣе сложной. الاستاذون, множ. число отъ الاستاذ (персидское слово), означаетъ въ нашемъ случаѣ опредѣленный чинъ — см. Калькашанди, 179—180. Ср. также своеобразное толкованіе термина «Устады» у Насыри-Хосроу, 138; 140. О сходномъ терминѣ استادار см. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 25 suiv. Ближайшая свита (الحواص) халифа дѣлилась на три разряда — 1) الاستاذون — «устады», 2) صبيان الخاص — «свитскіе юноши» и 3) صبيان الحجر — «барачные юноши» т. е. жившіе въ казармахъ الحجر, о которыхъ см. напр. S. Sacy, Chrestomathie arabe, I, Paris, 1826, 156. Послѣдніе два разряда представляли собой собственно ближайшую охрану халифа, тогда какъ первые, «Устады», являлись высшими сановниками; самые важные изъ «устадовъ» назывались المحنكون и получили свое названіе отъ вышшаго признака; حنك

значить — «обертывать подъ подбородкомъ копецъ тюбана». Hammer-Purgstall (Jahrbücher der Literatur, CIX Band, Wien, 1845, 36) въ свое время указалъ, что изображеніе подобнаго убора мы можемъ видѣть въ извѣстныхъ росписяхъ Альгамбры, въ Sala de la Justicia или del Tribunal, гдѣ часть изображенныхъ на плафонѣ лицъ имѣетъ подобныя перевязи. Опредѣлить съ точностью — какова была эта перевязь: родъ-ли галстуха, каковой мы видимъ у нѣкоторыхъ лицъ вышеупомянутаго плафона, или просто обернутый около шеи копецъ тюбана, — затруднительно. Слѣдующее далѣе въ нашемъ текстѣ описаніе халифа — «былъ онъ перевязанъ подъ подбородкомъ тѣмъ концомъ тюбана, который свѣшивался съ лѣвой стороны», склоняетъ ко второму предположенію. Далѣе, Dozy, Vêtements, 307 — 308 и прим. къ Ибн-Тагрибурди, II, 1, 102, отождествляютъ غزبة و غزابة, «копецъ тюбана»; благодаря Макризи, есть возможность установить нѣкоторое различіе между этими терминами, ограниченное можетъ быть мѣстомъ и временемъ. الغزبة والزَّابَةُ المرخاة وهي الغزبة, говоритъ текстъ Макризи, I, ٤٢٠, ٣٢—٣٣, т. е. «спущенная ذَوَابَةُ есть غزبة», изъ чего можно-бы заключить, что обернутый копецъ тюбана носилъ специальное названіе ذَوَابَةُ, а спущенный — غزبة. Перечисленіе нѣкоторыхъ сановниковъ, имѣвшихъ по своему служебному положенію право на подобнаго рода перевязь, см. напр. у Макризи, I, ٣٨٧, ٣٧ слѣд. II позже, вѣроятно при Айюбидлахъ, «адли» (о которыхъ ниже) носили подобныя же перевязи, см. Макризи, I, ٤٢٠, ٢ (цитата изъ Ибн-ат-Тувайра). Завѣдующіе сокровищницами принадлежали именно къ разряду сановниковъ этихъ степеней — см. напр. Макризи, I, ٤٢٠, ١; ٤٢٢, ٣٤; ٤٧٣, ٢٤. При тѣхъ же сокровищницахъ находились и помощники завѣдующихъ — смотрители (مشارف), см. напр. Макризи, I, ٤١٢, ٢٣ слѣд. Чипъ этого смотрителя также нуждается въ объясненіяхъ; онъ, по словамъ нашего текста, былъ *من الشهود المعدلين*, *شهود*, множ. число отъ *شاهد*, не представляетъ затрудненій для перевода, давая опредѣленный смыслъ — «свидѣтели» и выражалъ извѣстный чипъ, зависмый отъ «кади-л-кудаты», см. напр. Макризи, I, ٣٨٧, ٣٧ или Quatremère, Mamlouks, II, 2, 108. Эти «свидѣтели» были ближайшими помощниками «кади-л-кудаты» и его свитой, ср. Калькашадди, 199. *معدّل* означаетъ — «имѣющій чинъ *عدل*», букв. «посредника» — см. собранныя изъ восточныхъ авторовъ упоминанія у Quatremère, Mamlouks, II, 2, 111 suiv. Имѣвшихъ этотъ чинъ называли иногда просто *العدل*, множ. отъ *عدل* — см. напр. Макризи, I, ٤٠٣, ١٩; ٤٢٠, ٢; ٤٢٤, ١٩; ٤٧٧, ٤. Такимъ образомъ этотъ чипъ можно перевести буквально — «посредникъ-свидѣтель» или «нотаріальный свидѣтель». Кромѣ того, сопоставленіе *معدّل* съ предшествовавшимъ *مَحْكَمٌ* ндаетъ амъ возмож-

ность высказать нѣкоторыя соображенія относительно сближенія этого названія съ другимъ, болѣе позднимъ словомъ. Въ словарѣ Педро де Алкала (составленномъ въ 1505 г. въ Гранадѣ) приведено слово عدول въ значеніи «cordón pour une tresse de cheveux», «шнурокъ для (обвязыванья) косы», см. Dozy, Supplément, II, 103. При Фатымидахъ, какъ и при Айюбидахъ, чиновники, имѣвшіе чинъ «адля», носили перевязи тюбановъ подъ подборкомъ: см. العدول المحتكون, Макризи, I, ۴۴۰, ۲-۳ и ۴۷۷, ۴. Возможно, что названіе перевязи косы возникло изъ названія перевязи чиновниковъ عدول. Во всякомъ случаѣ, мы названіе عدول въ обоихъ значеніяхъ выводимъ изъ первоначальнаго, общаго смысла этого слова. Обязанности шахидовъ, какъ смотрителей сокровищницъ, были связаны съ контролемъ, наложеніемъ «печати справедливости» (ختم العدل) на сокровищницу, см. напр. Макризи, I, ۴۱۸, ۲-۳. Ср. Sacy, Chrestomathie, I, 38 suiv.

Словами «конскіе уборы» мы переводимъ арабское المركبات (какъ у Макризи) или الركاب (какъ у Ибн-Тагрибирди). У Dozy, Supplément, I, 553, для слова ركاب дано значеніе «сѣдло»; у Lane, Arabic-english Lexicon, то же значеніе дано для слова مركب. Однако, мы не пользуемся этимъ значеніемъ въ нашемъ случаѣ, такъ какъ нѣсколько дальше стоитъ слово سرج, имѣющее несомнѣнно значеніе сѣдла. См. مركبات и тождественное ему مراكب въ принятомъ нами значеніи у Макризи напр. I, ۴۱۸, ۱۲, ۲۸; ۴۲۷, ۹; ۴۴۴, ۳۴. О семидесяти лошадахъ и мулахъ говорится лишь въ текстѣ Макризи, и у него же подробнѣе перечисляются матеріалы, изъ которыхъ были сдѣланы уборы. У Ибн-Тагрибирди описанію убора предпосылается слово يقال, — «говорять». Слова روادفها و قرايسها мы перевели черезъ «заднія и переднія луки»; слово قرايس множ. число отъ قربوس затрудненій не представляетъ, задняя же лука обыкновенно обозначалась чрезъ قربوس ورائي — см. Reinaud, 36. Въ сопоставленіи съ روادف قرايس не представляетъ однако особыхъ затрудненій для пониманія — множественное число отъ причастія глагола ردف, «быть сзади чего-либо», можетъ имѣть въ данномъ случаѣ лишь одно значеніе — «заднихъ сѣдельныхъ лукъ». Мы предпочли далѣе переводъ «драгоценные камни» (الجواهر у Макризи), стоящему у Ибн-Тагрибирди «жемчугу» (اللؤلؤ) только потому, что первое понятіе шире (хотя جوهرة можетъ означать и жемчужину). Говоря о шейныхъ украшеніяхъ, Ибн-Тагрибирди не включаетъ ихъ въ понятіе مركب, а прямо говоритъ مطوقة والحيل и т. д.; въ описаніи колокольчиковъ говорится лишь о томъ, что они были на переднихъ погахъ (في ايدى اكثرها). Словомъ «позолоченные» перевели мы стоящее у Ибн-Тагрибирди مسطحة بالذهب; у Макризи стоитъ одно слово مسطوحة, для котораго скорѣе всего подходило бы аналогичное دائرة значе-

nie, см. Dozy, Supplément, I, 757. Слова السفلاطون нѣтъ въ текстѣ Ибн-Тагрибирди. Объ النقوش بالوان الحرير см. Katabasek, Ueber einige Benennungen etc. № 162, 282, anm. 43. (О выдѣлкѣ кожи كسختъ въ самомъ Каирѣ ср. Макризи, II, ۳۲۰—۳۲۴; это въ дополненіе нашего прим. 2).

Упомянутое о золотѣ, игравшемъ важную роль въ вышеприведенныхъ конскихъ уборахъ, побуждаетъ насъ указать на то, что въ средневѣковой Европѣ золотыми издѣліями особенно славился мусульманскій Востокъ. Въ рыцарскихъ романахъ часто цитруется «арабское золото», or arabiant. О техникѣ средневѣковыхъ мусульманскихъ золотыхъ издѣлій и ихъ отношенія къ западному художеству, далъ рядъ интересныхъ свѣдѣній Н. Lavoix, Les Azziministes, Gazette des Beaux-Arts, XII, 1862; онъ отмѣтилъ два типа дамаскинированья — Lavori alla Damascina, перегородчатое дамаскинированье, манера дамасской работы и Lavori all' Agiamina, выемчатое дамаскинированье, собственно персидская манера, особенно примѣнявшаяся въ Каирѣ. Дамаскъ, одинъ изъ главныхъ центровъ мусульманскаго міра, славился въ средневѣковой Европѣ произведеніями культуры и промышленности, получившими даже въ европейскихъ языкахъ его имя. Нѣкоторыя данныя по этому вопросу были собраны у Gay, Glossaire archéologique, 535 suiv., по его матеріаламъ можно еще дополнить. Мы имѣемъ—*дамасъ*, родъ драгоценной ткани (древне-русская *адамашка*); *дамаскинированье*, извѣстный способъ украшенія металла; *дамасскіе* клипки; *damasquine*, родъ орнамента (морски на кожѣ); *oeuvre de Damas*, филигрань; стеклянныя издѣлія *à la façon de Damas* (à la Morisque); *lettres de Damas*, арабскія буквы; *charta damascena*, дамасская бумага; *damasco*, итальянское названіе абрикоса; *дамасская* слива; *rosa damascena* (дамасская роза, тожественная, можетъ быть, средневѣковой rose d'outremer); *zuchero dommaschino*, дамасскій сахаръ; *tapeți damaschini*, дамасскіе ковры (XVII в.) и пр.

11) Послѣ слова بعشرة — «десятью», у Макризи идетъ حصن; мы слѣдовали тексту Ибн-Тагрибирди, такъ какъ рѣчь главнымъ образомъ шла объ уборахъ, выносимыхъ изъ сокровищницы сѣдель. Слова اخوته не имѣется въ текстѣ Ибн-Тагрибирди. Текстъ отъ слова بالعرض عليهم ثم يخرج имѣется лишь у Макризи и не приведенъ полностью въ примѣчаніяхъ Juynboll'а къ тексту Ибн-Тагрибирди. Въ опредѣленіи числа Макризи ограничивается приблизительной цифрой—*ما تقرب*. Слова يتسلمها العرفاء المزكور имѣются также лишь у Макризи. Объ отвѣтственности за взятые изъ сокровищницы уборы см. еще Макризи, I, ۴۱۸, ۱۸—۱۹, ۴۴۴, ۲۹—۳۰. Ниже мы увидимъ, что эти عرفاء не были собственно начальниками конюшенъ, а лишь извѣстнаго числа стремянныхъ и конюховъ. Дальнѣйшій переводъ до конца отрывка даемъ нами по тексту Макризи; у Ибн-Тагрибирди, вполнѣ можно предполагать

нѣкоторый пропускъ, такъ какъ текстъ Макризи полнѣе. Титуль «Хаджибъ», «камергеръ», весьма распространенный при дворахъ мусульманскихъ государей, не нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ. Упоминаемая далѣе географическія, или вѣрнѣе топографическія, названія, Мисръ и Кахира, означаютъ болѣе древнюю, до-Фатимидскую часть города и новую, уже основанную Фатимидами, столицу ихъ государства, см. напр. E. W. Lane, Cairo fifty years ago, London, 1896, 22 сл., 138 сл.; Stanley Lane Poole, Cairo, London, 1898, 6 сл.; его-же, The Story of Cairo, London, 1902, 34, 41; Franz-Pacha, Kairo. Leipzig, 1903, 3, 17.

Описанія сокровищницъ сѣдель мы не находимъ у Quatremère, Mémoires etc. Калькашадди даетъ лишь самое краткое сообщеніе, 176. Описаніе Макризи состоитъ собственно изъ двухъ цитатъ—изъ Китаб-аз-захаиръ (о ней см. также Becker, 21—22) и Ибн-ат-Тувайра (كتاب خزائن السروج), т. е. изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ онъ бралъ описанія и сокровищницъ оружія. Въ краткомъ сообщеніи изъ первой книги содержится лишь упоминаніе о томъ, что въ этой сокровищницѣ хранились сундуки, наполненные украшенными серебромъ, чернеными (مجرأة بسواد; терминъ, повидимому, однозначущій съ مَخْرَقَة, о которомъ см. J. Karabacek, Ein römischer Cameo aus dem Schatze der Aijübidens-Sultane von Hamäh, Sitzungsberichte Wiener Akademie, Phil.-hist. Classe, B. 129, 9, anm.), гладкими сѣдлами. Описаніе Ибн-ат-Тувайра подробнѣе. По его словамъ, сокровищница сѣдель Фатимидскихъ халифовъ содержала такія богатства, какихъ не было въ сокровищницахъ сѣдель ни одного другого государства. Это была большая зала, по стѣнамъ которой находились особыя возвышенія (собст. مصطبة, скамья), съ наложенными на нихъ подушками (въ текстѣ — *муттаки*). На каждой подушкѣ лежало по три сѣдла, а надъ ней былъ вбитъ въ стѣну полированный коль, выступавшій надъ подушкой и служившій вѣшалкой для разукрашенныхъ конскихъ уборовъ, съ поводьями трехъ сортовъ—золотыми, серебряными и изъ золота съ серебромъ, — и ожерельями и цѣпями для украшенія шей лошадей. Сѣдель, предназначенныхъ исключительно для халифа и высшихъ сановниковъ, было болѣе тысячи штукъ. Халифъ производилъ смотръ и этихъ сокровищницъ, но только обходилъ ихъ, не садясь тамъ (بغير جلوس) (въ противоположность, такимъ образомъ, сокровищницамъ оружія, гдѣ даже имѣлся тронъ). Тутъ-же разсказывается о приспособленіи, сдѣланномъ при халифѣ Амирѣ, для удобства всадниковъ. Халифъ приказалъ сдѣлать переднія сѣдельныя луки полыми и обить ихъ внутри оловянными пластинками; затѣмъ продѣлать въ нихъ отверстія (въ текстѣ

فا, букв. «ротъ»), въ которыя и вставить трубки (صفارة). Всадникъ могъ пить изъ этого отверстия воду и утолять свою жажду. Каждое сѣдло вмѣщало семь «ритловъ» воды. Въ заключеніе говорится, что первымъ, начавшимъ выдавать чиновникамъ своихъ лошадей съ золотыми уборами въ дни торжественныхъ церемоній, былъ халифъ Азизъ.

12) Вмѣсто стоящей у Макризи фразы о верблюдовожатыхъ, имѣющейся въ нашемъ переводѣ, Ибн-Тагрибирди говоритъ — «и принимали это соответствующія лица отъ начальниковъ», *ونسلمه اربابه من العرفاء*. «Конюшни верблюдовъ» — первоначальное значеніе *المنابخات*. Объ этихъ конюшняхъ есть краткое сообщеніе и у Калькашанди, 178. *О غاشية*, покрывало, см. вообще Quatremère, *Mamlouks*, I, 1, 5. Изъ того, что покрывала для вышеупомянутыхъ носилокъ передавались верблюдовожатыми (*الجتالون*), можно заключить, что эти носилки либо ставились на верблюда, либо, по образцу современныхъ персидскихъ *نختروان*, привязывались между двумя верблюдами, идущими одинъ за другимъ. Ибн-Тагрибирди не даетъ опредѣленія числа мѣсяца, а только говоритъ — *ثم*, «затѣмъ». Въ текстѣ Макризи послѣ опредѣленія числа говорится еще — *من سلخه على رأى القوم* (Булакское изд.) или *وهو سلخه على رأى القوم* (рук. Учебнаго Отдѣленія), «и оно (т. е. двадцать девятое число) согласно мнѣнію народа (было) концомъ мѣсяца». Мы оставили слово *الشبّاك*, «Шуббакъ», безъ перевода въ текстѣ, такъ какъ оно имѣетъ специальное, техническое значеніе — рѣшетка, отгораживавшая особое, для халифа предназначенное мѣсто: *المقصورة*, *максуру*; о ней см. напр. Dozy, *Supplément*, I, 723 и II, 358; въ частности Ravaisse, II, 54 и у насъ далѣе. О «Шуббакѣ» везировъ см. напр. также Sacy, *Chrestomathie*, I, 235 suiv.

13) «*Сахиб-ар-рисала*», принадлежавшій къ разряду «*ал-устадуна-ал-муханникуна*», переводимому нами въ данномъ случаѣ «устады съ перевязью» для того, чтобы не наполнять нашъ переводъ рядомъ транскрипцій Фатымидскихъ чиновъ, имѣлъ специальную обязанность перевозить письма халифа везиру и прочимъ чиновникамъ — см. Калькашанди, 183. Къ словамъ *من كبار* *وفصحاءهم* *وعفلاؤهم* *ومصلحهم*, у Макризи еще прибавлено — *الاستاذين المحنكين*, «краснорѣчивыхъ, умныхъ, знающихъ». Фразы «въ противоположность обычной своей ѣздѣ» нѣтъ у Ибн-Тагрибирди. Словами «изъ своихъ покоевъ» мы перевели стоящія въ арабскомъ текстѣ *من مكانه*. Сообщеніе о слѣдованіи свиты пѣшкомъ имѣется лишь у Ибн-Тагрибирди, а о томъ, что никто не ѣздилъ по замку, кромѣ халифа, лишь у Макризи, но не только въ одномъ этомъ мѣстѣ (см. напр. еще 347, 1—2). См. также Калькашанди, 213—214.

Все дальнейшее описание, какъ выѣзда халифа, такъ и слѣдованья везира до смотра, связано съ внутренней топографіей Большого Дворца Фатимидовъ, почти вовсе намъ неизвѣстной. Однако, въ виду краткости сообщеній текста и общаго характера его, мы имѣемъ возможность, руководясь трудомъ Ravaisse'a (см. для ориентировки Plan restitutf du Grand Palais), намѣтить приблизительно тѣ части дворца, въ которыхъ могъ происходить упомянутый смотръ. Портикъ (دهليز) «Баб-ал-Мулькъ» (скорѣе чѣмъ «Баб-ал-Меликъ»), «Воротъ власти», въ которомъ находился «Шуббакъ», т. е. рѣшотка, отдѣлявшая назначенное для халифа мѣсто, опредѣлить изъ описанія выхода затруднительно. «Баб-ал-Мулькъ», во всякомъ случаѣ, не были внѣшнія ворота дворца, имена которыхъ намъ хорошо извѣстны (на подробномъ описаніи ихъ построена работа Ravaisse'a, см. I, 434—435), а находились гдѣ-то внутри. Нѣкоторую помощь можемъ мы получить изъ описанія выѣзда везира. Прежде всего, говорится, что онъ въѣзжалъ въ этотъ день черезъ «Баб-ал-Идъ», «Праздничныя ворота». Везиръ Ыхаль, разумѣется, изъ своего дома (دار الوزارة), мѣстоположеніе котораго намъ хорошо извѣстно—Ravaisse, II, 50 suiv. Далѣе, такъ какъ онъ въѣзжалъ черезъ «Баб-ал-Идъ», находившіяся въ сѣверо-восточномъ углу дворца—Ravaisse, II, 63 suiv. и планъ,—то онъ долженъ былъ только пересѣчь «Площадь Праздничныхъ воротъ» (رحبة باب العيد). Въ другихъ случаяхъ, онъ могъ въѣзжать и черезъ «Баб-аз-Зумуррудъ», «Изумрудныя ворота», и черезъ «Баб-ар-Рихъ», «Ворота вѣтра»—Ravaisse, II, 34 suiv., 56 suiv. и планъ. Слѣшивался онъ лишь у «Длинныхъ портиковъ», очевидно тождественныхъ دهليز العمود, «Колонному портику» (см. Макризи, II, ۳۸۴, ۷—۷), о положеніи котораго мы знаемъ,—Ravaisse, I, 461. Этотъ портикъ тянулся отъ западныхъ воротъ замка, такъ называемыхъ باب البحر, «Баб-ал-Бахръ», «Рѣчныхъ воротъ» (Ravaisse, I, 457 suiv. и планъ), внутрь Большого Дворца. Очевидно, что, въѣзжая черезъ «Праздничныя ворота», везиръ входилъ въ этотъ портикъ съ противоположной «Рѣчнымъ воротамъ» стороны. Такимъ образомъ, въ центрѣ Большого Дворца, между «Праздничными» и «Рѣчными» воротами, должно быть, находился «Шуббакъ», сидя въ которомъ халифъ дѣлалъ смотръ лошадямъ.

Слово «Сидилаа» (السدي), представляющее извѣстную трудность для пониманія, могло быть установлено нами лишь благодаря тексту Булаккаго изданія. Дѣло въ томъ, что у Ибн-Тагриябиди, видимо не понявшаго въ чемъ дѣло, стоитъ بكان لا بدلهيز; онъ, вѣроятно, счелъ конечное لا за отдѣльное слово, отрицаніе «не»; тогда, остающееся непонятнымъ في السدъ будетъ отвѣчать بكان. Juynboll, давая разночтеніе Макризи и тоже не понявъ этого слова, напечаталъ совершенно ясно — في السد لا بدلهيز. Наконецъ, у Мак-

ризи въ Булакскомъ изданіи, фраза напечатана слитно. Мы несомнѣнно имѣемъ здѣсь слово *السدری*, особое помѣщеніе, въ одной изъ стѣнъ котораго, вѣроятно, и находился «Шуббакъ». Объ *السدری* см. Lane, Arabic-english lexicon, I, 1333—34, Gawāliki's Almu'arrab, ۸۴ (*السدير*) и BGA, IV, 259. Ср. Dozy, Supplément, I, 642 (banquette). Намъ кажется, что самое объясненіе, даваемое Джавалики этому слову, въ основѣ персидскому — *دلی سه* или *دیر سه*, можно толковать въ пользу устройства въ немъ рѣшотчатой стѣны. Этотъ архитектурный терминъ переводится на арабскій слѣдующимъ образомъ — *فيه ثلاث قباب متداخلة* — «въ немъ три свода (или купола, или башенки), входящихъ другъ въ друга». См. о персидской формѣ этого слова Словарь Vullers'a, I, 897 (*دله*), 750 (при словѣ *خورنه*), 950 (*دیر*) и II, 354 (*دیر سه*), гдѣ пехлев. *دیر* отождествляется съ новоперс. *گنبد*. Какъ бы ни понимать слово *قباب*, здѣсь разумѣется постройка, закрытая съ трехъ сторонъ, а съ четвертой—открытая; тутъ-то и могла находиться рѣшотка. О *زمام القصر* и *صاحب بیت المال*, важныхъ должностныхъ лицахъ Фатимидскаго двора, см. Калькашанди, 183. Въ виду возможности точной передачи смысла, мы и перевели эти слова на русскій языкъ. Въ текстѣ Макризи стоятъ *الدعاليذ الطوال* тогда какъ у Ибн-Тагрибирди — *عند أول الدعاليذ*. У Калькашанди тронъ опредѣленъ иначе—везиръ находилъ *hohen eisernen Thron*. Въ рук. Учебнаго Отдѣленія стоитъ вмѣсто *من كراسى البلق الجيد* Булакскаго изданія — *من كراسى البلق الحديد*.

14) Количество отпускаемыхъ везиромъ поклоновъ опредѣлено нами по Макризи, согласующемуся съ Калькашанди; у Ибн-Тагрибирди — *خمس مرات*, «пять разъ». О привѣтствіи эмировъ Ибн-Тагрибирди не говорить, но мы сочли необходимымъ сохранить стоящее у Макризи, такъ какъ и у Калькашанди, повидимому, стоитъ то же выраженіе — *يسلم الامراء*, переведенное Wüstenfeld'омъ «verabschiedeten sich die Emire», хотя нѣсколькими строками выше, онъ перевелъ тоже слово *يسلم* въ примѣненіи къ везиру — «grüßte». Слѣдующее выраженіе — «Устады опускали завѣсу», необходимо пояснить. Wüstenfeld, вѣроятно, на основаніи того, что вся церемонія носила торжественный, публичный характеръ, тотъ особый почетъ, который оказывалъ везиръ халифу, считалъ тоже публичнымъ и фразѣ *بيرضى الستر*, далъ свободный переводъ — «der Vorhang ganz entfernt wurde». Слѣдуя, однако, буквальному смыслу этихъ словъ, мы оставили буквальный переводъ — «опускали завѣсу». Туда, за завѣсу, и входилъ позже везиръ для оказанія особаго почта халифу. Онъ «цѣловалъ руки и ноги его», какъ гово-

рять Макризи и Калькашанди; мы слѣдовали ихъ единогласному свидѣтельству, хотя у Ибн-Тагрибирди стоять единственное число — *يد الخليفة ورجله*. У самого Макризи различается цѣлованье рукъ и ногъ, руки и ноги халифа—см. напр. I, ٣٨٧, ١٩—٢٠ и ٣٤. Почтение выражалось также и цѣлованіемъ земли—см. напр. I, ٤٢١, ٥; ٤٢٢, ٣, ٢٢, ٢٢. (О противорѣчіяхъ въ данномъ случаѣ съ теоріей мусульманскихъ богослововъ ср. I. Goldziher, *Le monothéisme dans la vie religieuse des musulmans*, *Revue de l'histoire des religions*, XVI, 1887, 157—165 и *Die verweigerete Kniebeugung*, *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, VII, 1897, 441—443).

Слово, переведенное нами «тропъ», *المرتبة*, имѣеть, кромѣ того, особое значеніе въ языкѣ церемоніала. *المراتب* означаетъ рядъ мѣсть въ приемной залѣ халифа. *Latáifo'l-ma'árif*, auctore at-Tha'álibí, edidit P. de Jong, *Lugduni Batavogum*, 1867, ١٤, даетъ подробности относительно введенія этихъ мѣсть. Разсказывается, что первый ввелъ это аббасидъ Мансуръ; Омейяды не знали этого обычая,—желавшіе видѣть ихъ просто ждали у дверей. Мансуръ, построивъ Багдадъ, устроилъ во дворцѣ приемныя залы. Въ томъ же мѣстѣ Са'алиби упоминается и о другомъ нововведеніи Мансура— *الحيش*, кускъ матеріи, опахалъ, натягивавшемся на потолокъ и приводимомъ въ движеніе; ср. H. Yule — A. C. Burnell, Hobson — Jobson, *A Glossary of Anglo-Indian Colloquial*, London, 1903, *Punkah*, 742 слѣд. Это слово имѣеть также, кромѣ значенія трона, еще и значеніе подушки, лежавшей на тронѣ — *Sacy*, *Chrestomathie*, I, 70 и 126, и тронной эстрады — *Quatremère*, *Mamlouks*, I, 1, 147.

О церемоніалѣ, сходномъ съ вышеупомянутымъ, имѣется также сообщеніе у Вильгельма Тирскаго (*Recueil des historiens des croisades, Historiens occidentaux*, T. I, P. 2, Paris, 1844, 911 suiv.). Иерусалимскій король Амальрихъ III (Аморя) отправилъ къ Фатымидскому халифу Адыду, сыну Фаиза (*Elhadeth, filius Elfeis*; 555—567=1160—1171), посла, рыцаря Хюга Цезарейскаго, котораго везиръ Шаверъ (*Sanar, Savar*) представилъ халифу. Послѣ того какъ везиръ (*Soldanus*) трижды поклонился въ землю, раздёрнулась златотканная и разукрашенная драгоцѣнными камнями завѣса и увидѣли халифа, сидящаго на золотомъ тронѣ. *Soldanus* почтительно приблизился и поцѣловалъ ноги халифа. Въ параллельномъ французскомъ текстѣ завѣса опредѣляется какъ златотканная и съ шелковыми разноцвѣтными узорами, изображающими звѣрей, птицъ и людей.

Какъ дополненіе къ сообщенію о смотрѣ лошадей, интересны нѣкоторыя извѣстія Макризи, со словъ того-же Ибн-ат-Тувайра, о придворныхъ конюшняхъ. Какъ увидимъ ниже и какъ указывали ранѣе, описанія имѣютъ значеніе и для пониманія нашего текста. См. Макризи, I, ٤٢٤, ٢٤ сл.;

объ организаціи службы въ конюшняхъ было кратко пересказано Ravaisse'омъ, II, 84. По разсказу Ибн-ат-Тувайра, у Фатымидскихъ халифовъ были двѣ конюшни — одна, называвшаяся «Тарима» (طارمة); у Dozy, Supplément, II, 42 — «балдахинъ или портикъ»; Ravaisse переводилъ Ecurie de la Rotonde), противъ «Каср-аш-Шаукъ» (قصر الشوك, Ravaisse, II, 77), другая — въ кварталѣ Зувайлы, называвшаяся «Джуммайза» (جميزة, «сикоморъ», Макризи, I, ٤٧٤, ١٧ сл.; о третьей изъ извѣстныхъ конюшенъ тамъ-же ٤٧١, ٢٢ сл.). Въ распоряженіи халифа было до тысячи лошадей, причеъ на каждую конюшню приходилась половина общаго числа. Среди этихъ лошадей были специально предназначенныя для халифа, были постоянно служащія различнымъ чиновникамъ, были, наконецъ, и такія, которыя попеременно несли службу при церемоніяхъ. Ибн-ат-Тувайръ указываетъ, что о распредѣленіи ихъ чиновникамъ было уже упомянуто у него; и въ нашемъ текстѣ уже говорилось объ этомъ. Въ каждой конюшнѣ, надъ каждымъ тремя лошадьми имѣлъ присмотръ постоянно находящійся при нихъ «надсмотрщикъ» (سائس), а каждая лошадь, кромѣ того, имѣла при себѣ выводившаго ее «конюха» (شرداد). Въ каждой конюшнѣ былъ колодезь, вода котораго черезъ капаль соединялась съ водоемами. Тамъ-же были магазины съ ячменемъ и сухимъ сѣномъ. Надъ каждымъ двадцатью «надсмотрщиками» былъ особый «начальникъ» (عريف), на отвѣтственности котораго было наблюдать за конюхами, такъ какъ эти начальники получали изъ сокровищницы сѣдель разукрашенные конскіе уборы и возвращали ихъ обратно туда-же; это, какъ говоритъ Ибн-ат-Тувайръ, было уже упомянуто при описаніи сокровищницъ сѣделъ. Въ нашемъ описаніи сообщеніе объ этомъ включено въ текстъ разсказа о вынесеніи принадлежностей выѣзда. Наконецъ, въ каждой конюшнѣ былъ особый «доѣзжачій» (رائض), въ родѣ старшаго конюшаго (امير آخور — Quatremègè, Mamlouks, I, 1, 19—20). Они оба получали, какъ содержаніе хозяйственными припасами, такъ и деньгами. Начальникамъ «надсмотрщиковъ» шло содержаніе хозяйственными припасами (у Ravaisse ميرة въ первомъ случаѣ переведено вѣрно — traitement en nature, во второмъ-же случаѣ почему-то l'argent). Прочимъ, низшимъ служащимъ, шли, помимо жалованья, хозяйственные припасы. За недѣлю до торжественнаго выѣзда, въ конюшню къ «доѣзжачему» являлся «устадъ» съ зонтикомъ изъ дабикійской ткани на полированномъ древкѣ. «Доѣзжачій» долженъ былъ ѣздить на тѣхъ двухъ или трехъ лошадяхъ, которыя были специально предназначены для халифа, причеъ былъ надѣтъ и тотъ разукрашенный конскій уборъ, который одѣвался для выѣзда халифа; сѣдло было, однако, въ чехлѣ. «Устадъ» съ зонтикомъ

садился на мула, назначеннаго возить этотъ зонтикъ. Они ѣздили туда и обратно по большой площадкѣ (манежу) копышши, а кругомъ нихъ играли на трубахъ и барабанахъ. Это продѣлывалось нѣсколько разъ на дню въ теченіе всей недѣли, чтобы халифская лошадь привыкла и не понесла во время выѣзда. (Ср. сходное, но краткое сообщеніе о приученіи лошадей къ шуму у Насыри-Хосроу, № 4, слѣд.; 137). И происходило это въ обѣихъ конюшняхъ. И лошадь, и мулъ были тѣ самыя, на которыхъ ѣздили во время процессіи халифъ и носившій зонтикъ надъ нимъ. Интересно также сообщеніе (№ 10, л—с), что Фатымиды никогда не ѣздили на ворошыхъ лошадяхъ, которыхъ даже не было въ ихъ конюшняхъ (ср. еще Калькашанди, 177—178, объясненіе см. Ravaisse, II, 84, note 5).

15) Упомянутыя «сокровищницы избранныхъ одеждъ», составлявшія, несомнѣнно, важную часть дворцовыхъ сокровищницъ, пуждаются въ комментаріяхъ, которыя даетъ намъ тотъ-же текстъ сочиненія Макризи (ср. краткія замѣчанія Калькашанди, 175—176). Въ обширной статьѣ, озаглавленной *خزائن الكسوات* (I, № 9—11), «сокровищницы одеждъ», онъ даетъ любопытныя сообщенія, касающіяся устройства этихъ сокровищницъ, при чемъ приводитъ рядъ другихъ, весьма интересныхъ описаній, непосредственно, впрочемъ, этихъ сокровищницъ не касающихся. Чтобы не удлинять нашихъ примѣчаній, ограничимся лишь цитатами, непосредственно относящимися къ этимъ сокровищницамъ.

Наиболѣе интересна цитата изъ того-же Ибн-ат-Тувайра, № 13, г с л. Указавъ на то, что служба въ сокровищницахъ одеждъ считалась важной должностью, онъ сообщаетъ, что таковыхъ сокровищницъ было собственно двѣ. Одна—вѣшная, которой завѣдывалъ обязательно одинъ изъ высшихъ сановниковъ, приближенныхъ халифа, — «устадъ» или кто-либо иной. Въ ней находились раздаваемые въ награду одѣянія изъ различныхъ тканей—*шарба*, лучшихъ *дабикійскихъ* разноцвѣтныхъ тканей для мужскихъ и женскихъ одѣяній, разноцвѣтнаго *дибаджа* и *сиклатуна*; туда свозили лучшія произведенія государственныхъ ткацкихъ мастерскихъ въ Типнисъ, Димьятъ (Даміеттъ) и Искендерію (Александрію). Въ ней-же находился такъ называемый *صاحب البتص* (букв. «владѣтель пошивца»), т. е. начальникъ портныхъ, подчиненнымъ котораго было отведено тамъ мѣсто для шитья. Одежды шились тамъ согласно приказаніямъ и представлявшейся необходимости, и потомъ передавались въ другую, внутреннюю сокровищницу одеждъ, назначавшуюся специально для одѣянія халифа. Ею управляла женщина, именовавшаяся «Украшеніемъ хранителей» (*زين الخزان*) и имѣвшая подъ началь-

ствомъ тридцать невольницъ; въ ея присутствіи мѣнялъ халифъ свои одежды, даже домашнее платье (الثياب الداراية), ширипа рукавовъ котораго была въ половицу уже рукавовъ паружнаго платья. Для этой сокровищницы находился на берегу Нильскаго канала принадлежавшій лично халифу садъ, въ которомъ росли шиповникъ (النسرین) и жасмины (الیاسمین); каждый день, зимой и лѣтомъ, приносили изъ этого сада цвѣты для одеждъ и сундуковъ съ ними. Когда наступало время для распредѣленія лѣтнихъ или зимнихъ одеждъ, для каждаго изъ сыновей, женъ, близкихъ къ халифу и различныхъ чиновниковъ,—составлялся опредѣленнымъ порядкомъ тюкъ различныхъ частей одѣянія, сдѣланныхъ изъ различнаго рода тканей, начиная отъ самыхъ драгоценныхъ, какъ-то цвѣтной *дибаджъ* и *сиклатунъ*, и кончая наиболѣе простыми—*суси* и *искендерани*. Такихъ тюковъ было до двухсотъ. Высшіе сановники получали дабикійскіе *арди*, ниже ихъ стоящіе—шелковые *уата*, ниже этихъ—искендерійскія *футы*. Последняя фраза нуждается, конечно, въ разъясненіи. Опредѣляемые по мѣсту производства или по матеріалу, всѣ три слова—*العراضی*, *اوطية*, *فوط* имѣютъ, какъ мы заключаемъ изъ контекста, сходное значеніе, хотя въ словаряхъ мы нашли одно и то-же значеніе лишь для двухъ словъ—*فوطة* (Dozy, Supplément, II, 289) и *عرضة* (Dozy, ib. II, 113), равное *عرض* (Kremer, Beiträge, II, 16—17); *وطاء*, множ. *اوطية* (ср. Dozy, Supplément, 819), кромѣ прочихъ значеній, имѣетъ значеніе и части костюма, именно «башмака», въ данномъ случаѣ не подходящее. И *عرضة*, и *فوطة* значатъ—«кусочекъ ткани, обертываемый въ видѣ тюрбана вокругъ головы»; они, весьма возможно, различались въ фасонѣ. Для *وطاء* мы не нашли такого значенія, хотя значеніе ткани вообще оно имѣетъ,—именно «ковра»; мы расширяемъ его значеніе, отчасти основываясь на контекстѣ, отчасти же потому, что это слово, отъ арабскаго корня *وطأ*, «попирать что-либо ногами, идти по чему-либо», сближаемъ съ близкимъ въ буквальномъ переводѣ персидскимъ словомъ *پایابی*—см. BGA, IV, 195. Что касается далѣе до значеній этихъ словъ въ разбираемомъ нами текстѣ, то мы не колеблемся опредѣлить значенія *عرض* и *وطاء* въ данномъ случаѣ. Въ предлагаемомъ нами ниже, въ приложеніи II, пересказѣ изъ *فوطة خزينة الكسوات*, имѣющее значеніе «пояса, перевязи», постоянно чередуется съ *عرض*, причѣмъ и изъ другихъ мѣстъ текста Макризи это послѣднее слово является въ значеніи «пояса, перевязи», напр. *٤٧٣,٢٠* — *باوساطهم العراض الدبقي*. Дѣло идетъ, слѣдовательно, о поясахъ, различавшихся для отдѣльныхъ чиновниковъ. Въ форменныхъ одеждахъ эти пояса служили однимъ изъ существенныхъ признаковъ отличій—см. Quatremègè, Mamlouks, II, 2, 70 suiv. Добавимъ, что женскій служащій персоналъ

имѣлся не только во внутренней сокровищницѣ одеждъ; у того-же Макризи I, ۳۷۷, ۲ сл., сохранилось упоминаніе напр. объ особыхъ женщинахъ, присматривавшихъ за дворцовыми мулами и ослицами.

Краткое сообщеніе о сокровищницѣ одеждъ даетъ у того-же Макризи и Ибн-Аби-Тай (о немъ см. Vesker, 30)—۴۰۹, ۳ сл. Онъ говоритъ, что основаніе этой сокровищницѣ положилъ еще Му'изъзъ. Въ ней хранились зимнія и лѣтнія одѣянія для различныхъ служащихъ лицъ, равно какъ и для ихъ сыновей и женъ. Одѣянія эти были въ полномъ составѣ отъ тюрбана до шальваръ, а платокъ, обвязываемый въ видѣ тюрбана — «миндилъ», принадлежалъ къ лучшимъ и драгоценнымъ частямъ одежды. Эмирамъ выдавали отсюда *дабикійскія* одежды и тюрбаны съ золотыми вышивками, и такіе тюрбаны бывали цѣной въ 500 динаровъ. Вышшіе эмиры получали кромѣ того цѣпи, запястья и разукрашенные мечи.

Мы слѣдуемъ тексту Макризи *بخزائن الكسوة*, а не Ибн-Тагрибирди—*من خزائن الكسوة*, во первыхъ потому, что это могло происходить во внутренней сокровищницѣ, гдѣ халифъ могъ бывать ежедневно для перемѣны одежды; во вторыхъ изъ согласія съ текстомъ Калькашанди, гдѣ «*begaber sich in das Garderobe-Magazin*»; въ третьихъ-же потому, что въ сообщеніи Ибн-ал-Мамуна у Макризи, I, ۴۴۹, ۱۳—۱۴, прямо говорится, что по окончаніи церемоніала выхода, халифъ проходилъ въ сокровищницу избранныхъ одеждъ и тамъ мѣнялъ церемоніальныя одежды на шныя. Если халифъ снималъ торжественное одѣяніе въ сокровищницѣ, то вѣроятно тамъ-же и одѣвалъ его.

Отмѣчаемъ, что вмѣсто *بالغد* «на слѣдующій день», у Макризи стоятъ *في عيد تلك الليلة وهو يوم افتتاح العام* («въ праздникъ этой ночи (т. е. этихъ сутокъ), а онъ—день открытія года»). Зу-л-Хиджжа, какъ извѣстно, мѣсяць перемѣнный: онъ состоитъ изъ двадцати девяти дней въ простомъ году и изъ тридцати въ високосномъ. Выше, въ прим. 12, мы отмѣтили уже фразу Макризи, по которой 29-е число считалось фактическимъ концомъ мѣсяца. Наше описаніе все расположено въ подобномъ этому порядкѣ—29-е есть канунъ праздника; очевидно, описывается обычный порядокъ, т. е. простого года. Въ високосномъ, тридцатый день весьма вѣроятно оставался незаятымъ; впрочемъ, нашъ текстъ въ этомъ отношеніи ясныхъ указаній не даетъ.

Объ одеждахъ бѣлаго цвѣта, являвагося отличительнымъ знакомъ Фатымидовъ, см. M. J. de Goeje, *Mémoire sur les Carmathes du Bahraïn et les Fatimides*, Leide, 1886 (*Mémoires d'histoire et de géographie orientales*, № 1), 179—180. Объ отличительныхъ цвѣтахъ Омейядовъ, Аббасидовъ и Фатымидовъ см. M. Hamaker, *Réflexions critiques sur quelques*

points contestés de l'histoire orientale, Leide, 1829, 8—10. О должности *شَدّ التاج الشريف* см. краткія замѣчанія Калькашанди, 182—183. О самомъ головномъ уборѣ также краткое замѣчаніе у него-же, 172. Wüstenfeld, повидимому, полагалъ, что халифъ дѣйствительно одѣвалъ корону. Слово *مندیل* указываетъ на то, что подъ *تاج* 'емъ, перешедшимъ изъ до-мусульманскихъ, сасанидскихъ традицій, разумѣлся головной уборъ халифа, одѣвавшійся въ торжественныхъ случаяхъ. Это примѣръ заимствованія старыхъ понятій въ мусульманскую государственную терминологию. Приводимое далѣе слово «вѣнецъ» есть буквальный переводъ слова *تاج*, но означаетъ собственно *مندیل*, «тюбанъ». Самый фасонъ свертыванья характеризуется у Макризи слѣдующимъ образомъ (I, ۴۷۳, ۱۳—۱۴)— тюбанъ, арабскаго фасона (букв. свертыванья), исключительная принадлежность халифскаго одѣванія при праздникахъ и церемоніяхъ, усыпанный отборными яхонтами, изумрудами и прочими драгоценными камнями. Какъ противоположность такому тюбану, у того-же Макризи (I, ۴۷۰, ۲) говорится о тюбанѣ «близкаго свертыванья», *بالشدة الرانية*, т. е., въ противоположность пышному и широкому тюбану арабскаго фасона, о тюбанѣ, обязанномъ вплотную. Слово «касаться того, что было на халифскомъ вѣнцѣ» нѣтъ у Ибн-Тагрибирди. Названія *شادّ* и *مشدّ* имѣютъ также специальное значеніе въ примѣненіи къ должностному лицу — «смотритель, инспекторъ» — см. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 110 suiv. и Dozy, Supplément, I, 736. *شَدّ*, кромѣ того, имѣетъ также значеніе головного убора — см. Dozy, Vêtements, 213 suiv. и Supplément, I, 736.

16) Въ дальнѣйшемъ описаніи головного убора халифа, у Макризи и Ибн-Тагрибирди нѣтъ большого различія. Отмѣтимъ, что Ибн-Тагрибирди даетъ вѣсъ лишь *الحافра* 'а, о вѣсѣ же *یتیمه* не сообщаетъ. Драгоценный камень «*Ятима*» и полумѣсяцъ изъ яхонтовъ «*Хафиръ*» заслуживаютъ особаго упоминанія.

Обыкновенно, словомъ *یتیمه* обозначали чистѣйшей воды жемчужину — славилась жемчужина *یتیمه*, поступившая въ сокровищницу Харуна-ар-Рашида — BGA, IV, 380 (преданіе изъ Аджалб-ал-Хиндъ см. теперь въ изданномъ текстѣ P. A. van der Lith, Livre des merveilles de l'Inde, Leide, 1883—1886, 134—137 и Arif, Tabari continuatus, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1897, глоссарій, XXVII). Не сближая упоминаемую въ нашемъ текстѣ *Ятиму* съ этимъ драгоценнымъ камнемъ въ сокровищницѣ раннихъ Аббасидскихъ халифовъ, мы, въ видѣ вопроса, сопоставляемъ ее со знаменитой жемчужиной въ сокровищницѣ Кабы, кото-

рая, по словамъ Ариба (de Goeje, Mémoire sur les Carmathes, 107; см. также Arîb, 134), вѣсила четырнадцать мискалей и была похищена Карматами, вмѣстѣ съ чернымъ камнемъ, при грабежѣ Мекки въ 317 г. Х. (930 по Р. Х.), вдохновеннымъ основателемъ Фатимидской династiи Убейдуллою (de Goeje, о. с. 100). Отмѣчаемъ, однако, различiе въ вѣсѣ — четырнадцать мискалей и семь дирхемовъ (о вѣсѣ драгоцѣнныхъ камней см. Clément Mullet, Essai sur la minéralogie arabe, Journal Asiatique, VI série, XI, 1868, 502 suiv.). О *يَتِيمة*, вѣсомъ въ семь дирхемовъ, см. еще краткiя замѣчанiя Калькашанди, 172.

Описанiе яхонтоваго полумѣсяца *الحافز*, данное у Макризи и Ибн-Тагри-бирди, достаточно ясно, думаемъ, опредѣляетъ его мѣсто въ церемонiальномъ уборѣ, именно — накладыванье его на халифскiй тюрбанъ. У Калькашанди, 173, однако, говорится, что этотъ полумѣсяцъ клался на лобъ лошади султана (?) во время выѣзда; это сообщенiе мы объясняемъ либо тѣмъ, что во время Калькашанди назначенiе *Хафиза* было уже забыто, либо (что допускаемъ скорѣе) неправильнымъ пониманiемъ текста Wüstenfeld'омъ. У того-же Калькашанди, 177, имѣется весьма интересное сообщенiе о томъ, что когда Салах-ад-динъ занялъ халифскiй дворецъ (въ 567 г. Х.; 1171—1172 по Р. Х.) (последнiй халифъ *العاصم*, Адидъ, почему-то названъ Фадилемъ), онъ нашелъ тамъ и вышеупомянутый *الحافز*. Послѣ паденiя Фатимидовъ эта драгоцѣнность, повидимому, не долго продержалась въ Египтѣ; мы имѣемъ извѣстiе отъ 575 г. Х. (1179—1180 по Р. Х.), что король Сицилiи Вильгельмъ II, при заключенiи мира съ Альмохадомъ Абу-Якубомъ, послалъ ему, среди прочиихъ подарковъ, рубинъ *Хафизъ*, вложенный Альмохадами въ переплетъ драгоцѣннаго экземпляра Корана, перешедшаго къ нему изъ сокровищницъ Омейядовъ (R. Dozy, The history of the Almohades by Abdo-'l-Wâhid al-Marrékoshi, ed. by—, 2 ed., Leyden, Brill, 1881, 182 и E. Fagnan, Histoire des Almohades d'Abd el-Wâhid Merâkeshi, tr. et ann., Alger, 1893, 218—219). Итакъ, за восемь лѣтъ эта драгоцѣнность изъ сокровищницъ Фатимидскаго дворца въ Каирѣ перешла къ норманскимъ королямъ Сицилiи, а оттуда къ Альмохадамъ. Салах-ад-динъ относился вполнѣ равнодушно къ диковинкамъ, собраннымъ его предшественниками въ сокровищницы, и даже отдалъ Большой Дворецъ для жительства своимъ эмирамъ — Stanley Lane Poole, *Saladin and the fall of the kingdom of Jerusalem*, New-York — London, 1898, 115. При такомъ условiи, *الحافز* легко могъ быть проданнымъ сицилійскимъ королямъ, тѣмъ болѣе, что на пространствѣ этихъ четырехъ лѣтъ произошли въ сицилійскомъ королевствѣ важныя событiя, для празднованья которыхъ могли произвестись и особыя покупки драгоцѣнныхъ предметовъ. Въ 1172 г.

исполнилось совершеннолѣтіе короля Вильгельма II, въ 1177 — свадьба его-же съ Иоанной, дочерью Генриха II англійскаго, см. Graf A. F. v. Schack, Geschichte der Normannen in Sicilien, II, 1889, Stuttgart-Leipzig-Berlin-Wien, 186 и 213.

Въ дальнѣйшемъ описаніи отмѣчаемъ, что весь уборъ изъ драгоценныхъ камней въ видѣ полумѣсяца, на кускѣ шелковой матеріи, прикрѣплялся на переднюю сторону тюрбана, кругомъ же него прикрѣплялись еще въ большомъ количествѣ «мушинные изумруды», الزمرد الزبابی — ср. Калькашанди, 173. «Мушинными» изумруды назывались по сходству въ цвѣтѣ съ металлической окраской большихъ жуковъ — Clément-Mullet, 66, а не по величинѣ, какъ у Juynboll'a. Объ изумрудныхъ копяхъ въ Египтѣ собранъ матеріалъ у Quatremère, Mémoires, II, 173—181.

17) Фраза «и бывший у нихъ въ почетѣ» и т. д. — имѣется лишь у Макризи. Вмѣсто شوركا мы принимаемъ чтеніе Juynboll'a — شوركا, равно какъ чтеніе у Макризи عودها считаемъ опечаткой или опиской вмѣсто عودها. قنطارية означаетъ въ данномъ случаѣ древко зонтика, а матеріалъ, изъ котораго оно было сдѣлано, определяется словомъ الزان, о которомъ мы говорили уже выше, въ прим. 9. Мѣра ابهام, «убхамъ», равняется большому пальцу, тогда какъ слѣдующая нѣсколько ниже اصبع, «исба» — простому пальцу. О деревѣ халанджъ см. выше прим. 9. Упоминаемое далѣе مكسوة بالذهب, у Макризи въ Булакскомъ изд. дополнено словомъ الزهب, въ рук. Учебнаго Отдѣленія — بورك الذهب; второе чтеніе, «листами золота», лучше. Крючки, устройство которыхъ описывается далѣе, мы отнесли къ ребрамъ зонтика (اضلاع), такъ какъ они скорѣе всего могли быть тамъ. Послѣ словъ تنفتح وتنضم, у Макризи стоитъ еще طريقة الكيزان, а послѣ دائر еще نفتحها من نسبتها. Обѣ эти фразы, пониманіе которыхъ затрудняетъ насъ, не имѣются въ текстѣ Ибн-Тагрибирди. Далѣе, у него-же, вмѣсто слова عنق — см. Ибн-Тагрибирди, II, 2, 138, — поставлено فاصل (букв. «отдѣляющій»), имѣющее въ данномъ случаѣ, повидимому, то-же значеніе, что стоящее у Ибн-Тагрибирди عنق. Числительное, определяющее длину шейки, различно; у Макризи — три, у Ибн-Тагрибирди — шесть. Мы слѣдовали послѣднему, такъ какъ его текстъ мы приняли въ данномъ мѣстѣ. «Фестонъ», رفرف, стоящій въ текстахъ Ибн-Тагрибирди и Булакскаго изданія Макризи, выраженъ въ рук. Учебнаго Отдѣленія словомъ رفوف (значеніе котораго тожественно رفرف). Переводъ Quatremère, Mémoires, II, 381, слова رفرف черезъ рагоі — вредъ ли правленъ (соответственный текстъ Макризи, I, 19, 13). Наконецъ, вмѣсто عرضي текста Ибн-Тагрибирди (см. II, 2, 138), у Макризи стоитъ слово عرض. Объ этомъ зонтикѣ разска-

зывается и у Насыри-Хосроу, *№* 1, v; 141, у котораго также упоминается чрезвычайная роскошь этого предмета.

Описание церемониальнаго зонтика, несомнаго надъ головою халифа, заставляетъ насъ остановиться нѣсколько дольше на этомъ любопытномъ признакѣ халифскаго достоинства, относимомъ къ разряду инсигній халифата. Число этихъ зонтиковъ было велико, всѣ они хранились въ дворцовыхъ сокровищницахъ, были снабжены золотыми или серебряными рукоятками, цвѣта-же ихъ были различны, такъ какъ цвѣтъ зонтика обязательно долженъ былъ соответствовать цвѣту халифскаго платья, такъ что въ нашемъ напр. случаѣ цвѣтъ зонтика долженъ былъ быть бѣлымъ — см. напр. Макризи I, *№* 10, r и Калькашанди, 173.

Зонтикъ, какъ знакъ верховной власти, служилъ уже предметомъ подробныхъ разысканій. R. Andree, *Ethnographische Parallelen und Vergleiche*, Stuttgart, 1878, 250—258, *Der Schirm als Würdezeichen*, относилъ, хотя и съ оговоркой, изобрѣтеніе зонтика, какъ знака верховной власти, къ Востоку. Западная и южная Азія и Африка исключительно отмѣчаются имъ при установленіи области распространенія этого обычая. Позже, къ этому-же вопросу вернулся E. Hahn, *Der Sonnenschirm als Königssymbol und die Einführung des Rosenkranzes in Westeuropa*, *Internationales Archiv für Ethnographie*, V. XVI, 1903, 30—42. Дополняя указанія, собранныя въ статьѣ Andree, этотъ ученый еще опредѣленнѣе высказывается за восточное изобрѣтеніе этого знака верховной власти (ср. напр. 36). Мы думаемъ, что къ ряду приведенныхъ обоими учеными примѣровъ можно прибавить еще значительное количество; укажемъ хотя бы на весьма тщательно собранныя библиографическія указанія и цитаты у H. Yule — A. C. Burnell, Hobson — Jobson, 185, 951 и H. Yule, *Travels of Marco Polo*, London, 1904 (new edition), 354—5. О зонтикѣ, какъ инсигніи у мусульманскихъ государей, даль (что не указано въ выше названныхъ работахъ) въ изобиліи цитаты E. Quatremère, *Mongols*, 208, note (جنتر) и *Mamlouks*, II, 1, 280 (شمسية). Однако, приводимыя до сихъ поръ извѣстія не давали возможности, хотя-бы приблизительно, опредѣлять — когда и откуда этотъ знакъ высшей власти перешелъ въ Европу. Hahn, 34, основываясь на показаніи A. Kremer, *Culturgeschichte*, II, 218, считаетъ несомнѣннымъ, что этотъ знакъ есть заимствованіе отъ Сасанидовъ, хотя самъ Kremer весьма осторожно указывалъ, что приводимое имъ извѣстіе относится къ поздней эпохѣ, правленію Мустаршида (512—529 = 1118—1135).

Мы имѣемъ, однако, арабскія извѣстія о зонтикѣ, какъ инсигніи, у Аббасидовъ, изъ болѣе древней эпохи. Въ BGA, V, XXXIII и Tabari, An-

nales, Glossarium, 1901, CCCXVI, былъ данъ при словѣ شمسہ рядъ указаний цитатъ, относимый составителемъ глоссарія къ значенію этого слова въ смыслѣ зонтика. Однако, не во всѣхъ указанныхъ здѣсь цитатахъ это слово имѣло, по нашему мнѣнію, этотъ смыслъ. Сообщение о присылкѣ въ Кабу двухъ شمسہ Омейядомъ Абд-ал-Меликомъ (Ибн-ал-Факихъ, BGA, V, ۲۰, ۲۲; тутъ-же о присылкѣ туда-же Омаромъ двухъ большихъ полумѣсяцевъ: ۲۰—۲۱) и таковой-же присылки Аббасидомъ Мутеваккилемъ (Азраки, указанъ BGA, V, XXXIII), относится не къ значенію этого слова въ смыслѣ зонтика, а къ иному. Мы думаемъ, что شمسہ тутъ означаетъ покровъ Кабы, такъ называемую «кисву», كسوة—см. ниже наше прим. 20, съ важнымъ для нашего утвержденія текстомъ Макризи. Обращаясь къ эпохѣ Аббасидовъ, мы оставляемъ указанные у Табарі (III, ۱۱۸۳, ۱۸; ۱۰۰۳, ۱۴; ۲۲۷۴, ۲) и у Ариба (۱۷, ۷) сообщенія, относящіяся къ 220, 251 и 294 гг. X. (835; 865; 906 — 907 по Р. X.), такъ какъ здѣсь трудно сказать съ точностью какое значеніе имѣетъ слово شمسہ. Въ описаніи Ариба, (119, ۷—11 и de Goeje, Mémoire sur les Carmathes, 85), относящемся къ 312 г. X. (924 — 925 по Р. X.), рассказывается о грабѣжѣ Карматами каравана Меккскихъ богомольцевъ, причемъ среди добычи находилась и شمسہ; по мы и въ этомъ случаѣ переводимъ это слово «покровъ для Кабы». Вообще, когда говорится о посылкѣ подобнаго рода вещи въ Кабу, это значеніе, думаемъ, наиболѣе подходящее, такъ какъ зонтикъ для Меккскаго святилища совершенно не нуженъ. За то прямое уже указаніе на значеніе этого слова въ смыслѣ «зонтикъ», мы имѣемъ въ цитатѣ изъ Ариба (1۷۷, ۲) подъ 320 г. X. (932 г. по Р. X.), когда, при описаніи выѣзда халифа Муктадира, рассказывается, что надъ головой его несли شمسہ, дававшій ему тѣнь. Въ этомъ случаѣ, значеніе «зонтикъ» несомнѣнно, а самый фактъ — древнѣе расцвѣта Фатымидской власти. Отмѣтимъ еще, что по сообщенію Ибн-Изари, сынъ Махди Убейдуллы, второй Фатымидъ, Каимъ, выѣзжая, не сопровождался зонтикомъ (E. Fagnan, Histoire de l'Afrique et de l'Espagne intitulée Al-Bayano'l-Mogrib, trad. et annotée, t. I, Alger, 1901, pp. 300—301). (Описание какого-то психиіа, въ родѣ зонтика, въ Хазаріи см. у Ибн-Русте, BGA, VII, ۱۴, ۱; русскій переводъ у Д. А. Хвольсона, Извѣстія о Хозарахъ и т. д. Ибнъ-Даста, СПБ. 1869, 19).

Такъ какъ Византія не знала среди императорскихъ психиіи зонтика (объ извѣстіи Кодина см. у Hahn, 35; не отмѣченныя пока изслѣдователями слова C. Ritter, Erdkunde, VII Theil, Drittes Buch, Berlin, 1837, 303, ссылавшагося на Иоанна Каптакузена, нуждаются въ провѣркѣ—оба сообщенія во всякомъ случаѣ позднія), то и предполагалось введеніе его инымъ путемъ, напр. черезъ Венецію—Hahn, 36. Имѣется, однако, чрезвычайно

интересное для данного вопроса сообщение у арабскаго-же писателя Ибн-Хаммада (ابن حماد), приведенное въ сочиненіи M. Amari, *Biblioteca arabosicula*, Lipsia, 1857, ۳۱۷; *Versione italiana*, volume prima, Torino e Roma, 1880, 508—509 (повидимому, этотъ-же отрывокъ былъ приведенъ и у Cherbonneau, *Documents inédits sur Obéid-Allah, fondateur de la dynastie fatimite, extraits de la Chronique d'Ibn H'ammad*, *Revue Africaine*, XII, 1868, 471—472). Ибн-Хаммадъ рассказываетъ, что отличительная особенность Фатымидовъ, зонтикъ, походилъ на щитъ наверху копыя, имѣлъ красивую форму и былъ усыпанъ драгоценными камнями. При немъ находился особый всадникъ, называемый «носителемъ зонтика» (صاحب المظلة). Назначеніе этого зонтика состояло въ томъ, чтобы защищать царя отъ солнечной жары. Этотъ зонтикъ, прибавляетъ онъ далѣе, былъ исключительной принадлежностью Фатымидовъ. Послѣ нихъ принялъ его король Сициліи (ملك الروم باصقيلية); но и къ нему этотъ обычай проникъ лишь потому, что Фатымиды подарили ему, среди прочихъ подарковъ, зонтикъ. Позднѣйшіе мусульманскіе писатели подтверждаютъ первенство Фатымидовъ въ примѣненіи зонтика, какъ знака высшей власти, см. напр. O. Houdas, *Nozhet-el-Hâdi, histoire de la dynastie saadienne au Maroc (1511—1670)*, Paris, 1888—1889, I, 114 и 114 и II, 198 и 199—200. Сообщение Ибн-Хаммада даетъ отвѣтъ на поставленные выше два вопроса. Фатымиды первые, среди крупныхъ правителей, извѣстныхъ въ западномъ Исламѣ, приняли зонтикъ въ разрядъ своихъ инсигній. Возможно, что они заимствовали его отъ своихъ враговъ, которымъ, однако, были принуждены невольнo подражать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, — именно отъ Аббасидскихъ халифовъ. Изъ средневѣковаго Египта зонтикъ перешелъ въ Европу, но не черезъ Венецію, а черезъ норманскихъ королей Сициліи. Сообщение Ибн-Хаммада относительно назначенія зонтика, указываетъ на практическій характеръ подобнаго рода инсигній (ср. Hahn, 31).

Въ заключеніе этого примѣчанія и какъ примѣръ возможнаго смѣшенія внѣшне-бытовыхъ терминовъ, укажемъ на слѣдующее обстоятельство. Проф. С. Brockelmann, въ рецензіи на неоднократно цитованную нами работу С. Becker'a, предложилъ рядъ поправокъ къ изданной части текста Мусабихи (*Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1902, 975). Между прочимъ, онъ предлагалъ исправить чтеніе Мусабихи въ самомъ началѣ цитаты, въ титулѣ *صاحب الستر*, читая второе слово *الستر*, какъ арабизацію перс. *چتر*, имѣющаго значеніе *المظلة*, «зонтикъ». Этому, казалось-бы, соответствовало и то обстоятельство, что упоминаемое лицо сопровождается славянами, на обязанности которыхъ лежалъ надсмотръ за халифскимъ зонтикомъ. Въ указан-

ныхъ выше цитатахъ Quatremère'a приведены многіе случаи арабизаціи перс. *جتر*, при чемъ подавляющее большинство этихъ цитатъ даетъ форму *جتر*, и всего лишь нѣсколько примѣровъ изъ позднихъ писателей — *شتر*. Кромѣ того, самое конъектуру мы считаемъ излишней, такъ какъ и чтеніе *ستر* даетъ ясный смыслъ — «завѣса». *صاحب الستر*, такимъ образомъ, будетъ должностное лицо, смотрѣвшее буквально за завѣсой (въ *шуббакъ*; о немъ и о завѣсѣ его говорилось раньше при описаніи смотря лошадей и будетъ еще говорить далѣе), т. е. за приемной залой халифа, и отождествляемое нами съ *صاحب المجلس*. По рангу это лицо стояло ниже несшаго зонтикъ, хотя и входило въ разрядъ *الاستاذون المحتكون*, см. Калькашанди, 181 и 183. Ср. слова Макризи, дающаго тоже форму *الستر* (I, ۴۱۱, ۱۷ и ۲۴, а также наше прил. II), и интересный пропускъ въ текстѣ Ибн-Тагрибирди, ۴۷۴, ۸, *فيرفع صاحب* *الستر*, тогда какъ у Макризи, ۴۴۹, ۱۷, *فيرفع صاحب المجلس الستر*. См. еще ниже наше прим. 20.

18) Перевода *لواء* — *небольшое* знамя, мы слѣдуемъ ранѣе насъ высказаннымъ доводамъ. По Джаухари это даже знамя самыхъ малыхъ размѣровъ — см. Freytag, 262—263 (тутъ же о *لواء*, какъ о знакѣ личной власти), Rehatsek, 248—249. У А. Djevad-bey, *Etat militaire ottoman*, I, *Janissaires*, 180, *liwa* объяснено черезъ *baïrak* (بیراق), а *gaïet* черезъ *sandjak* (سنجق), т. е. *لواء* было знамя меньшихъ размѣровъ, а *رأية* — большихъ. О томъ, что «санджакомъ» называлось большое знамя см. Djevad-bey, 181; различныя же описанія «байрака» и «санджака» имѣются въ *Katalog der historischen Ausstellung der Stadt Wien*, напр. 109, 112, 115 сл.; о «санджакѣ» напр. 129. Въ переводѣ *Wüstenfeld'a*, 173, слово *اناييب* почему то выражено «Knoten wie bei dem Rohr». *الى حدّ نصفها* не имѣется у Ибн-Тагрибирди, по Калькашанди-же все копье было до острія (*bis in die äusserste Spitze*) выложено золотомъ (стоящее въ рук. Учебнаго Отдѣленія *الى حدّ نصفها* замѣняетъ вѣроятно *الى حدّ نصفها*, какъ въ Булакскомъ изданіи).

19) О *رأية*, какъ о большомъ знамени, см. вышеприведенное примѣчаніе. Вышивка на знаменахъ составляла извѣстное изреченіе изъ Корана, суры 61, стиха 13. Стихъ этотъ заканчивается еще *وبشّر المؤمنین* — «и обрадуй вѣрующихъ этой вѣстью». Этому соответствуетъ заключительная фраза этого отрывка, имѣющаяся лишь у одного Макризи о вознагражденіи за радостную вѣсть (بشارة) о благополучномъ возвращеніи халифа. Сообщение о древкахъ имѣется также лишь у одного Макризи. Размѣры длины и ширины мы относимъ къ полотнищамъ знаменъ; ср. также описанія выше,

напр. *قصب النضة*, серебряныхъ копій. О трехъ вышивкахъ на каждомъ изъ знаменъ говоритъ и Калькашанди (174); Ибн-Тагрибирди умалчиваетъ объ этомъ. Подъ этими вышивками нужно разумѣть собственно вышитые борты (о *طراز* см. вообще Кагабасек, Susandschird, указанные на стр. 207 мѣста), — въ данномъ случаѣ ихъ было три; коравическая надпись на самомъ знамени въ данномъ случаѣ въ понятіе *طراز* не входитъ. «Юноши свиты», *صبيان الخاص*, входили въ составъ самыхъ близкихъ приближенныхъ халифа (*الخوَصّ*), вмѣстѣ съ *الاستاذون* и *صبيان البحر*, см. Калькашанди, 180 или наше прим. 3.

20) Сообщение объ изображеніи въ каждомъ полумѣсяцѣ льва изъ краснаго и желтаго *дибаджа* нуждается въ поясненіяхъ. Прежде всего, отмѣчаемъ, что это мѣсто, можетъ быть, одно изъ наиболее трудныхъ въ нашемъ текстѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее интересныхъ, такъ какъ даетъ описаніе совершенно особеннаго халифскаго инсигнія, — возбуждаетъ значительныя сомнѣнія при переводѣ и потому особенно нуждается въ комментаріи. О полумѣсяцахъ имѣются сообщенія въ нашемъ текстѣ раньше. При описаніи *قصب النضة*, серебряныхъ копій, бывшихъ инсигніями эмировъ, говорилось о томъ, что на верху ихъ были пустые полумѣсяцы съ колокольчиками внутри. Въ инсигніи халифа, вмѣсто колокольчиковъ, все пустое пространство между двумя изогнутыми пластинками, образующими полумѣсяцъ (такъ мы представляемъ себѣ его), заполнялось драгоценной тканью съ рисункомъ льва. Возможно, что полумѣсяцы были сплошные (ср. стоящее только въ текстѣ Макризи *صامتة*), на нихъ-же были какъ-нибудь прикрѣплены атласныя изображенія львовъ, — въ одномъ случаѣ красное, въ другомъ — желтое. Во рту полумѣсяца, т. е. внутри его (въ повиманіи этого мѣста фразы намъ оказалъ содѣйствіе Я. И. Смирновъ), находился, по описанію, круглый обручъ; въ текстѣ Ибн-Тагрибирди вмѣсто *طارة* стоитъ *طائرة*, «птица», что въ прим. II, 2, 138 было исправлено Fleischer'омъ, по тексту Макризи, *طارة*, а эта замѣна произошла, вѣроятно, отъ отнесенія мѣстоименнаго суффикса въ словѣ *فيه* не къ *هلال*, а къ *سبع*. Далѣе мы переводимъ — «черезъ который проходило копье», хотя и у Макризи, и у Ибн-Тагрибирди стоитъ *الريح* т. е. «вѣтеръ», такъ что переводъ былъ бы — «въ который (т. е. обручъ) входилъ вѣтеръ, вслѣдствіе чего оба копыя раскрывались». На сколько можно, однако, видѣть изъ описанія, это были не знамена, которыя развѣвались бы по вѣтру, а прямыя копыя, единственная матерчатая часть которыхъ была заключена въ золотой полумѣсяцъ (у Калькашанди, 173, полумѣсяцы золотые и серебряные). Кромѣ того, если-бы это изображеніе было на развѣвающимся кускѣ матеріи, то нашъ текстъ,

отличающій въ теченіе всего описанія «знамя» отъ «копья» болѣе, чѣмъ какіе-либо другіе внѣшне-бытовые предметы, не имѣлъ бы *ريحان*. Мы поэтому склонны видѣть въ *الريح* описку вмѣсто *الرمح* и считать эту фразу объясненіемъ того, какъ держался въ полумѣсяцѣ обручъ. Прибавимъ, что и у *Wüstenfeld'a*, который, видимо, не понималъ этого мѣста текста (напр. *طارة مستديرة في فمه* перевелъ *von mit einer runden Oeffnung?*), стоятъ *durch welche die Lanze* (курсивъ нашъ) *gesteckt wird*, изъ чего заключаемъ, что у *Калькашанди* стоятъ *الرمح*. Слова «и держали ихъ» также заслуживаютъ поясненія. Въ Булакскомъ текстѣ *Макризи* и у *Ибн-Тагри-бирди* стоитъ *فينتخان*, т. е. «раскрывались, раскрывали ихъ», т. е. значеніе весьма неопредѣленное, но казалось-бы болѣе соответствующее предшествующему *الريح*, чѣмъ *الرمح*. Опредѣленіе стоящее въ рукописи (весьма впрочемъ молодой) Библиотеки С.-Петербургскаго университета (см. ЗВО, III, 215)—*فينخان*, «развѣвались», поднимается предшествующему *الريح*. Въ рукописи Учебнаго Отдѣленія стоитъ *فينتخان*, которое не только имѣетъ значеніе «развѣвались», но и «поднимались, были подняты», т. е. «держали ихъ» нашего перевода. Во всякомъ случаѣ необходимо указать, что это описаніе является либо съ испорченнымъ текстомъ, либо неумѣло выраженнымъ. Опредѣленнаго вида предметъ получили мы лишь при принятомъ нами переводѣ.

Въ поясненіе этого мѣста и нашего къ нему комментарія, мы приводимъ переводъ еще одного, аналогичнаго по содержанію отрывка, дошедшаго до насъ у того-же *Макризи*, I, 310, 70 сл., въ цитатѣ изъ *Ибн-Зулака* (о немъ см. *Becker*, 13 ff.). Въ этой цитатѣ разсказывается слѣдующее. Въ день *Арафы* (9-го *Зу-л-Хиджжы*; года не указано; возможно, что подразумѣвается годъ предшествующей цитаты—362 = 973), халифъ *Му'изъ* приказалъ повѣсить въ порткѣ замка покровъ, сдѣланный для *Ка'бы*. (Т. е. *кисву*, *كسوة*, см. *T. P. Hughes, Dictionary of Islam, London, 1895, 279—280*; въ текстѣ стоитъ *الشمسية*, о значеніи котораго см. *Quatremère, Mamlouks, II, 1, 281*, гдѣ указано, что въ одной изъ рукописей стоитъ вмѣсто *شمسية* — *كسوة*. Именно это мѣсто текста *Макризи* и упоминаніе этого же слова въ ближайшей цитатѣ, о которой см. далѣе, дало поводъ *Quatremère'у* указать для *شمسية* значеніе «un rideau; attendu qu'il sert à garantir du soleil». О другихъ примѣрахъ, отмѣченныхъ нами у *Табари*, см. наше прим. 17. Оба извѣстія *Quatremère* отмѣтилъ какъ заимствованные у *Mohammed-ben-Moïassar*, т. е. *Ибн-Мисара*, о которомъ см. *Becker*, 18; въ Булакскомъ изданіи, первое извѣстіе основано на *Ибн-Зулакѣ*, второе—на *Китаб-аз-захаирѣ*. Мы думаемъ, что замѣчаніе *Quatremère'a* есть личный его домыселъ, а не различенія *парижскихъ* руко-

писей). Форма его была квадратная, двѣнадцать пяденей въ длину и въ ширину. Сдѣланъ онъ былъ изъ краснаго атласа (ديباغ احمر), а вокругъ, по борту, было прикрѣплено двѣнадцать золотыхъ полумѣсяцевъ. (دورها) стоитъ въ текстѣ, т. е. просто «кругомъ него»; мы полагаемъ, что эти полумѣсяцы скорѣе были прикрѣплены къ покрову, чѣмъ висѣли кругомъ него).

Внутри каждаго полумѣсяца было изображеніе, въ видѣ цедрата (اترجة), изъ золотой филиграни (въ текстѣ مسبك, который мы исправляемъ въ مشبك, «филигранный», слово, которое часто сопровождаетъ ذهب); внутри каждаго цедрата было пятьдесятъ большихъ, величиной въ голубиное яйцо, жемчужинъ. На немъ (т. е. покровѣ) были красные, желтые и голубые яхонты, а кругомъ (опять таки دورها), шла надпись стихами Корана, относящимися къ паломничеству (см. Hughes, 155), изъ зеленыхъ изумрудовъ на фонѣ крупныхъ жемчужинъ. Въ подкладкѣ покрыва находился растолченный мускусъ. Повѣсили его такъ высоко, что его можно было видѣть не только въ замкѣ, но и внѣ замка; переносить-же его, вслѣдствіе тяжести, могло лишь большое количество слугъ.—Намъ кажется, что въ этомъ описаніи— въ полумѣсяцѣ и цедратѣ, можно видѣть сходство съ изображеніями, даваемыми нашимъ текстомъ. Въ текстѣ мы различали описанія — «въ немъ» и «во рту его»; у Ибн-Зулака никакихъ различій нѣтъ, такъ что вѣроятно, اترجة, «цедратъ», находился внутри полумѣсяца и тогда въ немъ мы увидимъ изображеніе, сходное съ обручемъ, طارة, въ текстѣ описанія выѣзда. Описаніе этого покрыва было въ свое время приведено Quatremère'омъ, Vie du khalife fatimite Moëzz-Lidin-Allah, Journal Asiatique, 3-me série, t. III, 1837, pp. 172—173, причемъ, однако, нашъ переводъ нѣсколько отличается отъ его. Слово, соответствующее нашему مشبك, «филигранный», переведено у Quatremère'a «ажурный», слѣдовательно наша конъектура подтверждается. Что касается до красныхъ, желтыхъ и голубыхъ яхонтовъ, то Clément-Mullet далъ имъ въ свое время такое объясненіе: p. 32, красный яхонтъ—saphir rouge; p. 35, желтый яхонтъ—topaze oriental; p. 37, голубой яхонтъ—bleu rouge.

Въ цѣляхъ поясненія приводимыхъ здѣсь словъ شبيسة و مشبك, мы укажемъ еще двѣ цитаты, приводимыя Макризи на этой-же страницѣ (сло, 18 и 19). Первая сообщается изъ Ибн-Зулака (كتاب سيرة المعز), вторая—изъ Китаб-аз-захиръ. Ибн-Зулакъ рассказываетъ о первомъ вѣздѣ халифа Му'изза въ замокъ (ср. Wüstenfeld, Fatimiden-Chalifen, 119—120 и Stanley Lane Poole, History, 108—109), и о томъ, какъ онъ совершилъ земной поклонъ и молитву, вмѣстѣ со всѣми сопровождавшими его. Въ замокъ тогда уже были перевезены всѣ сокровища и казна. Въ серединѣ Рамадана,

Му'изъ съѣлъ на золотой тронъ, сдѣланный для него Джаухаромъ, въ новомъ портикѣ и призвалъ «шарифовъ» (т. е. потомковъ Али), а затѣмъ прочихъ знатныхъ людей; представляя ихъ ему поочередно Джаухаръ. Затѣмъ тотъ же Джаухаръ представлялъ ему подарки, которые всѣ видѣли. Среди этихъ подарковъ были: сто пятьдесятъ лошадей, осѣдланныхъ и взнузданныхъ, при чемъ нѣкоторые уборы были разукрашены золотомъ, драгоценными камнями, амброй; тридцать одинъ павильонъ для двугорбыхъ (بختى — см. Dozy, Supplément, I, 54) верблюдицъ, изъ атласа, съ перевязями п коврами, при чемъ девять изъ нихъ были сдѣланы изъ тяжелаго (متغل, м. б. متغالی, см. BGA, IV, 200) атласа; тридцать три мула, изъ которыхъ семь были осѣдланы и взнузданы; сто тридцать вьючныхъ муловъ; девяносто дромадеровъ; четыре филигранныхъ сундука, *содержимое которыхъ было видно* (مشبکة يرى ما فيها), съ золотыми и серебряными сосудами; сто мечей, украшенныхъ золотомъ и серебромъ; два ящика изъ чернаго серебра, наполненные драгоценными камнями; усыпанная драгоценными камнями шапочка (شاشیة) въ футлярѣ; девятьсотъ корзины и ящиковъ съ остальными египетскими дяковинками.— Значеніе *مشبکة* въ этомъ описаніи совершенно ясно.

Цитата изъ Китаб-аз-захаиръ, какъ бы поясняющая описаніе «*шем-сійи*», приведенное нами выше, интересна также и для смысла термина *الستر*. По этому сообщенію, всѣ золотыхъ украшеній на завѣсѣ (*الستر*); вспомнимъ описаніе украшенной золотомъ и драгоценными камнями завѣсы у Вильгельма Тирскаго), сдѣланной везиромъ Язури, составляла тридцать тысячъ мискалей; кромѣ того, на этой завѣсѣ было тысяча пятьсотъ шестьдесятъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней. Въ сравненіе съ этой завѣсой приводится *الشمسية الكبيرة*, большой покровъ, въ которомъ было тридцать тысячъ мискалей золота, двадцать тысячъ дирхемовъ чернаго серебра (въ текстѣ лишь *مخرقة* — Karabacek, Ein gömischer Cameo etc., 9, указалъ, что средневековому мусульманскому искусству было извѣстно лишь черненіе по серебру, не по золоту) и три тысячи шестьсотъ разныхъ драгоценныхъ камней.

Объ изображеніи льва въ древности и въ мусульманскую эпоху, съ особыми указаніями на цитаты объ изображеніяхъ льва на знаменахъ въ Шахъ-наме и на изображеніяхъ львовъ на Каирскихъ воротахъ еще при Тулунидахъ, мы находимъ данныя у Yacoub Artin Pacha, Contribution à l'étude du blason en Orient, Londres, 1902, 59—76. Въ той-же книгѣ, 139—169, собраны матеріалы объ еще болѣе извѣстномъ изображеніи, въ настоящее время символизирующемъ исламъ, — именно о полумѣсяцѣ.

Отмѣтимъ, что изображеніе мѣсяца является одною изъ древнѣйшихъ эмблемъ въ домусульманскомъ искусствѣ Персіи. Относительно мусульманской эпохи ср. цитованное выше въ прим. 17 извѣстіе Табаря о присылкѣ въ Кабу полумѣсяцевъ еще халифомъ Омаромъ. Что касается далѣе до формъ копій, то руководясь новой работой F. Sarre, *Die altorientalischen Feldzeichen, mit besonderer Berücksichtigung eines unveröffentlichten Stückes, Beiträge zur alten Geschichte*, III Band, Heft 3, 1903, 333—371, мы можемъ констатировать копье съ кругомъ наверху уже въ ассирійскихъ знаменахъ (339 и 340, fig. a—h), причемъ этотъ кругъ или кольцо является символомъ господства, а также солнца (341). Ср. въ той-же статьѣ сближеніе знамени Варахрана IV съ изображеніями на пароянскихъ и сасанидскихъ монетахъ (со ссылкой на датскую статью L. Müller'a). См. также сходное изображеніе на головномъ уборѣ сасанидскаго царя напр. въ таблицѣ *Oeuvres de A. de Longpérier*, t. I, Paris, 1883, 89 (статья *Explication d'une coupe sassanide inédite*). Въ мусульманскую эпоху подобное изображеніе мы находимъ хотя-бы въ рисункахъ древнѣйшихъ халифскихъ монетъ. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разысканія объ этомъ любопытнѣйшемъ геральдическомъ типѣ, отмѣчаемъ, что какъ сами изображенія, такъ и ихъ сочетаніе, имѣютъ опредѣленный смыслъ. Мусульманская нумизматика можетъ, вѣроятно, дать особенно много матеріаловъ для сравненія. О парномъ изображеніи знаменъ на ассирійскихъ памятникахъ и у Фатымидовъ см. параллель въ *Archiv für Religionswissenschaft*, VII, 1904, 276. Въ дополненіе укажемъ, что въ любопытной цитатѣ изъ османскаго историка Васыфа о мусульманскихъ знаменахъ въ вышеприведенномъ сочиненіи Djevad-beu, 181, слово علم, «аламъ», объясняется какъ специальный терминъ для обозначенія «сдѣланнаго изъ позолоченной мѣди полумѣсяца», которымъ халифы украшали свои знамена.

21) О происхожденіи меча изъ громовой стрѣлы говорятъ Макризи и Калькашанди, 172; Ибн-Тагрибирди объ этомъ не сообщаетъ. Ср. Kretzer, *Culturgeschichte*, II, 284, anm. 3, о распространенности подобныхъ повѣрій на мусульманскомъ Востокѣ въ средніе вѣка. Мы слѣдуемъ въ дальнѣйшемъ чтеніи *حلیته* Макризи — *جلبته*, а не Ибн-Тагрибирди и (повидимому) Калькашанди — *حلیته*, такъ какъ инкрустація драгоцѣнными камнями вѣроятнѣе могла быть на ручкѣ, чѣмъ на всемъ мечѣ. Переводя далѣе — «въ ножжахъ, вышитыхъ золотомъ», мы руководились слѣдующимъ: первоначальное значеніе *خريطة* — «кошелекъ, мѣшокъ», т. е. сдѣланное изъ мягкаго предмета — ткани или кожи (у *Wüstenfeld'a* — in einem oben vergoldeten ledernen Kästchen), *مرقوم* — же имѣеть постоянно значеніе «вышитый».

22) Объ этомъ копѣ см. еще Калькашанди, 173. Относительно этого

копья и двухъ другихъ копій у Макризи, ۴۱۲, ۱۴—۱۵, говорится, что они были не арабскія, а *خشت* (ما هي عربية بل هي خشوت). Последнее слово есть арабская форма множественнаго числа отъ персидскаго слова *خشت*, см. Kremer, Beiträge, I, 49. Не имѣя возможности точно опредѣлить, какая разновидность копій называлась этимъ названіемъ, мы, руководясь высказанными въ прим. 9 соображеніями, предпочли бы перевести это слово — «персидскія» копья. Въ этомъ-же текстѣ говорится далѣе, что Му'изъ привезъ эти три копья съ собою изъ Магриба.

23) Объ этомъ читѣ см. также Калькашанди, 173. О словѣ *كوا مع* мы говорили уже раньше, въ прим. 2. О принадлежности этого щита Хамзѣ, дядѣ Мухаммеда, мы также говорили въ прим. 9. Предшествующее въ описаніи копьѣ и этотъ щитъ несъ одинъ и тотъ же человекъ, см. Макризи, I, ۴۱۲, ۱۳ и наше описаніе далѣе.

24) Въ описаніи Калькашанди, сообщеніе о пути процессіи вставлено въ другомъ мѣстѣ — стр. 207, какъ цитата изъ Ибн-ат-Тувайра; цистерну Изз-ал-Мулькъ помѣщаетъ онъ in der Nähe des Siegesthores. Макризи и Ибн-Тагрибурди даютъ намъ описанія обоихъ путей, въ общемъ вполне сходныя. Меньшій кругъ очень легко представить себѣ, бросивъ взглядъ хотя бы на Plan général de Maṣr el-Kāhirah sous les Khalifes Fātimites, приложенный къ I-ой части работы Ravaisse'a. Большій кругъ представляетъ большія затрудненія, именно упоминаніемъ бассейна и мечети *عز الملك تبر* (тѣр читаемъ мы последнее слово). Казалось-бы, разъ названа мечеть, особыхъ трудностей представиться не можетъ — у Макризи приведенъ подробный списокъ Каирскихъ мечетей (II, ۴۰۸ — ۴۱۴, *مساجد*; ۳۳۱ — ۳۳۴, *جوامع*). Дѣло, однако, въ томъ, что мечети съ такимъ названіемъ мы не находимъ у Макризи. Ближайшей же по названію и по топографическимъ условіямъ является *مسجد تبر* (Макризи, II, ۴۱۳). Изъ плана *Plaine Fosṭât Maṣr*, приложеннаго къ I-му тому сочиненія Ravaisse'a, мы видимъ, что процессія могла доходить до мѣста, означеннаго на планѣ *Mosquée de Tabr el-Ikḥchidi*. Слово *Tabr*, *تبر*, мы видимъ въ сохранившемся лишь въ текстѣ Макризи *نبا* (въ рук. Учебнаго Отдѣленія *بنا*, въ университетской — *نتا*). Въ нашемъ переводѣ мы оставили въ этомъ словѣ гласныя буквы неотмѣченными потому, что не увѣрены — нужно-ли читать это слово Табръ (какъ принялъ Ravaisse), или Табаръ, или какъ-либо иначе. О *مسجد تبر*, иначе *مسجد البتر* или *مسجد التبن*, см. также сообщенія изъ того-же Макризи у Ravaisse, I, 417. Конъектура *سا تبر*, при томъ еще, что последнее названіе примѣнялось къ этой мечети не всегда, т. е. при меньшей извѣстности названія, — кажется намъ вполне допустимой.

Самый путь по направлению къ *مسجد تير* и бассейну, находившемуся тамъ, объясняется, весьма возможно, тѣмъ, что тамъ былъ погребень уважаемый алидъ Ибрахимъ, сынъ Абдуллаха, сына Хасана, сына Хусейна-ибн-Али-ибн-Абу-Талиба; связь между путемъ новогоднего выѣзда Фатымидовъ и ихшидскимъ полководцемъ *تير* омиъ, боровшимся съ Джаухаромъ, разумѣется совершенно случайна. Въ текстѣ Ибн-Тагрибирди нѣтъ ни слова *نبا*, ни упоминанія о мечети и о томъ, что это былъ самый дальнй пунктъ процессіи. Вторичнаго упоминанія объ извѣщеніи народа также нѣтъ у Ибн-Тагрибирди. «Баб-ан-Насръ» (*باب النصر*) и «Баб-ал-Футухъ» (*باب الفتوح*)— извѣстныя ворота въ сѣверной части Каира.

25) Относительно предразсвѣтныхъ сборовъ должностныхъ лицъ на площади между замками ср. аналогичные факты на Западѣ у Бѣляева, Ежедневные приемы, 1 слѣд. *فصّوا*, «выстраивались», имѣется лишь у Ибн-Тагрибирди, у котораго *ارباب الرتب* соединены союзомъ *و* съ *ارباب السبوني* и *الاقلام*. Мы, однако, слѣдовали тексту Макризи, такъ какъ понятіе *ارباب الرتب* именно включаетъ въ себѣ чиновниковъ различнаго рода—военныхъ и гражданскихъ. О площади *بين القصرين*, позже застроенной, а во времена Фатымидовъ лежавшей между двумя дворцами, большимъ восточнымъ и малымъ западнымъ, см. Ravaisse, I, 438.

26) Лишь въ текстѣ одного Макризи мотивируется почему не было особаго приглашенія везира, какъ мы видѣли раньше, при смотрѣ лошадей. Фраза «со спущеннымъ концомъ тюбана, не обернутымъ вокругъ подбородка» переведена у Wüstenfeld'a слѣдующимъ образомъ — «sämmtlich auf ungezäumten Thieren». Уже Fleischer въ прим. къ Ибн-Тагрибирди, II, 1, 102, обратилъ вниманіе на важность перевязыванья конца тюбана, какъ знака отличія и указалъ на переведенное у насъ мѣсто, въ которомъ говорится, что сыновья и братья везира не имѣли этой привилегіи. «Тюбанъ съ перевязью» нашего перевода соотвѣтствуетъ «Satteldecke und Riemenzeug» Wüstenfeld'a.

Упоминаніе о торжественныхъ одеждахъ везира побуждаетъ насъ дать хотя-бы краткое упоминаніе о тѣхъ отличительныхъ особенностяхъ этихъ одеждъ, описаніе которыхъ сохранилось у того-же Макризи. Приводимыя имъ цитаты изъ болѣе древнихъ авторовъ, I, ۴۳۹, слѣд., даютъ намъ нѣкоторое понятіе и объ этомъ вопросѣ. Прежде всего, Ибн-ат-Тувайръ сообщаетъ (۴۴۰, ۱ слѣд.), что Фатымидскіе везиры одѣвали тюбаны (*طبعتات*— о которыхъ см. А. Kremer, Beiträge sur arabischen Lexicographie, II, 9 и BGA, IV, 287) съ перевязью подъ подбородкомъ и отличались отъ всѣхъ остальныхъ чиновниковъ особой короткой одеждой, называв-

шейся «*durra'a*» (دُرَّة) — о ней Dozy, *Vêtements*, 177 suiv. и *Supplément*, I, 434; دُرَّة ср. еще Насыри-Хосроу, ۴۸, ۲; 140—141, уже въ примѣненіи къ костюму халифа), спереди разрѣзанной, приблизительно до высоты сердца, и снабженной пуговицами и застежками изъ филиграннаго золота и жемчуга (ср. Sacy, *Chrestomathie*, I, 125). Эта одежда была, по его словамъ, признакомъ везирата, также какъ и разукрашенная золотомъ черныялица. Въ цитатѣ изъ Ибн-Аби-Тайя (۴۴۰, ۲۶), разсказывается о тѣхъ одеждахъ, которыя при Фатимидскихъ халифахъ являлись отличительнымъ признакомъ эмировъ — именно о *дабикійскихъ* платьяхъ и тюбанахъ изъ ткани *касабъ* (Dozy, *Supplément*, II, 354) съ золотымъ шитьемъ; золотое шитье и тюбанъ — цѣной въ пятьсотъ динаровъ. Главнѣйшіе эмиры одѣвали золотыя цѣпи, запястья и разукрашенные мечи, везиръ же одѣвалъ, вмѣсто цѣпи, ожерелье изъ драгоценныхъ камней. Далѣе, тотъ же Ибн-ат-Гувайръ (۴۴۰, ۲۷), упоминаетъ о томъ, что везиръ (въ данномъ случаѣ Бедр-ал-Джемали) одѣвалъ, вмѣсто цѣпи, ожерелье изъ драгоценныхъ камней, стоившее пять тысячъ золотыхъ мискалей, перевязывалъ подъ подбородкомъ спущенный край у тюбана, возлагалъ фестончатый (مَتَوَّر, см. Dozy, *Supplément*, II, 418) «*тайлесанъ*» (طَبْلَسَان, платокъ, одѣваемый на голову и на плечи, о немъ см. Dozy, *Vêtements*, 278 suiv.). Эту «*тайлесанъ*» поясняетъ у Макризи, ۴۴۰, ۳۱ — وَيَسَى الْيَوْمَ بِالطَّرْحَةِ — «теперь называемый *тарха*»; о послѣднемъ словѣ см. Dozy, *Vêtements*, 254 suiv. Таковы были отличительные признаки везирской одежды. Нѣкоторыя указанія на роскошныя одежды везира при торжествахъ см. напр. у того же Макризи, I, ۴۷۱, ۲۶ слѣд.; ср. также Калькашанди, 188.

Пользуясь упоминаніемъ о нѣкоторыхъ чертахъ внѣшняго быта Фатимидскихъ вельможъ, укажемъ, что интересная опись имущества вельможи Фатимидской эпохи сохранилась у того-же Макризи, II, ۴, ۲۲—۲۷ (Sacy, *Chrestomathie*, I, 199—200; Булакскій текстъ и французскій переводъ расходятся въ мелочахъ; краткое упоминаніе объ этомъ имуществѣ имѣется и у Ибн-Халликана при словѣ *биржванъ*). Опись относится къ халифату Хакима, къ 390 г. X. (1000 по P. X.). Это — весьма близкая по времени египетская параллель къ описи имущества Аббасидскаго вельможи, упомянутой нами въ прим. на стр. 8.

«Колонный портикъ», упоминаемый въ описаніи есть, очевидно, то-же, что «Длинные портики», о которыхъ говорилось выше, при описаніи смотря лошадей, см. прим. 13. Церемоніаль шествія везира въ замокъ согласуется въ общемъ съ его шествіемъ наканунѣ для смотря лошадей. Ср. также Макризи, I, ۴۸۴, ۰ слѣд. «Мақта-ал-визаратъ», *مقطع الوزارة*, помѣщеніе для везира и его близкихъ, врядъ-ли можетъ быть съ точностью определено

топографически, см. Ravaisse, I, 461. Слово *القاعة*, «Зала», нашего текста, мы опредѣлили словомъ *الذهب*, «Золотая», такъ какъ несомнѣнно именно эта часть строенія разумѣется въ текстѣ, см. Ravaisse, I, 456 — 457. (Любопытно отмѣтить сходство въ терминологіи — *القصر الكبير*, Большой Дворецъ или *قاعة الذهب*, Золотая Зала, у Фатимидскихъ халифовъ съ *Μέγα Παλάτιον* и *Χρυσοτρίκλιнос, τρίκλιнос χρυσός* въ Византіи). Мы, однако, расширяемъ значеніе этого названія, не ограничивая его одной тронной, приемной залой. Макризи, I, ۳۸۰.۱۳, писалъ— *وكان يقال لقاعة الذهب قصر الذهب*, «Золотую залу называли также Золотымъ замкомъ»; поэтому мы думаемъ, что этимъ именемъ обозначали также важнѣйшую изъ составныхъ частей Большого дворца, заключающую и тронную залу. У Ибн-Тагрибирди упоминанія о томъ, что везиръ проходилъ въ *مقطع الوزارة*, вовсе не имѣется— по его словамъ онъ прямо проходилъ въ залу, гдѣ и садился; въ виду, однако, подобнаго сообщенія Макризи, мы не можемъ считать эту подробность лишней, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ происходило то-же, см. Макризи, I, ۴۱۴, v. Ср. также и описаніе Калькашанди. Вообще необходимо отмѣтить въ этомъ мѣстѣ у Ибн-Тагрибирди путаницу, происходящую, вѣроятно, отъ несправнаго состоянія текста. Родня халифа не спѣшивается, а входитъ *في اخص مكان* и дальнѣйшее остается неизвѣстнымъ. Калькашанди тоже не говоритъ объ ихъ спѣшиваньи. О мѣстонахожденія эмировъ до церемоніи, Ибн-Тагрибирди не говоритъ ничего, а Калькашанди только то, что они располагались въ залѣ; сообщеніе о скамейкахъ, на которыя садились эти эмиры, равно какъ о томъ, чѣмъ эти скамейки покрывались, имѣется лишь у Макризи. О *سامان* см. Dozy, I, 622 и BGA, IV, 257 (дѣлались главнымъ образомъ въ Палестинѣ). *Джахрамскими* назывались ковры, изготовлявшіеся въ городѣ Джахрамѣ, въ Фарсѣ, близъ Шираза, см. BGA, IV, 209. Опредѣленіе «рытые», доставившее, повидимому, затрудненія комментаторамъ, ср. Ибн-Тагрибирди, II, 1, ۴۲ и II, 2, 139, вполне ясно при знакомствѣ съ древне-русской бытовой терминологіей; рытыми назывались въ древней Руси, какъ и на мусульманскомъ Востокѣ — «ткани съ вытисненными или рельефными узорамъ». См. также BGA, IV, 217 (Здѣсь Karabacek полагаетъ, что *Bezeichnung geht auf den Dessin*, который *den Eindruck einer Cannelirung hervorbringt*. Однако, русскій терминъ указываетъ именно на рельефность самого узора). О русскомъ терминѣ говорятъ напр. Савваитовъ, 10 и преосв. Савва, Указатель для обозрѣнія московской патріаршей ризницы, Москва, 1858, Словарь, при словѣ «бархатъ»; ср. также ЗВО, XIII, 084.

27) الكرىسى мы переводимъ словомъ «возвышеніе» (у Wüstenfeld'a Erhöhung), хотя оно можетъ имѣть и болѣе спеціальныя значенія—«скамьи со спинкой или лѣстницы», см. Dozy, II, 455; во всякомъ случаѣ, оно должно означать нѣчто иное, чѣмъ مصطبة, упомянутое выше и служившее для влѣзанія и слѣзанія съ коня везира. «Баб-ал-Маджлисъ», باب المجلس, «Дверь собранія», мы затрудняемся опредѣлить точно топографически; несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что она отдѣляла личные покои халифа отъ приемныхъ, — на ней-то и висѣла завѣса الستер — см. напр. Макризи, I, ۳۸۴, IV—۱۸. Объ этомъ ср. также Ravaisse, I, 461 и указанное у него мѣсто Макризи, I, ۳۸۷, ۳۱—۳۳. Мы думаемъ, что замѣчаніе Ravaisse'a о ведущей въ Колонный портикъ двери, «par laquelle on pénètre dans l'Antichambre du Vizirat — Maḳta' el-Wizârah, مطع الوزراء — et de là, par le Bâb el-Madjlis el-Moḥawwil, باب المجلس المحول, dans la Salle du Trône», не обосновано указанными цитатами Макризи и для читателя не все ясно. Wüstenfeld, переводя сообщеніе о выводѣ лошади, далъ приблизительный переводъ — лошадь ставили an die Thür seines Zimmers, что выражаетъ, впрочемъ, назначеніе باب المجلس'a. Сообщеніе о томъ, что зонтикъ выносился завернутымъ, конечно въ тотъ кусокъ вышитой золотомъ Дабикійской ткани, о которомъ мы говорили раньше, и что онъ былъ не сложенъ, а уже раскрытъ, мы имѣемъ лишь у Макризи. Число приставленныхъ къ зонтику славянъ опредѣляетъ онъ, какъ и Калькашанди; Ибн-Тагрибирди говорить лишь جماعة. Приспособленіе, въ которомъ укрѣплялся зонтикъ, переведено у Wüstenfeld'a «eiserne Spitze». Слово القرن лишь у Ибн-Тагрибирди опредѣлено еще المصطب или المصطب (?). «Защѣпкой» мы переводимъ слово حاجز; у Wüstenfeld'a — an einem Riemen.

28) Мечъ, выносившійся при этомъ случаѣ, есть, очевидно, тотъ-же, который былъ выносимъ при осмотрѣ халифомъ вещей передъ выѣздомъ и который описанъ въ нашемъ текстѣ ранѣе. Лицо, несшее его, тоже, повидимому, не имѣло права перевязывать конецъ тюрбана подъ подбородкомъ; въ текстѣ стоитъ ارضيت ذؤابته, не поясненное, какъ выше при описаніи одежды родни везира — مرضى الذؤبة بلا حنكъ и ниже, при описаніи одежды халифа — محنتك مرضى الذؤابة. Wüstenfeld не понялъ этого мѣста — онъ отнесъ мечъ къ несшему зонтикъ, а ذؤابة перевелъ черезъ Zügel, относя къ лошади.

29) Выносившаяся чернильница принадлежала къ разряду халифскихъ писигній — см. Калькашанди, 172—173, по описанію котораго, однако, украшенія состояли, руководясь переводомъ Wüstenfeld'a, aus kleinen Perlen. Фраза о везирахъ и «нотаріальныхъ свидѣтеляхъ» (о которыхъ см.

прим. 10) не имѣется у Ибн-Тагрибирди. Wüstenfeld появяя эту фразу такъ, что *устады* послали ее сначала, а впоследствии (in der Folge) поручали эту обязанность другимъ лицамъ. Дѣло однако въ томъ, что фраза эта, не появяая вѣроятно уже Ибн-Тагрибирди и потому имъ пропущенная, представляетъ попутную вставку — чернильница была не только инсигніемъ халифата, но и везирата — см. напр. Макризи, I, ۴۴۰, ۵ — *ويحمل له الرواة* — *المحلاة بالذهب*, «я несла при немъ украшенную золотомъ чернильницу». Такимъ образомъ текстъ нашъ можетъ означать лишь одно, что черпильницу — инсигній халифата несъ «Устады съ перевязью», а чернильницу — инсигній везирата — «*Нотариальный содѣтель*».

Какъ въ текстѣ Макризи, такъ и Ибн-Тагрибирди, эта фраза заключается стихами, описывающими эту чернильницу; въ виду того, что это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ описанію выѣзда, мы даемъ переводъ этого мѣста въ примѣчаніи. Ибн-Тагрибирди говоритъ лишь — «я сказалъ о ней одинъ поэтъ»; Макризи выражается подробнѣе — вотъ его слова. «Я сказалъ о ней одинъ поэтъ, обращаясь къ халифу, во время котораго было сдѣлано украшеніе изъ коралловъ, а это была самая замѣчательная часть (этого предмета). Онъ упомянулъ объ этомъ въ слѣдующихъ двухъ стихахъ: — Въ знакъ почета сдѣлалось мягкимъ для Давида желѣзо, такъ что дѣлалъ онъ изъ него кольчуги, какъ хотѣлъ; и сталь мягкимъ для тебя кораллъ, а это — камень, трудно поддающийся обработкѣ (букв. цѣли, желанію) при рѣзбѣ, крѣпкій». (Объ этомъ стихѣ ср. также Fleischer, Kleine Schriften, II, 1, Leipzig, 1888, 161). О древне-арабскомъ повѣрьи относительно того, что Давидъ былъ изобрѣтателемъ желѣзныхъ панцырей и что Богъ помогалъ ему въ этой работѣ см. Schwarzlose, 331.

30) Въ переводѣ послѣдняго слова этой фразы, мы слѣдуемъ тексту Ибн-Тагрибирди и Калькашанди; въ Булакскомъ изданіи Макризи стоитъ *الرأية*, что вполне можно считать за ошибку, такъ какъ объ особомъ знамени типа *الرأية* ничего въ нашемъ текстѣ не говорится.

31) Мы переводимъ «приказывалъ поднять завѣсу», хотя въ текстѣ стоитъ *فيرفع*, «поднималъ»; изъ другихъ аналогичныхъ случаевъ, при болѣе подробномъ описаніи, напр. I, ۳۸۴, ۱۸, сообщается какъ раскрывали завѣсу и кто именно раскрывалъ ее; *صاحب المجلس* лишь отдавалъ приказъ. Слѣдующее сообщеніе о выходѣ привѣтствовавшихъ эмировъ (о словѣ *خدمة* въ этомъ значеніи см. Dozy, Supplément, I, 355) не имѣется у Ибн-Тагрибирди. Мы перевели *من كان عند الخليفة للخدمة*, «лица, которыя были у халифа въ качествѣ прислуживавшихъ», т. е. свита его, хотя въ церемониальномъ языкѣ *خدمة*

имѣть специальное значеніе, см. примѣры изъ того-же Макризи у Quatremère, Mamlouks, II, 1, 119. Слово это имѣетъ тогда значеніе «привѣтствіе». Въ нашемъ случаѣ однако о входѣ особыхъ лицъ къ халифу для привѣтствія ничего не говорится. У Wüstenfeld'a вмѣсто эмировъ — die diensthühenden Lackeien; перевязь тюрбана опять отнесена имъ къ лошади, а мечъ названъ арабскимъ. Мы въ переводѣ слѣдовали тексту Макризи и Ибн-Тагрибарди, у которыхъ стоятъ слова — غَرِيبًا وَاغْرَبِيَّ. О репутаціи испанскихъ мечей см. напр. Rehatsek, 240. Вообще отмѣчаемъ, что текстъ Макризи часто смѣшиваетъ, вѣроятно вслѣдствіе легкой опяски, غَرِيبًا и غَرِيبِيَّ, «арабскій» и «западный». Мы вообще предпочитаемъ чтеніе غَرِيبِيَّ или مغْرَبِيَّ, такъ какъ Фатымиды могли многое принести съ собою съ Запада, изъ сѣверной Африки. «Жезлъ власти», قَضِيبُ الْمَلِكِ, былъ халифскій инсигній; см. Калькашанди, 172. Специально назначенныя лица привѣтствовали везира и прочихъ, конечно потому, что халифу не подобало выказывать знаки почтенія; объ его отвѣтѣ на привѣтствіе говорится въ нашемъ текстѣ далѣе.

Въ этомъ мѣстѣ, можетъ быть, своевременно подвести итогъ упоминаемому въ нашемъ текстѣ инсигніямъ халифскаго достоинства, сравнить ихъ съ перечнемъ Калькашанди (172—175) и отмѣтить тѣ предметы, которые являлись особенностью специально Фатымидскихъ инсигній. Нашъ текстъ отмѣчаетъ слѣдующіе предметы — 1) التاج الشريف, особымъ образомъ свернутый тюрбанъ съ прикрѣпленнымъ впереди особымъ уборомъ изъ драгоценныхъ камней — полумѣсяцемъ «подковой» (الحافر) съ «несравненной» (البتيمة) жемчужиной. 2) المظلة, зонтикъ, несомый надъ халифомъ въ торжественныхъ процессіяхъ. 3) لواءا الحدر, два «знамени славы», небольшого размѣра. 4) إحدى وعشرون رأية, двадцать одно знамя большихъ размѣровъ. 5) Два копыя съ изображеніемъ полумѣсяцевъ и львовъ. 6) السيف الخاص, халифскій мечъ. 7) Особое копые съ разукрашеннымъ золотомъ лезвиемъ. 8) Щитъ, принадлежавшій по преданію Хамзѣ-ибн-Абд-ал-Мутталибу. 9) Золотая чернильница съ украшеніями изъ коралла. 10) قَضِيبُ الْمَلِكِ, «жезлъ власти», скипетръ, разукрашенный драгоценными камнями. 11) مزدبتان, два опахала, несомыя около халифа во время торжественныхъ процессій. Таковы были инсигніи Фатымидскихъ халифовъ, насколько мы можемъ заключить изъ разрозненныхъ сообщеній нашего текста. Сопоставляя ихъ съ перечисленіемъ Калькашанди, мы можемъ видѣть, что, несмотря на разрозненность своихъ сообщеній, нашъ текстъ все же

перечислил всё приведенные въ особомъ спискѣ Калькашавди инсигній. Кромѣ того, въ цитатѣ изъ Ибн-ал-Мамуна, тотъ же Макризи (I, 111, 17—18) назвалъ еще два особыхъ копя, возводимыхъ имъ, какъ и поставленный у насъ 7-ой инсигній, къ халифу Му'иззу. Ни въ описаніи выѣзда Макризи, ни у Калькашавди мы этихъ копій не находимъ. См. наше прим. 22 и прил. II. Нѣкоторые изъ этихъ инсигній были, повидимому, специальной принадлежностью Фатымидовъ. Ибн-Халдунъ въ главѣ о царскихъ эмблемахъ и инсигніяхъ верховной власти (Prolégomènes, tr. par M. G. de Slane, 2-e partie, 48 suiv. = Notices et Extraits des manuscrits, t. XX, p. 1), назвалъ нѣкоторые, приводимые у насъ инсигнии, какъ принадлежность различныхъ мусульманскихъ государей, напр. знамена, трубы и т. д. Но все-же цѣлый рядъ предметовъ не находятъ мѣста въ этомъ общемъ описаніи инсигній власти. Любопытно также сравнить имѣющіеся у насъ матеріалы о Фатымидскихъ инсигніяхъ съ тѣми данными, которыми мы располагаемъ относительно инсигній правившихъ позже въ Египтѣ мамлюкскихъ султановъ. Quatremère, Mamlouks, I, 1, 133 suiv. далъ перечисленіе предметовъ, являвшихся инсигніями въ торжественныхъ процессіяхъ. Тутъ мы имѣемъ: 1) тюрбанъ со спущеннымъ концомъ, но безъ убора, соответствующаго «подковѣ» въ нашемъ текстѣ, 2) одѣяніе изъ *чернаго* шелка, 3) мечъ (или сабля) бедуинскій, سيف بدوي (а не مغربي какъ въ нашемъ текстѣ), принадлежавшій по преданію Омару-ибн-ал-Хаттабу, 4) غاشية, т. е. разукрашенный покровъ, чапракъ, несомый впереди султана въ процессіяхъ, 5) зонтикъ (вѣроятное наслѣдіе Фатымидовъ), 6) رقبة, особое покрывало на шею лошади султана изъ желтаго шелка, шитаго золотомъ, — украшеніе, заимствованное отъ персовъ, 7) особыя золотыя ленты ارتهاشات, 8) عصائب, знамена, инсигнии султаната, 9) различные музыкальные инструменты — نجمة الملك (флейта), اوزان и т. д., 10) топоры طبر, 11) царская сабля, نجة الملك (см. тамъ-же, I, 2, 202—203), 12) кольчуга زردية, 13) специальная особенность мамлюкскихъ султановъ الكرانة, кусокъ ткани, приврѣпляемый къ головному убору, 14) جق, родъ палыцы и т. д. Какъ видимъ, при всемъ богатствѣ и разнообразіи инсигній, большинство ихъ не совпадаетъ съ перечисленными въ нашемъ текстѣ Фатымидскими инсигніями; наслѣдники власти Фатымидовъ въ Египтѣ имѣли иные инсигнии.

32) Текстъ ни у одного изъ авторовъ не опредѣляетъ изъ какихъ именно воротъ замка выходила процессія. Однако, мы, основываясь на общемъ описаніи, думаемъ, что она выходила на площадь между замками, بين القصرين. Дѣло въ томъ, что, въ началѣ описанія церемоніи разсказывается, какъ собирались на площади между замками различныя лица и тутъ ожидали ха-

лифа. Далѣе, въ концѣ описанія, говорится, что процессія, черезъ «Баб-ал-Футухъ», входила на площадь между замками, и становилась, *بعد الرجوع كما كانوا* т. е. «по возвращеніи, какъ была раньше». Отсюда-же, очевидно, и отправлялась процессія. Что касается далѣе до выхода везира, то онъ могъ какъ вернуться обратно, сѣсть на лошадь, выѣхать черезъ Баб-ал-Идъ, объѣхать замокъ и остановиться на площади, такъ и проѣхать впередъ халифа и выйти черезъ тѣ-же ворота, черезъ которыя выѣзжалъ позже халифъ, и куда раньше можно было провести лошадь везира, — что конечно вѣроятнѣе. Ворота, черезъ которыя входилъ и выходилъ халифъ, опредѣлены въ описаніи Ибн-ал-Мамуна у того-же Макризи, I, ۴۴۹, ۱ и ۱۳. У Wüstenfeld'a везиръ становился neben das Thor des Schlosses. У Калькашанди послѣ *بسط مغروشة* стоитъ *خشبة*, что дало Wüstenfeld'у поводъ подозревать здѣсь названіе ковровъ отъ собственнаго имени *خش* или *خوش* въ области Нишабура или *الحشة* въ округѣ Кальюобъ въ Египтѣ; согласно чтенію Макризи и Ибн-Тагрибирди дають однако *خيفة*, что значительно облегчаетъ и переводъ. «Устады» переведено у Wüstenfeld'a Lackeien. Труба *الغربية*, сообщенія о которой имѣются и въ другихъ мѣстахъ Макризи, напр. I, ۴۰۳, ۲۰ и ۴۷۳, ۳۰, приведена нами по чтенію у Макризи; Ибн-Тагрибирди даетъ чтеніе *العربانة*, что, быть можетъ, есть смѣшеніе *الغربية* съ перс. *عربانه* — *tumranum* (см. Vullers, *Lexicon persico-latinum*). У Wüstenfeld'a стоитъ *el-'arabia*, что скорѣе можно сопоставить съ *الغربية*, чѣмъ съ *العربانة*. Въ другомъ мѣстѣ, у того-же Макризи, дается болѣе подробное упоминаніе объ этихъ церемоніальныхъ трубахъ. Онъ рассказываетъ, ۴۷۷, ۲ слѣд., о сорока трубахъ, изъ которыхъ десять были сдѣланы изъ золота, а тридцать — изъ серебра; игравшіе на нихъ ѣхали верхами. Игравшіе-же на мѣдныхъ трубахъ шли въ процессіи пѣшкомъ. Здѣсь же упоминается девять большихъ барабановъ, у которыхъ тѣ части, которыя обыкновенно дѣлаются изъ дерева, были сдѣланы изъ серебра. Функція «носителя зонтика» исполняли, повидному, славянскіе рабы; см. у насъ далѣе приложение II и частный случай у Sacy, *Chrestomathie arabe*, I, 139. Количество начальниковъ «стремящихся юношей» опредѣлено у Макризи и Калькашанди — по два; Ибн-Тагрибирди даетъ неопредѣленное *جماعة*. Упоминаніе о кнутѣ имѣется и въ описаніи Насыри-Хосроу, ۴۱, ۴; 141. Въ этомъ же мѣстѣ описывается у персидскаго путешественника и костюмъ халифа — бѣлое одѣяніе; туника *durra'a*, удобная и длинная, согласно модѣ въ арабскихъ странахъ; бѣлый же тюрбанъ. Окружавшіе его пѣхотинцы — дейлемиты были одѣты въ Румскій бархатъ; рукава ихъ платьевъ были широкие, согласно египетской модѣ.

33) «По командѣ», *بالحسّ*, имѣется лишь у Макризи. Дальнѣйшее рас-

предѣленіе движущихся различно у Макризи и Ибн-Тагрибирди, причемъ распредѣленіе перваго сходно съ данными Калькашанди. По Ибн-Тагрибирди сначала шли нѣкоторые войсковыя части, потомъ الامائل (лучшіе — люди или войсковыя части?), потомъ имѣющіе различныя чины (ارباب الناصب), не описа-ли вмѣсто ارباب الناصب Макризи и Калькашанди?), потомъ сразу эмиры съ цѣпями и т. д. Распредѣленіе Калькашанди, повидимому, тождественно данному въ нашемъ текстѣ распредѣленію Макризи. فروع الامراء (о значеніи «первенцы» ср. напр. Tabari, Glossarium, CDI, при словѣ فروع), должно быть, соответствуетъ въ переводѣ Wüstenfeld'a Freunde der Emire. Emire unteren Ranges въ переводѣ его-же являются прибавкой сравнительно съ текстомъ Макризи. Упомянутое о распредѣленіи идущихъ съ той или съ другой стороны халифа, до описанія шествія его самого, нужно все-же относить, по нашему мнѣнію, къ идущимъ впереди. Несшіе «знамена славы» шли не прямо передъ халифомъ, а правѣе и лѣвѣе; несшіе чернильницу и мечъ — лѣвѣе; сыновья и родственники везира — правѣе. Окружали-же халифа лишь «стремлянные юноши». У Ибн-Тагрибирди вмѣсто تفرة السلاح, стоятъ بقرقة السلاح, «шумящіе оружіемъ», вѣроятно просто ошибочное начертаніе. Въ описаніи одежды этой стражи слово مناديل, мпж. число отъ منديل, упомянуто въ двойномъ значеніи — сначала тюрбановъ, затѣмъ поясовъ — см. R. Dozy, Vêtements, 414—418. О названіи طبعيات см. выше прим. 26. Опахало, которое несутъ славяне, давно уже существовало на почвѣ Египта, см. напр. H. Frauberger, Geschichte des Fächers, Leipzig, 1878—1879, 18 ff., также 59 ff. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же Макризи описываетъ эти опахала такъ — древки ихъ были изъ золота и специальная обязанность нести ихъ возлагалась на славянскихъ рабовъ, см. I, ۴۷۳, ۱۶—۱۷.

34) Три упомянутыхъ здѣсь саповника — «Вали Кахиры», т. е. намѣстникъ Кахиры, «Исфасаларъ», главный военный начальникъ и «Сахиб-ал-бабъ», — упоминались уже нами; о нихъ см. Макризи I, ۴۰۳ и Калькашанди, 181—183.

35) Количество человѣкъ, несшихъ «кровавые мечи» опредѣлено лишь у Макризи и Калькашанди; Ибн-Тагрибирди ограничивается словомъ أَخْر. «Съ густыми кистями» перевели мы بشراريب غزيرة (о значеніи شرايبе см. Dozy, Supplément, I, 741), стоящее лишь у Макризи; Ибн-Тагрибирди даетъ лишь بشراريب; у Wüstenfeld'a это слово совсѣмъ не переведено, بِشَرَارِيبُ передано черезъ Kästchen, а назначеніе опредѣлено — zu (augenblicklich befohlenen) Hinrichtungen. شَرَارِيبُ мы перевели «кисти» потому, что это значеніе кажется намъ болѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ, чѣмъ

«шпуръ». Мы знаемъ, что شُرَابِيَة значить и то, и другое — см. въ цитованномъ мѣстѣ Supplément Dozy споръ Fleischer'a и Habicht'a. Если наше пониманіе вѣрно, то нашъ текстъ даетъ это слово въ двухъ значеніяхъ: شُرَابِيَة, какъ шнурокъ, мы имѣемъ въ самомъ началѣ текста, при описаніи оружія такъ называемыхъ «носителей малаго оружія». الفَرَجِيَّاتِ, не переведенное у Wüstenfeld'a, стоитъ въ текстѣ и Макризи, и Ибн-Тагрибирди. По Dozy, Supplément, II, 262, это былъ родъ военной машины (со ссылкой на Quatremère, Mongols). Въ нашемъ случаѣ, однако, мы склонны думать, что тутъ скорѣе имѣется въ виду, по аналогіи съ оружіемъ ارباب السلاح الصغير, какое-нибудь болѣе легкое оружіе, которое они несли съ собою. Выше мы видѣли, что ихъ вооруженіе состояло изъ особаго вида дротиковъ; быть можетъ, въ данномъ случаѣ мы подъ названіемъ *фиранджійя* и должны разумѣть эти дротики. Въ другомъ, напримѣръ, мѣстѣ Макризи, I, ۴۷۳, ۳۳, терминъ الفَرَجِيَّاتِ сопоставляется съ الدبابيس, التوت, الصمام, т. е. съ оружіемъ легко переносимымъ, а не съ тяжелыми военными машинами. المتدّم ذكرهمъ не имѣется у Ибн-Тагрибирди, равно какъ и في هيبة, и текстъ отъ слова بفرجة до كانه. Wüstenfeld, въ сообщеніи о движеніи الزرد صبيانъ и о томъ, что окружавшіе везира шли ближе къ нему, чѣмъ къ халифу его свита, перевелъ слѣдующее не достаточно ясно — in dem Bestreben, dass der Anblick desselben nicht nachstehe. Мы видимъ въ арабской фразѣ символику отношеній свѣтской власти везира къ высшей, духовной власти халифа. Духовный характеръ халифата выясняется и изъ нѣкоторыхъ церемоніальныхъ частности. Напр. до насъ дошелъ разсказъ Ибн-ал-Мамуна у того-же Макризи объ одномъ изъ годоводнихъ выѣздовъ. Между прочимъ, онъ разсказываетъ здѣсь, ۴۴۴, ۱-۱۱, что различные торговцы украсили путь слѣдованія процессіи предметами своей торговли لطلب البركة بنظر الخليفة, «желая благословенія отъ взора халифа». Въ нашемъ описаніи мы перевели по тексту Макризи من نظره «отъ взора его»: у Ибн-Тагрибирди — من نصره, «отъ помощи его», что не мѣняетъ смысла. Въ предшествовавшемъ описаніи, щитъ, какъ мы видѣли, не былъ опредѣленъ прилагательнымъ «красный», что впрочемъ имѣется лишь у Макризи въ Булакскомъ изданіи. حمرا этого текста, замѣнено въ рукописи Учебнаго Отдѣленія словомъ حمرة, изъ котораго вполнѣ возможна описка حمرا. «Червленые» щиты особенно извѣстны въ древне-русскомъ бытѣ — см. Савваитовъ, 181.

Слѣдующія описанія военныхъ отрядовъ, о которыхъ также см. Ravaisse, I, 423—426 (и Plan général de Maṣr el-Kāhiraḥ при томъ же томѣ), представляютъ нѣкоторыя различія въ разсматриваемыхъ нами тек-

стахъ; мы слѣдуемъ порядку Макризи и Ибн-Тагрибирди, — Калькашанди нѣсколько отличается отъ нихъ. Объ этихъ войскахъ ср. вообще Насыри-Хосроу, ۴۷—۴۷; 138. Впереди, по описанію, шествовали «Масмудійя», т. е. Масмудійцы, берберское племя (а не суданцы, какъ сообщаетъ Ravaisse, давая при этомъ описанія невѣрную ссылку на Макризи I, 20, тогда какъ извѣстія объ этомъ племени имѣются у Макризи, II, 20; о границахъ заселенія въ сѣверной Африкѣ и родахъ его см. Абд-ал-Вахидъ ал-Марракуши, текстъ, ۲۴۷; переводъ, 292; Насыри-Хосроу, ۴۷,iv; 138, называетъ ихъ سياحان, черными, отличая однако отъ Зинджей, ۴۷,г; 138), составлявшее часть войскъ Фатимидскихъ халифовъ. За ними—«Райханійя», слово, которое мы ставимъ въ текстѣ, какъ поправку къ Булакскому тексту Макризи и Ибн-Тагрибирди, у которыхъ الركاية «Рикабійя» (графически измѣненіе изъ الرجانية вполнѣ возможное); дѣло въ томъ, что войска съ такимъ названіемъ мы не знаемъ, тогда какъ الرجانية не только имѣется у Калькашанди, но извѣстны и изъ Макризи, II, 1; см. Ravaisse, 425. Наконецъ, наша коньектура подтверждается и рукописью Учебнаго Отдѣленія, гдѣ стоятъ الرجانية. Объ этомъ и слѣдующемъ отрядѣ ср. еще Lane Poole, History, 168. Слѣдующее названіе мы привели по Макризи и Ибн-Тагрибирди; у Калькашанди — el Nauga (?). Далѣе الجوشية идетъ еще разъ — тутъ уже въ разрядѣ конницы. О возникновеніи названія см. Калькашанди, 180. (Можетъ быть въ одномъ изъ этихъ случаевъ могли быть упомянуты и الجودرية, «Джаударійя», см. Макризи, II, 0; ср. и Ravaisse, 423). О слѣдующихъ «Фиранджія» и «Везирійя» см. Калькашанди, 180. (Съ الفرجية ср. الفرجية у Макризи, II, ۱۴,гг сл. и также Ravaisse, 423). Сообщение о томъ, что число ихъ превышало тѣ четыре тысячи, которые составляли ихъ отрядъ въ «настоящее время», في الوقت الحاضر — имѣется лишь у Макризи. Это «настоящее время» относится либо къ эпохѣ предшествующихъ Макризи источниковъ, либо къ эпохѣ его жизни. О числѣ отдѣльныхъ отрядовъ ср. Насыри-Хосроу, I. с. О большихъ знаменахъ упомянуто въ нашемъ текстѣ уже выше въ Wüstenfeld напрасно ссылаясь на извѣстіе Калькашанди I, 51; онъ также не приводитъ сообщенія о несеніи копій съ изображеніями двухъ львовъ. Объ «Амирійя», «Хафизійя» и «Афдалійя» см. Калькашанди, 180. Первые два отряда считались лучшей частью войскъ, وجه الأجناد, см. Макризи, I, ۴۰۳,۲۴. Чтеніе Juynboll'a الصفتية нужно замѣнить الافضلية. Объ الجرية см. Dozy, Supplément, I, 253. «Большіе» и «малые» замѣнены въ переводѣ Wüstenfeld'a alte und junge. Сопоставленіе этого арабскаго термина الجرية съ персидскимъ سرانی, слѣланное Defrémery, Mémoire sur les émirs al-oméra, Paris, 1848 (Mé-

moires présentés par divers savants, 1-re série, T. II, Paris, 1852), 110, п. 2, можно выводить и из сопоставления нашего текста с описанием Фатимидскаго выезда у Насыри-Хосроу, ۴۴,۴; 138, хотя по нашему описанию эта часть войск была конная, тогда как у Насыри-Хосроу *سراى* названы *بيادگان*, пѣхотинцами. Въ текстѣ Макризи послѣ *الصغار* стоятъ еще *المنقولين*, «перевезенныхъ». Турки названы египетскими у Ибн-Тагрибирди и Калькашанди; у Макризи стоятъ *المصطنعون*. О вихъ, какъ и о дейлемитахъ, см. Макризи, II, ۸—10, а также Ravaisse, 424. О Гуззахъ, кромѣ цитованныхъ мѣстъ въ примѣчаніи у Ибн-Тагрибирди, см. еще Dozy, II, 210. При этой цитатѣ мы должны однако оговорить, что считаемъ упоминаемыхъ у насъ Гуззовъ турками, а не курдами. Хотя мамлюки Бахрты появляются позже, — см. хотя бы Lane Poole, History, 243, — присутствіе турецкихъ отрядовъ въ Фатимидскихъ войскахъ несомнѣнно. И Насыри-Хосроу засвидѣтельствовалъ (۴۴,۱۸; 138) присутствіе въ халифскомъ войскѣ отрядовъ турокъ, уже родившихся въ Египтѣ. О первомъ появленіи турокъ въ Египтѣ см. J. Karabacek, Erstes urkundliches Auftreten von Türken, Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer, I—II, Wien, 1886, 93—109, особенно 96. О ранней исторіи Гуззовъ — Th. Houtsma, Die Ghuzenstämme, Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, II, 1888, 219—234. Всѣ эти отряды шли конечно *بجملها*, «въ полныхъ военныхъ доспѣхахъ» (см. Макризи, I, ۴۴,۱۱; ср. наше прим. 3). Заключительная фраза о стрѣльцахъ имѣется у Калькашанди въ началѣ разсказа, причемъ моряки упомянуты отдѣльно, а *arabische Bogenschützen* — независимы отъ моряковъ. Заключительное сообщеніе о томъ, что вышеупомянутыя войска составляли лишь часть войска халифа, отнесено у Калькашанди, вмѣстѣ съ ходомъ процессіи, къ сообщеніямъ Ибн-ат-Тувайра — «говорить Ибн-ат-Тувайръ».

36) Опредѣленіе соборной мечети Акмаръ (о ней см. хотя-бы Ravaisse, II, 38 сл.) «теперешней» (*الآن* и *اليوم*), имѣется у Макризи и Ибн-Тагрибирди. У Макризи, кромѣ того, передъ *اليوم* стоитъ *بالتماحين* *درب*. *بالتماحين*, улица продавцевъ хлѣба, имѣлась въ Каирѣ, но совѣмъ въ другомъ мѣстѣ, см. Макризи, II, ۴۰. Почему это слово стоитъ здѣсь у Макризи, намъ не вполнѣ понятно. Въ слѣдующемъ далѣе переводѣ привѣтствія, оказываемаго везиромъ халифу и отвѣта этого послѣдняго, мы соединили вполнѣ ясный, но болѣе краткій текстъ Ибн-Тагрибирди съ болѣе подробнымъ, но и болѣе запутаннымъ текстомъ Макризи. Калькашанди ближе къ Макризи, такъ какъ по его описанію, везиръ, также какъ и халифъ, отдѣлялся отъ общей процессіи. Трудно сказать, пропускалъ-ли халифъ мимо

себя лишь кортежъ везира или всю процессію. О значеніи *سكع*, «привѣтствовать наклономъ головы» см. Dozy, Supplément, 668. Тотъ знакъ, который являлся отвѣтомъ халифа, по тексту, бывалъ обращаемъ лишь къ везирамъ военнаго званія; бывали-же везиры и изъ гражданскихъ чиновниковъ. Объ этой должности см. Sacy, Chrestomathie arabe, I, 126—127 и Макризи I, ۴۳۹, ۳ слѣд. Отмѣтимъ здѣсь-же, что слова *سلام* и *خدمة*, означающія выраженіе привѣтствія, все-же различаются. *سلام*, по основному значенію, есть произнесеніе опредѣленной привѣтственной формулы; *خدمة*, «служба», есть выраженіе опредѣленнаго дѣйствія — поклона, паденія ницъ и пр. Поэтому папр. *سكع* относится нами къ *خدمة* въ церемональномъ его значеніи и поэтому мы въ текстѣ неоднократно переводили *يسلم* «привѣтствовать словесно», отмѣчая этимъ существенное содержаніе слова, хотя *سلام* и могъ сопровождаться жестами. Когда въ нашемъ текстѣ говорится о жестѣ халифа, *безъ словъ* — *يشير اليه بالسلام*, то это, думаемъ, не можетъ служить опроверженіемъ нашего мнѣнія: слово *خدم* нельзя было, по самому значенію его, примѣнять къ халифу. Фраза «выражали ему почтеніе» имѣется у Макризи (*بعد خدمة المذكورين له*) и Калькашанди. У Ибн-ал-Мамуна, ۴۴۹, ۱ сл., сохранилось упоминаніе о дѣйствіяхъ халифа по возвращеніи въ покой. Онъ черезъ «Длинные портики» и при чтеніи встрѣчавшимися его чтецами Корана, проходилъ въ сокровищницу избранныхъ одеждъ и мѣнялъ тамъ платье, потомъ поклонялся могиламъ предковъ и только потомъ отдыхалъ.

37) Опредѣленные мѣста, съ которыхъ уѣзжали везиръ и его свита, упомянуты нами выше, при комментаріи шествія везира. По Макризи везиръ также слѣзалъ на особое «возвышеніе», *على كرسى*. «Прощались съ нимъ» перевели мы заключительную фразу; у Макризи и Калькашанди стоитъ выраженіе, тожественное упомянутому прощанію съ халифомъ (*فخرمه الجماعة* и *Ehrerbietung*), тогда какъ у Ибн-Тагрибирди — *فيسلمون*.

38) Слово *الدرهم* опредѣлено въ текстѣ *الدورة المتسقلة*. Переводъ этого мѣста былъ уже данъ у H. Sauvage, Matériaux pour servir à l'histoire de la numismatique et de la métrologie musulmanes (extrait du Journal Asiatique), Paris, 1882, 230—231. О «круглыхъ» динарахъ см. у него-же, 219. О *رباعى* у него-же, 157 suiv. (ср. Dozy, I, 504); о *قيراط*, 102 suiv.; о *درهم*, 79 suiv.; о *دينار*, 72 suiv. Въмѣсто *تبركا* Ибн-Тагрибирди, у Макризи стоитъ *مبلغ الخليفة من مملكة البرمكية*, при чемъ въ рукописи Учебнаго Отдѣленія вмѣсто *البرمكية* — *البركة*, т. е. «въ видѣ благословенія, изъ суммъ халифа». Заключительная фраза объ общей суммѣ

новогодняго подарка не имѣется у Ибн-Тагрибирди. Sauvage, ссылаясь на Булакское изданіе Макризи (I, 450), относитъ эту фразу къ Ибн-ал-Мамуну, упоминанія о которомъ, однако, нѣтъ въ текстѣ; тамъ стоитъ лишь قال, которое мы считаемъ заключительнымъ словомъ цитаты, а не началомъ новой. Дополненіе же это, оканчивающееся *والله تعالى اعلم*, мы относимъ къ Макризи. Калькашанди заключаетъ свое сообщеніе извѣстіемъ о томъ, что въ провинціи сообщали о новогоднемъ выѣздѣ халифа такъ же, какъ въ его время о высотѣ воды въ Нилѣ и скачкахъ; изъ этого можно заключить, что новогодній выѣздъ уже не справлялся во время Калькашанди.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

О нѣкоторыхъ сокровищницахъ Фатымидскихъ халифовъ.

Описаніе сокровищницъ у Макризи. Сокровищница книгъ. Сокровищницы драгоценныхъ камней, ароматовъ и рѣдкостей. Наслѣдства дочерей халифа Муъиза, Рашиды и Абды. Сокровищница ковровъ и утвари. Сокровищница шатровъ. Сокровищница снадобій. Сокровищница знаменъ.

При переводѣ описанія торжественнаго выгѣзда, мы имѣли уже случай говорить въ примѣчаніяхъ о нѣкоторыхъ сокровищницахъ Фатымидскихъ халифовъ. Нами были упомянуты слѣдующія — сокровищница оружія въ прим. 9, сокровищница сѣделъ въ прим. 11 и сокровищницы одеждъ въ прим. 15. Этими сокровищами, однако, вовсе не исчерпывалось то богатство различными предметами, которымъ справедливо славилась казна Фатымидскихъ халифовъ¹⁾. Тотъ-же Макризи даетъ перечень находившихся въ Большомъ Дворцѣ и внѣ его сокровищницъ — **كـ•اـ,ر** сл. Далѣе онъ даетъ подробныя описанія этихъ сокровищницъ, частью которыхъ мы уже воспользовались. Выше мы уже говорили, что пространныя выписки изъ этихъ описаній были даны E. Quatremèrè'омъ въ *Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte, Tome II, 366 suiv.* Въ виду того, однако, что эти выписки были сдѣланы около ста лѣтъ тому назадъ, такъ что могли бы быть снова просмотрѣны при существованіи новыхъ пособій, а особенно въ виду того, что описанія этихъ сокровищницъ могутъ дополнить описаніе новогодняго выгѣзда, мы въ этомъ приложеніи даемъ пересказъ описаній богатствъ Фатымидскихъ халифовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пытаюсь сообщить содержаніе и тѣхъ мѣстъ, которыя, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, были оставлены Quatremèrè'омъ безъ перевода. Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что, интересуясь въ данномъ

1) Нѣкоторыя замѣчанія о сокровищницахъ ихъ преемниковъ, Мамлюкскихъ султановъ, см. Quatremèrè, *Mamlouks*, I, 1, 162 и II, 1, 115.

случаѣ предметахъ вѣшняго быта, мы исключительно займемся относящимся къ нему описаніями, оставляя въ сторонѣ иныя, упоминаемыя въ этихъ главахъ сообщенія. Кромѣ того, о нѣкоторыхъ сокровищницахъ мы лишь упомянемъ, въ виду того, что Quatremère достаточно точно пересказалъ описаніе ихъ.

Прежде всего описывается у Макриси «сокровищница книгъ», خزانة الكتب, ۴۰۸—۴۰۹; переводъ былъ давнѣ Quatremère'омъ на стр. 383—388¹⁾. Тѣ сообщенія, которыя мы имѣемъ у Quatremère'a, соответствуютъ тексту Булакскаго изданія. Если и возможно иногда указать небольшія различія, то они по существу не важны. Такъ какъ эта сокровищница, по своему специальному характеру, не имѣетъ отношенія къ предметамъ вѣшняго быта, мы ограничиваемся тѣмъ, что отсылаемъ читателей къ соответствующимъ страницамъ перевода Quatremère'a.

Слѣдующая сокровищница (۴۰۹ слѣд.), خزانة الكسوات, уже упомянута нами въ прим. 14, а также въ приложеніи о раздачѣ почетныхъ одеждъ (см. прил. II). Quatremère о ней никакихъ данныхъ не сообщилъ.

خزائن الجوهر والطيب والطرائف (۴۱۴ сл.), сокровищницы драгоценныхъ камней, ароматовъ и рѣдкостей, описаніе которыхъ слѣдуетъ за сокровищницей одеждъ и даетъ, едва-ли, не наиболѣе интересное по диковинкамъ сообщеніе о богатствахъ художественной промышленности въ Капрской казнѣ, были разобраны Quatremère'омъ весьма подробно, pp. 366—375. Въ виду большого интереса этого описанія, мы предлагаемъ вторично пересказать его. Исключительно интересуясь вѣшне-бытовыми данными, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи оставляемъ въ сторонѣ тѣ политическія событія и связанныхъ съ этими событіями лицъ, о которыхъ въ томъ или иномъ мѣстѣ текста говоритъ Макриси. Въ томъ-же случаѣ, когда говорится о лицахъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ предметамъ, мы не считали возможнымъ выпускать эти упоминанія.

Прежде всего, отмѣчаемъ источникъ, изъ котораго черпалъ Макриси свои сообщенія. Quatremère даетъ описанія какъ цитату изъ Ибн-ал-Мамуна; у Макриси-же лишь первыя двѣ строки являются цитатой изъ Ибн-ал-Мамуна, дальнѣйшее-же цитруется изъ كتاب الخزائن والتحف, «книги диковинокъ и подарковъ». Ибн-ал-Мамунъ сообщаетъ лишь, что въ этой сокровищницѣ хранились значки (الأعلام) и драгоценныя камни, которые служили халифу при выѣздѣ его во время различныхъ праздниковъ; тамъ

1) Ср. также его извѣстія о библиотекѣ въ сирійскомъ Триполіи, pp. 506—507 и статью его-же Mémoire sur le goût des livres chez les Orientaux въ Mélanges d'histoire et de philologie orientale, Paris, 1857, 18 suiv.

же хранились халифскій мечъ и три коня Му'изза. Последніе предметы были уже упомянуты при описаніи новогодняго выѣзда. Далѣе слѣдуетъ описаніе, сохранившееся въ *كتاب الزخائر و التحف*. Описанія этой книги, данныя по особому случаю, могутъ быть сведены въ нашихъ цѣляхъ къ ряду перечисленій разнообразнѣйшихъ, хранившихся тамъ предметовъ, хотя конечно эти описанія не могутъ быть полнымъ описаніемъ того, что хранилось тамъ. Мы находимъ слѣдующія описанія: — Сундукъ съ семью «муддами» (мѣра вѣса отъ 1½ до 2 фунтовъ) изумрудовъ, цѣной, самое меньшее, въ триста тысячъ динаровъ. Ожерелье изъ драгоценныхъ камней, стоимостью, самое меньшее, въ восемьдесятъ тысячъ динаровъ. Драгоценныя жемчужины¹⁾, вѣсомъ въ семь «вайбъ» (мѣра содержащая 22 или 24 «мудда»). Тысяча двѣсти золотыхъ и серебряныхъ колецъ, со вставленными въ нихъ драгоценными камнями различныхъ цвѣтовъ и различныхъ цѣнъ; среди этихъ колецъ были три четырехугольные, золотые, съ тремя же драгоценными камнями; а драгоценные камни, вставленные въ нихъ были: въ одномъ — изумрудъ, въ другомъ — яхонтъ *суммакійскій*²⁾, въ третьемъ — яхонтъ *руманийскій*³⁾. Мѣшокъ, наполненный драгоценными камнями, вѣсомъ приблизительно въ «вайбу»⁴⁾, которые халифъ Хакимъ купилъ за семьсотъ тысячъ динаровъ⁵⁾. Сундукъ, наполненный сосудами въ родѣ сосудовъ для пива⁶⁾, сдѣланными изъ чистаго хрустала, съ рисунками и безъ нихъ. Различные сосуды—хрустальные и эмалевые; на бокахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ были надписи, — именъ халифовъ (напр. Азиза)⁷⁾ и пр. Золотыя блюда съ эмалевыми украшеніями и безъ нихъ, съ различнаго рода и различныхъ цвѣтовъ рисунками. Семнадцать тысячъ подложенныхъ шелкомъ, украшенныхъ золотомъ, имѣвшихъ различныя формы футляровъ для сосудовъ. Болѣе ста кубковъ изъ безоара, яшмы⁸⁾ и т. п., на большей части которыхъ находились надписи съ именемъ Харуна-ар-Рашида. Зна-

1) Присланныя ас-Салихи, при чемъ у Quatremère'a пояснено, быть можетъ по имѣвшейся у него рукописи Макризи,—émir de la Mecque. О нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ описаній этой сокровищницы см. Kremer, Culturgeschichte, II, 301—302.

2) *سماقی*, по Quatremère'у balai. См. Dozy, Supplément, I, 686 и BGA, IV, 264. У Clément-Mullet этотъ сортъ яхонта не опредѣленъ.

3) *رمانی*, гранатовый, по Quatremère'у spinel. У Clément-Mullet этотъ сортъ яхонта не опредѣленъ.

4) У Quatremère'a, вѣроятно ошибочно, un mudd de pierreries.

5) У Quatremère'a six cent mille dinars.

6) См. о сосудѣ *فقاءة*—Dozy, Supplément, II, 274.

7) Хрустальный сосудъ съ именемъ халифа Азиза дошелъ до насъ — сопоставленіе извѣстій см. Stanley Lane Poole, Art of the Saracens, 194.

8) Въ текстѣ *نصب*, не дающее смысла и исправляемое въ *يصب*. Ср. Kremer, Culturgeschichte, 302, anm. 1.

чительное количество больших сундуковъ, наполненныхъ украшенными золотомъ и серебромъ ножами, съ ручками изъ различныхъ драгоценныхъ камней. Большіе сундуки, наполненные чернильницами, четырехъугольными и круглыми, малыми и большими, сдѣланными изъ золота, серебра, сандала, алое, эбеноваго дерева изъ страны Зинджей¹⁾, слоновой кости и различныхъ сортовъ дерева, украшенными драгоценными камнями, золотомъ, серебромъ, замѣчательнаго вида и тонкой работы, со всѣми ихъ принадлежностями; бывали цѣной въ тысячу динаровъ, не считая украшавшихъ ихъ драгоценныхъ камней. Сундуки, наполненные кувшинами изъ золота и чернаго серебра, большими и малыми, прекрасной работы, а также значительнымъ числомъ большихъ разноцвѣтныхъ фарфоровыхъ амфоръ, наполненныхъ Фансурійской камфорой²⁾, чашъ съ Шихрской амброй, вазъ³⁾ и сосудовъ съ тибетскимъ мускусомъ, и кусковъ алое.

Слѣдующее далѣе краткое описаніе оставшагося отъ дочерей халифа Му'изза Рашиды и Абды наслѣдства, перешедшаго въ казну халифа Мустансыра, также заслуживаетъ упоминанія. Quatremère далъ неполный пересказъ этого отрывка въ другомъ мѣстѣ своей статьи—pp. 311—312. Изъ наслѣдства, оставшагося отъ первой, упоминаются у Макризи—тридцать одеждъ, сдѣланныхъ изъ бархата съ короткимъ ворсомъ⁴⁾; двѣнадцать тысячъ одноцвѣтныхъ одеждъ; сто сосудовъ⁵⁾, наполненныхъ Фансурійской камфорой; тюрбаны⁶⁾ съ принадлежавшими къ нимъ драгоценными камнями; шатеръ изъ чернаго бархата, который принадлежалъ Харуну-ар-Рашиду и въ которомъ онъ умеръ въ Тусѣ. Среди предметовъ, оставшихся отъ Абды, упоминаются—четыреста ящиковъ для книгъ; тысяча триста издѣлій изъ эмали съ черненымъ серебромъ⁷⁾; четыреста мечей, украшенныхъ золотомъ; тридцать тысячъ кусковъ сицилійскихъ тканей; изумрудовъ въсомъ «ирдаббъ» (мѣра въ пять четвериковъ, равная 6 «вайбамъ») и прочіе драгоценные камни; флаконъ изъ краснаго яхонта, въсомъ въ

1) Восточной Африки, Занзибара.

2) Въ текстѣ *قيصوري*, исправляемое нами въ *فانصوري*. Объ этой камфорѣ см. E. Dulaurier, Note sur l'origine et les différentes espèces de camphre, d'après les auteurs arabes, Journal Asiatique, IV série, t. VIII, Paris, 1846, pp. 215—220; Yule-Burnell, Hobsou-Jobson, 151; van der Lith, Merveilles de l'Inde, 221,—тамъ-же 219—220 *شجر*.

3) О сортѣ мускуса *نفاجی* см. Dozy, Supplément, II, 694.

4) *خز مقطوع*—см. Karabacek, Susandschird, 32, ann. 36.

5) *قاطر مینز*, Dozy, Supplément, II, 366.

6) *معيمات*, Dozy, Supplément, II, 169; нашъ текстъ подтверждаетъ упоминаемое здѣсь предположеніе Sacy.

7) *ثلاثمائة قطعة مینا فضة مخرقة*. Переводъ Quatremère'a—treize cents vases d'argent, émaillé et ciselé.

двадцать семь мискалей; девяносто тазовъ и девяносто водолеевъ изъ чистаго хрусталя.

Возвращаясь къ перечисленіямъ находившагося въ сокровищницѣ, текстъ отмѣчаетъ различныя фарфоровыя издѣлія — разукрашенные, большіе, фарфоровыя сосуды (الجاجين), каждый изъ которыхъ былъ на трехъ ножкахъ, изображалъ собою какого-нибудь дикаго звѣря, напр. льва¹⁾, стоилъ тысячу динаровъ и предназначался для мытья одежды; корзины²⁾, наполненныя фарфоровыми яйцами. Изъ другихъ предметовъ упоминаются далѣе: — Золотая цыновка вѣсомъ въ восемнадцать ритловъ, относимая преданіемъ ко времени брака халифа Мамуна съ дочерью везира Хасана-ибн-Сахла, Буранъ³⁾. Эмалевыя блюда въ числѣ двадцати восьми съ золотыми украшеніями, на подставкахъ (بکعوب?), присланныя греческимъ царемъ халифу Азизу; каждое изъ нихъ стоило три тысячи динаровъ. Сундуки, наполненные зеркалами изъ желѣза, фарфора и эмальированнаго стекла, разукрашенными золотой филигранью и серебромъ, а нѣкоторые — драгоценными камнями, въ футлярахъ изъ *кимухта*, различныхъ сортовъ шелка, бамбука и прочаго дерева, съ золотыми и серебряными запорами; ручки-же этихъ зеркалъ были изъ корналина и тому подобныхъ матеріаловъ. Зонтики съ золотыми и серебряными ручками. Различныя, прекрасно сдѣланныя серебряныя издѣлія, украшенныя золотомъ, изъ которыхъ одинъ предметъ вѣсилъ иногда пять тысячъ дирхемовъ. Шахматы и *нарды* (триктракъ), сдѣланные изъ различныхъ драгоценныхъ камней, золота, серебра, слоновой кости и эбеноваго дерева, съ шелковыми, вышитыми золотомъ кусками матеріи вмѣсто досокъ. Четыреста большихъ корзинъ съ различными, украшенными золотомъ ювелирными издѣліями. Четыре тысячи украшенныхъ золотомъ сосудовъ для нарциссовъ и двѣ тысячи такихъ-же — для фіалокъ.

1) Quatremère и Schack, Poesie und Kunst der Araber, II, 165 (у котораго ошибка въ ссылкѣ на Макризи — не I, 410, а I, 415), относили изображенія дикихъ звѣрей не къ сосудамъ, а къ ножкамъ ихъ. Возможно, однако, въ виду сообщенія о назначеніи этихъ сосудовъ, что передъ нами упоминаніе о *фигурныхъ водолеяхъ*. Ср. впрочемъ ЗВО, XIV, 0109.

2) Таково, думаемъ мы, значеніе тутъ слова افتحاش, а не sages, какъ у Quatremère'a.

3) У Quatremère'a это имя ошибочно передано Tougan. Объ этомъ же бракѣ и связанныхъ съ нимъ разсказахъ у арабскихъ писателей, упоминающихъ также и приводимую у Макризи золотую цыновку, см. сообщенія напр. Ibn Khallikan's, Biographical Dictionary, transl. from the arabic by Baron Mac Guckin de Slane, vol. I, Paris, 1842, 268 suiv.; Prolégomènes historiques d'Ibn Khaldoun, tr. par Mac Guckin de Slane, Notices et Extraits des manuscrits, t. XIX, Paris, 1862, 352—353; Latâifo 'l-ma'arif, auctore at-Thâ'ilibi, pp. ۷۲—۷۴.

Спеціально въ отдѣлѣ рѣдкостей (خزينة الطرائف), среди различныхъ предметовъ, описаніе отмѣчаетъ: — Фигурки изъ амбры, въ числѣ двадцати двухъ тысячъ, вѣсомъ каждая около двѣнадцати «манновъ» (мѣра вѣса въ два *رطل*, фунта) и болѣе. Восемьсотъ дынь изъ камфоры. Шапочка¹⁾, усыпанная драгоцѣнными камнями, представлявшая собою одну изъ самыхъ замѣчательныхъ вещей въ халифскихъ сокровищницахъ, стоявшая сто тридцать тысячъ динаровъ и вѣсъ драгоцѣнныхъ камней которой равнялся семнадцати ритламъ; среди этихъ камней были — Бадахшанскій рубинъ (بالخش), вѣсомъ въ двадцать три мискаля и сто жемчужныхъ зеренъ, каждое вѣсомъ въ три мискаля.

Въ отдѣлѣ ароматовъ (خزينة الطيب) упоминаются: — Пять шестовъ индійскаго алоэ, длиной отъ девяти до десяти локтей. Зерна Фансурійской камфоры. Куски амбры. Фарфоровые поставцы²⁾ на трехъ ножкахъ, вмѣщавшіе каждый двѣсти ритловъ ѣды. Значительное количество кусковъ квасцовъ и безоара. Различные хрустальные и иные сосуды. Печать изъ *надда* (родъ аромата) въ тысячу мискалей, съ надписями, сдѣланная при Буидѣ Фахр-ад-даулѣ (въ Реѣ, Хамаданѣ и Исфаханѣ, 366—387—976—997). Золотой павлинь, выложенный драгоцѣнными камнями, съ глазами изъ краснаго яхонта и перьями изъ украшеннаго золотомъ эмальированнаго стекла, подъ цвѣтъ перьевъ павлина. Золотой пѣтухъ, съ гребнемъ изъ краснаго яхонта, усыпанный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ глазами изъ яхонта. Газель, усыпанная драгоцѣнными жемчужинами и камнями, съ бѣлымъ животомъ, выложеннымъ жемчугомъ. Ящикъ для хрустальныхъ мисокъ въ бамбуковомъ футлярѣ. Дыня изъ камфоры въ золотомъ плетенomъ футлярѣ, усыпанномъ драгоцѣнными камнями. Кусокъ амбры, называвшійся «ягненокъ», вѣсомъ, безъ золотого футляра, восемьдесятъ «манновъ». Еще дыня изъ камфоры, въ золотомъ, вѣсомъ въ три тысячи мискалей, футлярѣ. Столъ изъ яшмы³⁾ большихъ размѣровъ, съ ножками изъ того-же матеріала. Яйцо изъ Бадахшанскаго рубина, вѣсомъ въ двадцать семь мискалей, чище цвѣтомъ, чѣмъ красный яхонтъ. Особый сосудъ (قاطرميز) изъ хрустала. Большой столъ изъ агата, съ ножками изъ него-же. Золотая пальма, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, стоявшая въ золотомъ сосудѣ (الجانة). Галеры для торжественныхъ выѣздовъ. Особое произведеніе ювелирнаго искусства — садъ, земля котораго

1) كلوتة—Dozy, Vêtements, 387 и Supplément, II, 482.

2) Ср. متارد, متارد — Dozy, Supplément, I, 158—159. У Quatremère'a un buffet de porcelaine.

3) Вѣсто стоящаго въ текстѣ نصب, не дающаго смысла, мы читаемъ نصب, яшма (см. Clément-Mullet, Minéralogie, 226 suiv.).

Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XVII.

была сдѣлана изъ украшеннаго золотомъ, черненаго серебра, а также *надда* (особый ароматическій составъ), дерева — изъ украшеннаго золотомъ серебра, а плоды — изъ амбры и тому подобнаго; садъ этотъ вѣсилъ триста шесть ритловъ. Дыня изъ камфоры, вѣсомъ въ шестнадцать тысячъ мискалей. Голубые яхонты, вѣсомъ каждый въ семьдесятъ дирхемовъ. Изумруды, вѣсомъ каждый въ восемьдесятъ дирхемовъ. Изумрудныя ручки зеркалъ, длинныя и массивныя.

Таково было содержаніе этой богатѣйшей сокровищницы халифскаго дворца, заключавшей, какъ мы видѣли, не только различныя художественныя рѣдкости, но и часть инсигній халифскаго достоинства.

Слѣдующая, упоминаемая у Макризи сокровищница носила названіе «сокровищницы ковровъ и утвари» (*خزانة الفرش والامتعة*, Макризи, ۴۱۶—۴۱۷; Quatremère, 375—378). Описываемые въ ней предметы также заслуживаютъ упоминанія. По словамъ «Книги рѣдкостей» (*كتاب الرخاير*) тамъ между прочимъ были: — Подушки изъ красной *хусраванійской* ткани, изъ ткани *каламунг*¹⁾, изъ ткани *сандусъ*²⁾. Мѣшки съ кусками разныхъ тканей; эти ткани были шитыя золотомъ и съ разнообразными узорами; такъ, въ одномъ мѣшкѣ была *хусраванійская*, красная, шитая золотомъ ткань съ изображеніями слоновъ, — лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ноги слоновъ, ткань не была вышита золотомъ. Три тысячи кусковъ красной *хусраванійской* ткани, вышитой бѣлымъ. Тамъ же находились и разнаго рода ковры: изъ тканей *каламунг*, *дабик*, бархата, шелка и т. д., различныхъ видовъ и цвѣтовъ. *Саманскія* цыновки и рогожки, расшитыя разными узорами золотомъ и серебромъ и не расшитыя. Затѣмъ, *مقرمة* т. е. по объясненію нашего текста — завѣса изъ зеленого, шитаго золотомъ *сандуса*, причемъ цифра, стоявшая на мѣшкѣ съ этой завѣсой — сто восемьдесятъ восемь — даетъ понятіе о громадномъ числѣ подобныхъ, хранившихся въ сокровищницѣ мѣшковъ. Большое число шелковыхъ, тканыхъ золотомъ завѣсъ, различныхъ цвѣтовъ и различной длины, съ изображеніями разныхъ царей и знаменитыхъ людей; при каждомъ изображеніи были написаны имя, время жизни и біографія³⁾. Въ отдѣленіи ковровъ упоминаются четыре тысячи свертковъ изъ шитаго золотомъ *хусравани*; въ каждомъ сверткѣ были ковры⁴⁾. Кусокъ *Тустерско-Куркубійской* ткани изъ голубого шелка,

1) Dozy, Supplément, I, 6. Ср. Насыри-Хосроу, 111, 113, 114; ۳۷, с, го слѣд.

2) O سندس см. R. Dvořák, Ueber die Fremdwörter im Korān, Sitzungsberichte der Wiener Akademie, Phil.-hist. Classe, B. 109, 1885, 547—552.

3) У Quatremère'a ستور неправильно переведено tapis.

4) Въ текстѣ — فرش مجلس بيسطه و تعاليفه و سائر آلاته — такъ что, если تعاليفه разсматривать какъ бахрому, то بيسط, по тексту — часть فرش, можно считать ковромъ безъ

тканого золотомъ и разноцвѣтными шелками, сработанный по приказу халифа Му'изза, въ 353 году (964 по Р. Х.); на немъ были изображены различныя области земли, горы, моря, города, рѣки, дороги, какъ на географической картѣ; тамъ были изображены и Мекка съ Мединой; при каждой мѣстности стояло названіе — изъ золота, серебра и шелка; за работу этой ткани были уплочены двадцать двѣ тысячи динаровъ. Палатка изъ красной протканной золотомъ матеріи, сдѣланная для халифа Муте-ваккиля.

Слѣдующія, описываемыя у Макризи сокровищницы — оружія (كۛۛۛ) и сѣдель (كۛۛۛ) были уже приведены нами въ примѣчаніяхъ 9 и 11. Поэтому, мы, оставляя ихъ, переходимъ прямо къ «сокровищницамъ шатровъ» (خزائن الخيم, كۛۛۛ—كۛۛۛ; у Quatremère'a 380—383).

По сообщенію «Книги рѣдкостей» въ Фатымидской сокровищницѣ шатровъ хранились разнообразныя виды ихъ¹⁾. Были шатры, сдѣланные изъ разныхъ драгоценныхъ тканей, различнаго вида и цвѣта, узоры которыхъ перечисляются: слоны, львы, лошади, павлины и прочія птицы, и хищныя звѣри, и различныя человѣческія изображенія. Такими-же драгоценными тканями были обиты эти шатры и внутри. Всѣ они были снабжены необходимыми принадлежностями, какъ-то столбами, покрытыми серебряными стержнями²⁾ и пр. Были экземпляры для перевозки одного изъ которыхъ требовалось двадцать верблюдовъ. Какъ образцы такихъ шатровъ приводятся различныя, исключительныя по размѣрамъ шатры. Прежде всего, четырехугольный шатеръ съ четырьмя стѣнами и крышей³⁾, имѣвшій шесть столбовъ, изъ которыхъ два дополнительныхъ столба укрѣплялись у той стѣны, которая поднималась для входа и выхода изъ шатра, т. е. служившей дверью. Затѣмъ большой круглый шатеръ, поддерживавшійся однимъ столбомъ, высотой въ шестьдесятъ пять локтей, состоявшій изъ шестидесяти четырехъ частей, укрѣплявшихся застежками и шнурами и перевозившихся на сотни верблюдовъ; этотъ шатеръ сдѣлали по приказу везира Язури сто пятьдесятъ мастеровъ, въ теченіе девяти лѣтъ и онъ обошелся въ тридцать тысячъ динаровъ; этотъ шатеръ былъ сдѣланъ на подобіе шатра «Катуля» (القائول; о немъ ниже), устроеннаго при халифѣ Азизѣ, но этотъ шатеръ Язури имѣлъ столбъ выше и былъ шире, больше и красивѣе; поддерживав-

бахромъ, что до сихъ поръ не было указано. Въ текстахъ فرش و بسطъ встрѣчаются рядомъ. Это мѣсто у Quatremère'a не было переведено.

1) Объ этой сокровищницѣ см. Kremer, Culturgeschichte, II, 298—300.

2) المعصاة انابيب الغضة الاعمدة الملبسة انابيب الغضة, colonnes couvertes d'argent у Quatremère'a.

3) О немъ у Quatremère'a не сообщается.

ший этот шатеръ столбъ былъ одинъ изъ двухъ столбовъ, за которыми халифъ Мустансыръ посылалъ въ Румъ и который все-же былъ надрѣзанъ на пять локтей. Шатеръ, сдѣланный въ Тиннисѣ для халифа Азиза и прозванный «домъ-дыня» (دار البطيخ), на шести столбахъ, съ четырьмя изъ нихъ по угламъ; въ углахъ были павильоны, заключенные подъ общую круглую крышу; каждый павильонъ имѣлъ, какъ и весь шатеръ, четыре столба, длиной въ восемнадцать локтей — равнявшихся длинѣ столбовъ шатра¹⁾. Шатеръ, сдѣланный въ Тиннисѣ-же для халифа Захира. Среди слѣдующихъ шатровъ заслуживаетъ упоминанія большой, круглый шатеръ, сдѣланный въ Халебѣ, около 440 г. (1048 — 1049 по Р. X.) и стоявшій тридцать тысячъ динаровъ; столбомъ для него была взята самая большая мачта съ венеціанскихъ судовъ (*дромонъ*), высотой въ сорокъ локтей; для перевозки его требовалось семьдесятъ верблюдовъ, разставляли его двѣсти прислужниковъ и по виду своему онъ походилъ на «Катуль», шатеръ, прозванный такъ (т. е. «постоянно убивающій») потому, что при разставовкѣ его всегда происходили несчастные случаи, результатомъ которыхъ бывала смерть одного или двухъ прислужниковъ. Со словъ Ибн-Мисара передается, что и везиръ Афдалъ сдѣлалъ стоявшій десять тысячъ динаровъ и воспѣвавшійся поэтами шатеръ, прозванный «шатромъ радости» (خيمة الفرح).

Слѣдующее краткое описаніе касается *خزانة الشراب*, «сокровищницы питья» (۴۲۰), о которой нѣтъ сообщеній у Quatremère'a. Сообщенія Макризи (цитаты изъ Ибн-ал-Мамуна и Ибн-ат-Тувайра), не дающія подробныхъ описаній, отношенія къ вышнему быту, въ частности-же къ церемоніалу выѣзда, не имѣютъ.

Подробнѣе и съ частностями, не лишенными интереса для новагодняго выѣзда, какъ и всякой церемоніи Фатымидскихъ халифовъ, дано описаніе слѣдующей сокровищницы, *خزانة التوابل*, «сокровищницы сладостей» (۴۲۰), не упомянутой у Quatremère'a. Описаніе это приводится какъ цитата изъ Ибн-ал-Мамуна. Ежегодная трата на эту сокровищницу составляла сумму въ пятьдесятъ тысячъ динаровъ. Количество раздававшихся душистыхъ сладостей дается въ текстѣ въ слѣдующемъ порядкѣ. — Для халифа (*الحاصّ الشريف*) шло каждый мѣсяцъ: тридцать мискалей тройного *надда* (соргъ духовъ, существенной составной частью которыхъ была

1) Уподобленіе шатра *كنيس* и названіе павильоновъ *قبّة* наводитъ насъ на мысль, что шатеръ былъ построенъ, какъ подражаніе христіанской церкви (*كنيس*) съ ея притворами (*قبّة*), подъ общей кровлей-куполомъ. Объ этомъ шатрѣ Quatremère не говоритъ ничего.

амбра), сто пять дирхемовъ Санфійскаго ¹⁾ алое, пятнадцать дирхемовъ старой камфоры, десять мискалей амбры ²⁾, двадцать дирхемовъ шафрана, тридцать ритловъ розовой воды. Какъ духи халифской залы (المجلس الشريف) въ дни пріема, на каждый мѣсяць: десять мискалей тройного *надда*, двадцать дирхемовъ Санфійскаго алое, восемь дирхемовъ старой камфоры, десять дирхемовъ индійскаго ³⁾ шафрана. Ароматы для халифской бани, каждую ночь накануне четырехъ ежемѣсячныхъ пятничныхъ молитвъ: четыре мискаля тройного *надда*, десять мискалей Санфійскаго алое. Для родни халифа ежемѣсячно шло: тридцать пять мискалей тройного *надда*, сто двадцать дирхемовъ Санфійскаго алое, пятьдесятъ дирхемовъ индійскаго шафрана, двадцать мискалей амбры, двадцать дирхемовъ старой камфоры, пятнадцать мискалей мускуса, сорокъ ритловъ розовой воды. Для халифскаго стола: пятнадцать мискалей мускуса, пятнадцать ритловъ розовой воды. Для сокровищницы питья: три мискаля мускуса, семь мискалей тройного *надда*, тридцать пять дирхемовъ Санфійскаго алое, двадцать ритловъ розовой воды. Для куренія во время шести процессій — двухъ службъ въ Рамаданъ въ двухъ соборныхъ мечетяхъ въ Кахирѣ: въ мечети Азхаръ и въ мечети Хакима; двухъ праздниковъ (день розговѣнья, *يوم النطر* и день жертвоприношенія, *يوم النحر*); «дня пруда» (*عيد الغدير*) (специально шиитскій праздникъ Фатымидовъ) и начала года (*أول السنة*) — полагалось большое количество лучшаго *надда* ⁴⁾. Курившихъ ароматами въ процессіяхъ было шестеро: три шли съ правой стороны и три съ лѣвой. Каждый изъ нихъ былъ подпоясанъ и держалъ въ рукавѣ уголь для того, чтобы зажигать курильницы. Эти послѣднія были сдѣланы изъ серебра. Лицо, несшее серебряный ящикъ съ куреніемъ, было однимъ изъ начальниковъ государственной казны. Онъ, во время шествія, шелъ между воскуривавшими и собственноручно клалъ въ курильницы ароматы. И по смерти одного изъ курившихъ ароматами, замѣщалъ его только человекъ, присвоившій въ даръ серебряную курильницу. Это было установлено потому, что эти лица получали большой доходъ при церемоніяхъ, идя въ процессіяхъ вблизи халифа. Во время церемоній, кромѣ упомянутыхъ курильницъ, курились еще ароматы на особыхъ серебряныхъ блюдахъ, въ

1) Мы предпочитаемъ читать *الصنغى* вмѣсто *الصينغى*, какъ въ текстѣ; извѣстенъ сортъ *العود الصينغى* напр. Dozy, Supplément, II, 186; о мѣстности *صنغ* см. van der Lith, *Le livre des merveilles de l'Inde*, Index géographique, 220.

2) *عنبر خام*, Dozy, Supplément, I, 419.

3) *شعري*, Dozy, Supplément, I, 593.

4) Для дня «открытія канала» Насыри-Хосроу даетъ описаніе воскуривенья евану-хами, шедшими въ процессіи, амбры и алое — ۴۸۱; 141.

мечетяхъ; одно изъ нихъ стояло въ михрабѣ, два — по обѣ стороны минбара, четвертое — въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ халифъ. Наконецъ для везира ¹⁾ шло ежемѣсячно слѣдующее количество ароматовъ — пятнадцать мискалей тройного *надда*, шестьдесятъ дирхемовъ Санфійскаго алое, шесть мискалей амбры, восемь дирхемовъ камфоры, десять дирхемовъ индійскаго шафрана, пятнадцать рятловъ розовой воды. Слѣдующее далѣе описаніе выдававшихся яствъ, не имѣющее никакого отношенія какъ къ выѣзду, такъ и къ предметнымъ богатствамъ халифской казны, равно какъ описанія нѣкоторыхъ небольшихъ сокровищницъ на стр. ۴۲۲, мы выпускаемъ.

Подробнаго описанія хранившихся въ сокровищницѣ знаменъ, خزائن البنود, предметовъ Макризи не даетъ. Немногое, наиболѣе интересное съ точки зрѣнія исторіи внѣшняго быта, было дано Quatremèrè'омъ, 379—380. Описанію предшествуетъ опредѣленіе слова البنود (составныя части котораго именуется الرايات و الأعلام, тожественное употребительному во времена Макризи العصائب السلطانية ²⁾), знамена — инсигній власти. Цитата изъ كتاب الزخائر و التحفъ указываетъ ежегодный расходъ на эту сокровищницу отъ семидесяти до восьмидесяти тысячъ динаровъ и перечисляетъ нѣкоторые предметы, хранившіеся также въ этой сокровищницѣ — кувшины съ нефтью, трубки для бросанія ея же, щиты, мечи, копыя, стрѣлы, а также серебряныя копыя, шитыя золотомъ одежды, разукрашенныя знамена, сѣдла, уздечки и т. д.

Заключительное описаніе придворной кухни (دار الفطرة, ۴۲۵), не имѣющее въ изложеніи Quatremèrè'a, мы также не излагаемъ, за отсутствіемъ въ этой статьѣ данныхъ внѣшняго быта.

Таковы были въ общемъ пересказѣ сохранившихся у Макризи текстовъ, неисчерпаемая вещественная богатства Фатимидской казны, богатства, пользовавшіяся заслуженной славой и окружавшія яркимъ, внѣшнимъ блескомъ египетскихъ халифовъ. Многіе изъ описанныхъ здѣсь предметовъ употреблялись при торжественныхъ церемоніяхъ, а слѣдовательно и при переведенномъ нами торжественномъ выѣздѣ.

1) Въ данномъ случаѣ называется Мамунъ.

2) О которыхъ см. Quatremèrè, Mamlouks, I, 1, 135. Въ переводѣ же его въ Mémoires это опредѣленіе не указано.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Раздача почетныхъ одеждъ изъ халифской казны.

Описание раздачи у Макризи по сообщенію Ибн-ал-Мамуна. Позднѣйшее подобное описаніе. Характеръ текста и пособія для работы надъ нимъ. Два одѣянія халифа. Одѣянія родни его. Одѣянія придворныхъ дамъ. Одѣянія «установъ съ перевязью». Одѣянія главныхъ чиновниковъ. Одѣянія чинновъ, служившихъ во время халифскихъ процессій.

Въ прим. 15-мъ къ нашему переводу мы уже сдѣлали нѣкоторыя, уясняющія нашъ текстъ выписки изъ той главы Макризи, которая посвящена сокровищницамъ одеждъ. Однако, находящаяся тамъ большая цитата изъ Ибн-ал-Мамуна (с. 10, 1 сл.) была оставлена нами безъ перевода потому, что она слишкомъ увеличила бы размѣры примѣчанія и, кромѣ того, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ описанію хранившихся въ этой сокровищницѣ предметовъ. Цитата эта относится у Макризи къ Ибн-ал-Мамуну¹⁾ (وقال ابن المأمون) и повѣствуетъ объ этомъ, существовавшемъ при дворѣ Фатимидовъ церемоніалѣ — раздачѣ различнымъ должностнымъ лицамъ роскошныхъ одеждъ изъ халифской казны (كسوة الشتاء والصيف — Макризи, I, с. 93, 2—3). Описаніе относится ко времени везирата отца Ибн-ал-Мамуна извѣстнаго Мамуна-ал-Батаихи (1121 — 1125 по Р. Х.), при халифѣ Амирѣ. Однако, лишь собственныя имена и, быть можетъ, нѣкоторыя немногія подробности даютъ этому описанію характеръ частнаго случая; остальные части разсказа относятся къ обычаямъ, не ограниченнымъ опредѣленнымъ временемъ, опредѣленными лицами. Церемоніалъ, выработавшійся въ опредѣленную эпоху, не былъ все-же ограниченъ какими-нибудь четырьмя годами везирата Мамуна. Самый текстъ подтверждаетъ сейчасъ сказанное — онъ сравниваетъ церемоніалъ при Мамунѣ съ церемоніаломъ везирата предшественника его Афдала-Шаханшаха (1089—

1) О немъ см. Becker, 23.

1121 по Р. Х.); различіе имѣется лишь въ количествѣ выдававшихся одеждъ.

Въ виду того, что эта цитата даетъ нѣкоторые описанія, могуція служить дополненіемъ къ интересующему насъ тексту торжественнаго выѣзда, мы помѣщаемъ пересказъ ея, въ видѣ приложенія къ нашему переводу. Говоримъ пересказъ потому, что переводъ этой цитаты, не имѣющей во всѣхъ своихъ частяхъ непосредственнаго отношенія къ новогоднему выѣзду, представляется намъ нѣсколько сложнымъ въ виду неудовлетворительнаго состоянія текста (см. глоссу издателей на поляхъ стр. 101), имѣющагося передъ нами лишь въ редакціи Макризи, — у Ибн-Тагририрди и Калькашанди этого описанія не имѣется.

Интересно сравнить этотъ рассказъ съ другимъ, сходнымъ по содержанию и находящемся въ текстѣ и переводѣ у Quatremère, *Mamlouks*, II, 2, 70 — 80. Этотъ рассказъ, называющій лишь группы главныхъ должностныхъ лицъ и не входящій въ подробности относительно каждаго отдѣльнаго чина, какъ то дѣлаетъ нашъ текстъ, относится къ болѣе позднему времени. При сличеніи обоихъ текстовъ, необходимо отмѣтить различіе въ номенклатурѣ бытовыхъ предметовъ. Отдѣльныя же части почетныхъ одѣяній, служившія какъ бы инсигніями того либо иного ранга, въ обоихъ текстахъ совпадаютъ. Этотъ отрывокъ представляетъ собою собственно рядъ перечисленій — во-первыхъ частей различныхъ одеждъ, во-вторыхъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которымъ эти одежды выдавались. Первые перечисленія, дающія отчасти дополненія къ имѣющимся уже у насъ свѣдѣніямъ, представляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительныя затрудненія. Главными пособіями нашими въ этой работѣ являлся извѣстный словарь арабскихъ названій одеждъ, составленный Dozy, и нѣкоторые дополненія, введенныя тѣмъ же ученымъ въ его позднѣе вышедшее дополненіе къ арабскимъ словарямъ. При перечисленіяхъ второго рода, мы имѣли, въ качествѣ пособія, разрозненныя сообщенія Калькашанди о Фатымидскихъ чинахъ¹⁾. Въ обоихъ же случаяхъ, намъ оказывали помощь ясныя и опредѣленныя данныя текста описанія новогодняго выѣзда.

Въ заключеніе нашихъ вступительныхъ замѣчаній укажемъ, что этотъ текстъ, сколько намъ извѣстно, не только не былъ никѣмъ переведенъ, но даже самое содержаніе его до сихъ поръ почти не было извѣстно²⁾.

1) Благодаря этому обстоятельству, историки Фатымидскаго Египта находятя въ гораздо болѣе благоприятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ напр. византилисты — см. О. Успенскій, *Византійская табель о рангахъ*, Изв. Русс. Арх. Инст. въ Константинополѣ, III, Софія, 1898, 98 — 137, особенно 130.

2) См. попутное замѣчаніе K r e m e r, *Culturgeschichte*, II, 295.

Прежде всего дается подробное описание одѣянія халифа, которое получалъ завѣдующій халифской сокровищницей одеждъ (مقدم خزانه الكسوة). Для провѣрки и пониманія описываемыхъ различныхъ частей одѣянія халифа, можно привлечь аналогичныя описанія въ другихъ мѣстахъ книги Макризи—напр. выдержки изъ того-же Ибн-ал-Мамуна, ۴۷۱, ۸ слѣд., гдѣ дается описание одежды халифа въ день выѣзда для открытія Нильскаго канала, а также и ۴۷۲, ۳۰ сл. и ۴۷۳, ۱۲ сл. Ибн-ал-Мамунъ даетъ описанія двухъ полныхъ одѣяній (بدلة въ нашемъ описаніи всегда имѣетъ значеніе именно полного одѣянія, всѣхъ частей костюма¹⁾) — одного для выѣзда (برسم الموكب), другого — для сидѣнья за праздничнымъ пиромъ (برسم الجلوس على السباط). Такъ какъ самымъ торжественнымъ и самымъ полнымъ выѣздомъ былъ именно новогодній выѣздъ, то первое одѣяніе мы имѣемъ полное право считать тѣмъ самымъ, которое одѣвалъ халифъ въ новогодній выѣздъ. Составъ его текстъ опредѣляетъ въ одиннадцать частей съ обѣими перевязями (باللغافتين). Въ дальнѣйшемъ описаніи этими перевязями оказывается ткань عرضت, такъ какъ при вторичномъ упоминаніи этой ткани, еще прибавлено لغافة للتخت, перевязь или покровъ для сундука²⁾. Все это полное одѣяніе было, по словамъ Ибн-ал-Мамуна, расшито золотомъ (مزجبة), а собственно костюмъ (ثوبها) былъ разукрашенъ круглыми узорами и имѣлъ волочащійся подолъ³⁾. Какъ для всего одѣянія, такъ и отдѣльныхъ частей его, Ибн-ал-Мамунъ даетъ цѣну въ динарахъ и количество пошедшихъ на работу золотыхъ нитей. Вообще необходимо отмѣтить, въ цѣляхъ поясненія слѣдующаго описанія, что вышитыя золотомъ драгоцѣнныя одежды составляли необходимую принадлежность всѣхъ высшихъ сановниковъ Фатимидскаго государства. Лица, состоявшія рангомъ ниже, получали вышитыя шелкомъ одежды. Сорта золотыхъ нитей, указываемые Ибн-ал-Мамуномъ, слѣдующіе—العالي (высшій), العراقي (Иракскій), المصري (Египетскій⁴⁾). Описание одежды начинается съ головного убора, состоявшаго изъ трехъ частей —

1) См. объ этомъ словѣ Dozy, Supplément, I, 58.

2) تخت—сундукъ см. Kremer, Beiträge, I, 2f; одежды выдавались уложенными въ сундуки, ср. еще Макризи, I, ۴۷۱, ۲۲ или ۴۷۲, ۳۰ сл.

3) موشع مياوم مذايل; слово مياوم образовано отъ перс. جام, чаша, см. Kremer, Beiträge, I, 30 и 37; то обстоятельство, что при торжественномъ выѣздѣ платье халифа было сдѣлано изъ драгоцѣнной ткани съ такимъ узоромъ указываетъ, вѣроятно, на особую цѣнность этого матеріала.

4) О сортахъ العراقي والمصري см. Karabacek, Susandschird, 17 и 20. О золотыхъ нитяхъ вообще—Kremer, Culturgeschichte, II, 294; W. Heyd, Histoire du commerce du Levant, II, 677—678; Karabacek, о. с. 12 ff.

1) шапочки *шашийя* (شاشية¹) изъ драгоценной ткани *тамимъ* (طميم²), 2) шарфа съ золотыми полосами, обертывавшагося вокругъ шапочки и образывавшаго тюрбанъ (منديل³), 3) перевязи (وسط), надѣвавшейся подъ шарфъ и служившей подкладкой ему, изъ ткани *шарбъ* (شرب, въ текстѣ ошибочно *серб*, ср. I, 471, 19). Далѣе слѣдуютъ три названія собственно одѣждъ — 4) одѣяніе, разукрашенное круглыми узорами и каймой (مطرق⁴) — 5) одѣяніе (надѣвавшееся, вѣроятно, подъ сейчасъ названное) среднее (وسطاني), полотняное (دبيقي, Дабикійское), съ шелковыми узорами и 6) полотняная, вышитая шелкомъ туника (غلالة⁵); далѣе мы имѣемъ 7) и 8) двѣ перевязи рукавовъ, одна вышитая золотомъ, другая — шелкомъ⁶); слѣдующимъ предметомъ 9) является обозначенный въ текстѣ словомъ *хаджа* (حجرة) и относительно котораго мы, въ данномъ случаѣ, рискуемъ лишь высказать нѣкоторыя предположенія. Хотя слово *хаджа* стоитъ неоднократно въ текстѣ Макризи и именно въ такомъ начертаніи и хотя его значеніе «шлейфъ»⁷) соответствуетъ общему описанію костюма *мзаил* (مزایل), мы все-же предлагаемъ, въ видѣ вопроса, иное значеніе для этого слова, получаемое, однако, при помощи коньектуры. Пржеде всего намъ кажется, что при опредѣленіи костюма *мзаил*, и названіе шлейфа было-бы *зил* (ذيل). Кромѣ того, исходя изъ мысли, что описаніе дается въ опредѣленномъ порядкѣ, мы, изъ-за сосѣдства этого слова со словомъ *عرض*, т. е. «перевязь, поясъ» — какъ увидимъ далѣе, — думаемъ, что, читая это слово *хаджа*, мы можемъ видѣть въ немъ тоже «поясъ», но иной, чѣмъ *عرض*, именно — надѣваемый ниже, подъ верхній поясъ (таково значеніе этого слова по словарямъ). Наконецъ, послѣдними предметами, упоминаемыми въ этомъ описаніи, являются 10) и 11) — *عرض*, вышитый золотомъ и простой. *عرض*, въ иныхъ случаяхъ, замѣняется *фупта* (فوطه) и *ратар* (этотъ корень скрывается въ словѣ *мзэн* (مزن, 412, 1 — о чемъ ниже) —

1) Dozy, Vêtements, 240 suiv.

2) Krieger, Beiträge, II, 12.

3) Dozy, Vêtements, 414 suiv. и Supplément, II, 653.

4) Krieger, Beiträge, II, 10.

5) Dozy, Vêtements, 319 и Supplément, II, 220; это мѣсто можетъ служить возраженіемъ на утверженіе Dozy, Vêtements, 323, что *غلالة* въ Египтѣ носилось исключительно женщинами.

6) Такого рода перевязи мы постоянно встрѣчаемъ на рисункахъ, изображающихъ средневѣковые мусульманскіе костюмы, см. напр. A. de Longprérier, Vase oriental du musée du Louvre connu sous le nom de baptistère de Saint Louis, Oeuvres, t. I, Paris, 1883, 462—463 или А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо, СПб., 1890, 181, 182, 183 и т. д.

7) Dozy, Vêtements, I, 253.

т. е. имѣеть значеніе «пояса», «перевязи» (ср. I, ۴۷۱, ۱۶ — عرضی لفافة خاصّ; это слово, впрочемъ, имѣеть также значеніе тюрбаннаго¹⁾ шарфа. Ср. еще у Макризи, I, ۴۷۳, ۳۰ — باوساطوم العراض الديقیّ. Второй عرضی былъ назначенъ для ящика съ этимъ костюмомъ, (ср. Макризи I, ۴۷۱, ۱۷ — برسم نغطية التخت). Такова была та одежда, которая предназначалась для халифа во время выѣзда. Въ этомъ же описаніи говорится и о другой одеждѣ, надѣвавшейся халифомъ для торжественнаго пира. Одежда эта состояла изъ — шапочки *шашійя* изъ *тамима*; тюрбаннаго шарфа *мидиля*; верхней одежды (*شعة وكم*; опредѣлить значеніе *كم* мы затрудняемся и переводимъ, исходя изъ порядка описанія); средней одежды изъ Дабикійской (полотняной) ткани, шитой шелкомъ; Дабикійской-же тунники; рукавной перевязи, шитой шелкомъ; нижняго пояса (*حجره*); верхней перевязи; къ этому прибавлялась еще перевязь для ящика. Для выѣзда халифа въ день открытія Нильскаго канала, по словамъ того-же Ибн-ал-Мамуна, ۴۷۱, ۸ сл., представлялись халифу одежды, сходныя съ вышеописанными: одна — для пути туда, другая — для пути обратно; обѣ находились въ особыхъ ящикахъ²⁾. О халифскомъ костюмѣ въ эту церемонію см. еще Насыри-Хосроу, 140—141, ۴۷—۴۸. Значительно короче другія описанія, данныя у Макризи, ۴۱۳, ۱ сл. и ۴۷۲, ۳۰ сл.

Изъ слѣдующихъ одѣяній, вслѣдъ за описаніемъ костюма халифа, упоминается обѣ одѣждѣ брата его (т. е. въ данномъ случаѣ, вѣроятно, ближайшаго преемника его, такъ какъ описаніе относится къ халифу Амиру, который не оставилъ преемника — сына³⁾). Это также было вышитое золотомъ полное одѣяніе (*بدلة مزهجة*), но количество составлявшихъ его предметовъ было значительно меньше. Онѣ получалъ — тюрбанный шарфъ, Дабикійскую (полотняную) шитую шелкомъ, такъ называемую, среднюю одежду, Дабикійскую-же туннику, поясъ (*حجره*), Дабикійскую перевязь (*عرضی*).

Изъ слѣдующихъ описаній стоитъ отмѣтить роскошное и разнообразное одѣяніе старшей жены халифа (таково, думаемъ, значеніе здѣсь *الجهة العالية*), хотя въ интересующемъ насъ новогоднемъ выѣздѣ это лицо никакого участія

1) Dozy, Supplément, II, 113.

2) О словѣ *بدنة*, упоминаемомъ въ этомъ текстѣ см. Dozy, Supplément, I, 58; BGA, IV, 185—186; Kremer, Beiträge, I, 16 и его-же, Lexicographische Notizen nach neuen arabischen Quellen, Sitzungsberichte der Wiener Akademie, phil.-hist. Classe, Bd. 112, 1886, 8.

3) Wüstenfeld, Geschichte der Fatimiden-Chalifen, 300 и Stanley Lane Poole, History of Egypt, 166.

не принимало. Она получала роскошную, вышитую золотомъ, полную одежду (حَلَّة); отмѣчаемъ, что полное мужское одѣяніе всегда называется *بدلة*, тогда какъ полное женское одѣяніе — *حَلَّة*, съ круглыми узорами, со шлейфомъ, отороченную. Какъ составныя ея части даются слѣдующія названія: шитый золотомъ *судаси* (سُدَّاسِي¹⁾); изъ порядка описанія и сопутствующихъ названій, заключаемъ, что здѣсь разумѣется головное покрывало²⁾; первый *ми́джаръ*, т. е. тоже головной уборъ (مِعْجَر³⁾) — шитый золотомъ, съ круглыми узорами, отороченный; второй *ми́джаръ*, шитый шелкомъ; два плаща — первый и второй, — шитые шелкомъ; *дурра́а* (دِرَاعَة⁴⁾), украшенная круглыми узорами, со шлейфомъ, шитая золотомъ; затѣмъ средняя одежда, Дабикійская (полотняная), шитая шелкомъ; также Дабикійская одежда безъ вышивки (отмѣчаемъ противопоставленіе *حَرِيرِي* и *بَغِيرِ رَقْمِ*); Дабикійская *мулаа*⁵⁾ (въ нашемъ текстѣ, однако, это слово имѣетъ, повидимому, не значеніе плаща, а одѣянія, надѣвавшagoся подъ предшествовавшую ей въ описаніи одежду); три рукавныхъ перевязи; поясъ (*حِجْرَة*); перевязь (*عُرْصِي*). Одѣянія остальныхъ женщинъ и родственниковъ халифа подробно не описываются, а лишь опредѣляются въ общихъ названіяхъ — для женщинъ *حَلَّة*, для мужчинъ *بدلة*. Двоюродные братья халифа — среди которыхъ упомянуть на первомъ мѣстѣ и будущій халифъ Хафизъ Абу-л-Маймун-ибн-Абд-ал-Маджидъ — дѣлялись на два разряда *الجلساء* и *غیر المجلساء*; первые получали *بدلة مزهجة*, шитое золотомъ одѣяніе, вторые *بدلة حريري*, шелкомъ шитое одѣяніе.

Далѣе (ص 11, II сл.) упоминаются тѣ служащія въ различныхъ дворцовыхъ учрежденіяхъ, которыя тоже получали различныя одѣянія, сообразно ихъ степени. Прежде всего служащія въ «сокровищницѣ избранной одежды» — «Зейн-ал-хуззанъ» («Украшеніе хранителей»), начальница сокровищницы, получала золотомъ шитое, полное одѣяніе; шесть хранительницъ получали полныя одѣянія, шитыя шелкомъ; десять надсмотрницъ (*وَقَائِنَات*, по рангу ниже хранительницъ) также шитыя шелкомъ полныя одѣянія. Завѣдывавшая параднымъ столомъ халифа и завѣдывавшая «сокровищницей питья» получали также полныя одѣянія, шитыя шелкомъ. Сто семьдесятъ

1) Lane, Dictionary, I, 1332, garment of the kind *ازار*.

2) Dozy, Vêtements, 24, *ازار*.

3) Dozy, Vêtements, 297.

4) Dozy, Vêtements, 177 и Supplément, I, 434.

5) Dozy, Vêtements, 408 и Supplément, II, 609.

шитыхъ золотомъ и шитыхъ шелкомъ полныхъ женскихъ одѣяній шло женщинамъ завѣдывавшимъ различными мастерскими, какъ дворцовыми (القصوريات), такъ и присоединенными къ нимъ везирскими (последнее слово выражено въ текстѣ الافضليات т. е. прозваніемъ везира, предшественника Мамуна, въ лѣтописи сына котораго сохранились сообщаемыя нами извѣстія; это обстоятельство возбуждаетъ вопросъ — не Афдалъ-ли первый организовалъ мастерскія при دار الوزارة по образцу халифскихъ?). Женская свита халифскихъ женъ также получала полныя одѣянія, какъ вышитыя золотомъ, такъ и вышитыя шелкомъ.

Слѣдующее за этимъ перечисленіе нѣкоторыхъ *«устадовъ съ перевязью»* можно сопоставить съ тѣмъ сводомъ чиновъ, которое имѣется у Калькашанди, 179—180, 181 слѣд., а также съ краткимъ упоминаніемъ главнѣйшихъ чиновъ этого рода у того-же Макризи ۱۷۴, ۷ сл., въ цитатѣ изъ Ибн-ат-Тувайра. Эту цитату, за краткостью ея, мы предлагаемъ въ переводѣ. — «Самыми близкими людьми къ халифу были *уставы съ перевязью*, люди выдающіеся и имѣвшіе особо почетныя служебныя обязанности. Въ ихъ составъ входили: завѣдующій халифскимъ замкомъ (زام القصر), свертывавшій славный вѣнецъ (شادّ التاج الشريف), завѣдующій государственной казной (صاحب بيت المال), завѣдующій придворными расходами (صاحب الدفتر), завѣдующій халифской перепиской (صاحب الرسالة), завѣдующій ближайшими *шарифами* (زام الاشراف الاقارب; шарифы — потомки Али-ибн-Абу-Талиба), завѣдующій пріемнымъ заломъ (صاحب المجلس). — Сравнивая перечисленные здѣсь чины съ таблицей, данной Калькашанди, 182—183, и текстомъ Ибн-ал-Мамуна, мы замѣчаемъ, что наибольшее число ихъ указано у Калькашанди — именно девять. У Ибн-ат-Тувайра ихъ имѣется только семь — не имѣются صاحب الدواة и صاحب المائدة. Въ перечисленіи Ибн-ал-Мамуна нѣтъ нѣсколькихъ лицъ, указанныхъ въ таблицѣ Калькашанди, а حامل المظلة и مقدم خزانة الكسوة الخاصъ введены въ разрядъ *«уставовъ съ перевязью»*, хотя у Калькашанди ни того, ни другого нѣтъ въ таблицѣ (первый помѣщенъ отдѣльно, ранѣе списка). Не дѣлая изъ этого какихъ-либо заключеній, такъ какъ Ибн-ат-Тувайръ, весьма возможно, не претендовалъ на полноту, а Ибн-ал-Мамунъ давалъ перечисленіе чиновъ, лишь имѣвшихъ отношеніе къ данному празднику, мы отмѣчаемъ въ терминологіи чередованье словъ صاحب и متولى, какъ равнозначущихъ. Такъ, у Калькашанди и Ибн-ат-Тувайра мы имѣемъ صاحب بيت المال и صاحب الدفتر, у Ибн-ал-Мамуна — متولى بيت المال и متولى الدفتر; у Калькашанди —

صاحب المائدة, у Ибн-ал-Мамуна — متولى المائدة. Кроме того, считаемъ нужнымъ прибавить, что слова صاحب, متولى, زمام, مقّم мы вездѣ переводили «завѣдующій», хотя относительно послѣднихъ терминовъ и не имѣемъ доказательствъ въ текстѣ относительно того, что они равнозначущи صاحب и متولى; мы не нашли однако возможнымъ дать точное разграниченіе въ русскомъ языкѣ.

Возвращаясь теперь къ нашему тексту, отмѣчаемъ, что, при описаніи раздававшихся *устадамъ* одежды, Ибн-ал-Мамунъ не даетъ подробныхъ описаній; онъ лишь говоритъ, что одежды были шитыя золотомъ и шитыя шелкомъ. Изъ *устадовъ съ перевязью* слѣдующіе получали одежды шитыя золотомъ — завѣдующій халифскимъ замкомъ, завѣдующій придворными расходами, завѣдующій государственной казной, носитель зонтика, завѣдующій приемнымъ заломъ (متولى الستر), завѣдующій халифскимъ столомъ, завѣдующій сокровищницей избранныхъ одеждъ (въ этомъ мѣстѣ дано лишь собственное имя, но см. № 10, 9). *Устады* ниже ихъ получали одежды, шитыя шелкомъ, въ количествѣ четырехъ частей и перевязей (فوطه, а не عرضى). Нѣкоторые изъ нихъ, въ видѣ исключенія, получали и шитыя золотомъ одежды; нашъ текстъ напр. называетъ шесть *устадовъ* въ сокровищницѣ избранныхъ одеждъ, получавшихъ вышитыя золотомъ одежды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ особо отмѣчаются и болѣе простыя одежды; такъ, каждый изъ четырехъ «замѣстителей завѣдующаго халифскимъ замкомъ» получалъ шитую шелкомъ одежду изъ ткани *хусравани*. Такое-же одѣяніе получали завѣдующій «сокровищницей питья» и помощникъ его. Изъ получавшихъ шелковыя одежды, въ интересахъ новогоднего выѣзда, отмѣчаемъ четырехъ славянъ, состоявшихъ при опахалахъ. Далѣе, пять *устадовъ*, состоявшихъ при зонтикахъ и шесть *устадовъ* — «конюховъ», состоявшихъ при верховыхъ животныхъ (вѣроятно состоявшихъ при тѣхъ изъ нихъ, которыя играли наиболѣе важную роль въ процессіи), получали каждый — тюрбанный шарфъ изъ Сусійской ткани (سوسى)¹⁾, два костюма изъ тканей Димьяти (دمياطى) и Искендерани (اسكندراني) и перевязь (فوطه, не عرضى).

Число одеждъ везира опредѣляется числомъ, равнымъ числу одеждъ халифа, т. е. одиннадцать, но подробнаго описанія не дается; выдавались также одежды для женъ его и для сыновей.

Секретарь халифской канцеляріи (كاتب الدست الشريف)²⁾ получалъ

1) Dozy, Vêtements, 317 и Supplément, I, 701.

2) Sacy, Chrestomathie, I, 133 и Quatrième, Mamlouks, II, 2, 239.

вышитое золотомъ одѣяніе изъ пяти частей, *кумма* (круглой, высокой шапки¹⁾ и перевязи (عرضى). Завѣдующій *хаджибами* (т. е. камергерами; въ текстѣ вмѣсто *حجة* стоитъ *حجية*)—шитое золотомъ одѣяніе. Кади (вѣроятно *قاضى النضاة*) полагалось вышитое золотомъ одѣяніе изъ четырехъ частей, *кумма* и перевязи (عرضى). Проповѣднику (вѣроятно *داعى الرعاة*)—вышитое золотомъ одѣяніе. Начальнику *шарифовъ* (см. Калькашанди, 183, гдѣ *نقابة الطالبين* надо исправить въ *نقابة الطالبين*)—вышитое шелкомъ одѣяніе изъ трехъ частей и перевязи (فوطه). Такое же одѣяніе получалъ и завѣдующій канцеляріей составленія бумагъ халифа (объ этой канцеляріи *الانشاء ديوان*, см. Калькашанди, 188). Завѣдующій канцеляріей переписки халифа (*ديوان المكتبات*— см. Калькашанди, 188), получалъ шитое золотомъ одѣяніе изъ трехъ частей и *кумма*. «Составитель бумагъ въ канцеляріи переписки» получалъ шитое золотомъ одѣяніе изъ трехъ частей, *кумма* и *зуннара* (это слово видимъ мы въ испорченномъ чтеніи текста *مززر*; возможно, что этотъ внѣшній знакъ христіанъ долго держался въ костюмѣ египетскихъ писцовъ потому, что нѣкогда копты несли обязанности переписки); писцы-же получали шитыя шелкомъ одежды. «Завѣдующій канцеляріей засѣданій» (*ديوان المجلس*, о которомъ см. Калькашанди, 192) получалъ шитую золотомъ одежду изъ пяти частей, *кумма* и перевязи (عرضى), жена-же его полное женское одѣяніе. «Завѣдующій списками засѣданій» (*متولى الدفتر*— о немъ см. Калькашанди, 192)—одѣяніе (вѣроятно шитое золотомъ, такъ какъ сынъ его получалъ шитое шелкомъ). Завѣдующій правительственной гостиницей (*دار الضيافة*)²⁾ получалъ шитое золотомъ одѣяніе; различные гости, являвшіеся къ правительству, и послы получали—одни шитое золотомъ, другіе шитыя шелкомъ платье. Начальники стремянныхъ юношей получали вышитыя золотомъ одѣянія; тѣ-же четверо, которые шли у уздечки—шитыя шелкомъ, такъ же какъ три (старшихъ) «доѣзжачихъ». Изъ двадцати двухъ «избранныхъ слугъ» (*الخاص من الفراشين*), четыре главныхъ получали вышитыя золотомъ одежды, остальные-же—шитыя шелкомъ. Придворные врачи (см. Калькашанди, 195), равно, какъ восемь человѣкъ, прислуживавшихъ халифу въ банѣ, за исключеніемъ начальника ихъ, получавшаго

1) Dozy, Vêtements, 389 и Supplément, II, 487.

2) Dozy, Supplément, II, 17. Этимъ извѣстіемъ опровергается сообщеніе Калькашанди, 82, что до Айюбидовъ правительство не заботилось объ устройствѣ гостиницъ и страннопріимныхъ домовъ въ Египтѣ. Ср. у него-же 66.

штыю золотомъ одежду, всѣ получали одежды, штыя шелкомъ. Наконецъ, оба *вали*, Кахыры и Мисра, получали по вышитой золотомъ одеждѣ.

Заключительный рядъ перечисленій состоитъ изъ названій тѣхъ лицъ и полагавшихся имъ одеждъ, которыя имѣли опредѣленные служебныя обязанности во время халифскихъ процессій. Эта часть описаній особенно интересна для насъ, въ виду отношенія къ наиболѣе торжественному халифскому выѣзду—новогоднему.

Несшій «славное копье» в щитъ Му'изза въ задней половинѣ процессіи, получалъ шитое шелкомъ одѣяніе¹⁾. Два человѣка, несшіе также относимыя къ Му'иззу два копья, но уже въ передней части процессіи и безъ щитовъ,— получали каждый шарфъ для тюрбана, платье и перевязь (فوطة). Эти копья, прибавляетъ текстъ, не были арабскія, а персидскія (خشوت), привезенныя еще Му'иззомъ изъ Магриба²⁾. Несшіе справа и слѣва два «знамени славы», являвшіяся инсигніями халифа, получали каждый по одѣянію (какому—не указано)³⁾. Надсмотрщикъ за «муломъ процессіи», на которомъ, объясняетъ текстъ, везли весь Магрибскій уборъ т. е., какъ мы думаемъ, зонтикъ — получалъ шитое шелкомъ платье. Это мѣсто требуетъ объясненій. Выше мы уже видѣли, что въ конюшнѣ заготовляли для халифа — лошадей, а для зонтика — мула. Въ пынѣ-же занимающемъ насъ текстѣ, полагавшееся несшему зонтикъ, т. е. шитая шелкомъ одежда, приводится непосредственно за сейчасъ упомянутой фразой. Изъ этого мы заключаемъ, что подъ «Магрибскимъ уборомъ» разумѣется именно зонтикъ. Изъ десяти «избранныхъ юношей», несшихъ десять арабскихъ [мечей]⁴⁾, крытыхъ (т. е. въ ножнахъ) *дибаджемъ*, въ задней половинѣ процессіи, каждый получалъ тюрбанный шарфъ, платье и перевязь (فوطة). Несшіе въ задней половинѣ процессіи изображение льва — получали шитое шелкомъ одѣяніе⁵⁾. Каждый начальникъ «юношей свиты», а ихъ было двадцать, получалъ одѣяніе (какое—не указано). Штыю шелкомъ одежду получалъ каждый изъ начальниковъ тѣхъ слугъ (الترشون), которые были по рангу ниже: «избранныхъ слугъ», слугъ пріемной залы халифа и слугъ сокровищницы избранныхъ одеждъ. Семь слугъ въ сокровищницахъ одеждъ

1) Объ этомъ лицѣ было упомянуто въ описаніи выѣзда.

2) О нихъ, какъ и о несшихъ ихъ, въ нашемъ описаніи процессіи ничего не говорится. См. наше прим. 22.

3) Объ этихъ знаменахъ и несшихъ ихъ уже говорилось въ описаніи выѣзда.

4) Въ текстѣ стоитъ *رمح*, но изъ числа десять и указанія на матеріалъ, изъ котораго были сдѣланы ножны (دباج), мы заключаемъ, что дѣло идетъ о тѣхъ мечахъ, которые неслись въ процессіи новогодняго выѣзда и назывались — سيف الدم. Въ рук. Учебнаго Отд. *العربية — المغربية*.

5) О нихъ уже сказано въ нашемъ текстѣ.

получали каждый тюрбанный шарфъ изъ Сусійской ткани и по два платья изъ ткани Искендерани. Эти слуги, въ ночь выѣзда, перевязывали передъ халифомъ, «знамена славы», «серебряныя копыя», знамена везиратъ и пр., причемъ онъ собственноручно накладывалъ перевязь, они же доканчивали завертыванье. Четырнадцать человекъ, служившихъ для несенія «серебряныхъ копій» и двухъ небольшихъ знаменъ-инсигній везирата — получали то-же. Шитыя шелкомъ одѣянія получали, кромѣ того: завѣдующій сокровищницей ароматовъ (въ которой хранились значки изъ драгоценныхъ камней, сопровождавшіе халифа при торжественныхъ выѣздахъ его, равно какъ мечъ и три копыя Му'изза), завѣдующій сокровищницами сѣделъ, завѣдующій сокровищницами ковровъ, писецъ государственнаго казначейства, завѣдующій сокровищницами питья и завѣдующій сокровищницами книгъ¹⁾.

Таково было то распредѣленіе почетныхъ одеждъ, о которомъ Ибн-ал-Мамунъ сообщилъ намъ вкратцѣ, примѣнительно къ частному случаю. Изъ данныхъ имъ матеріаловъ, мы выдѣляли общее и казавшееся намъ наиболѣе существеннымъ для поясненія переведеннаго нами текста описанія торжественнаго выѣзда.

К. Иностранцевъ.

1) Почти по окончаніи печатанія мы обратили вниманіе на невыдержанность написанія слова *insignia*. Въ то время какъ множ. ч. мы образовывали въ женскомъ родѣ (какъ *regalia*, *regalia* — отъ *regalis*), един. ч. мы писали *инсигвій* (отъ слова средняго рода *insigne*). Извиняемся въ этомъ передъ читателями.